

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 52 ДЕКАБРЬ 1986

ФИРМЕННЫЙ ЗНАК

ТИХИЙ УГОЛ—
НЕ ДЛЯ МЕНЯ

ПРОЗА
ЮРИЯ ТРИФОНОВА

СЕМЬЯ + ШКОЛА =
ЛИЧНОСТЬ

КАРТИНЫ
ТАТЬЯНЫ
НАЗАРЕНКО

С НОВЫМ ГОДОМ,
ДРУЗЬЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 52 (3101)

27 ДЕКАБРЯ —
31 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 05.12.86. Подписано к печати 22.12.86. А 00778. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 3160. Заказ № 4101.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Человек на своей земле

Борис РЯЗАНЦЕВ,
фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА

НАРЕКЛИ КОМСОМОЛЬСКОЙ

Един и неистов хор петушиный. Не какая-то там разногласица деревенская, а согласный ансамбль равноправных солистов. Исполнители импровизировали в мажоре. Так утверждал главный зоотехник-селекционер госплемптицезавода «Горки-2», кандидат сельскохозяйственных наук Борис Павлович Коновалов. А он не только главный специалист хозяйства по генеалогии многих поколений кочетов. Он и искусный знаток их ораторий, способных отразить малейшие оттенки настроения и самочувствия птиц.

Ну, а птичница Нина Сергеевна Пронина катила по проходу селекционника тележку, укладывала яйца и регистрировала их в объемистом гроссбухе.

— И давно пишете?

— Без года — тридцать, — ответила Пронина.

— Она у нас первое место занимает по племенной ферме. Куры у нее несутся лучше и чаще, чем у других, — подсказал Борис Павлович.

На фирменном знаке ордена Ленина ГППЗ «Горки-2» изображен задорный петушок. Он определяет основное направление завода — снабжать племенным яйцом фермы Московской области. Но предприятие многоотраслевое. Оно поставляет в столицу молоко и продукты растениеводства.

«Горки-2» — одно из старейших племенных птицеводческих хозяйств не только в Подмосковье, но и, пожалуй, в стране. Основано оно в 1924 году по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Люди, пришедшие в брошенную помещицью усадьбу, должны были в короткий срок решить наиважнейшую, по мнению Феликса Эдмундовича, задачу: подкормить голодаю-

щих детей Москвы. Тогда тут был небольшой дом. А в нем и контора, и столовая, и общежитие.

Теперь здесь аккуратный поселок с привычными городскому взгляду зданиями школы, детских садов и яслей, торговым центром, строящимся Дворцом культуры. Работники племзавода живут в отдельных квартирах многоэтажных домов. Еще несколько лет назад бытовало мнение, что именно так следует организовывать социально-бытовые условия для тружеников села. То есть максимально приблизить их жизнь к городской обстановке. Стремление было, безусловно, похвальное. Но, как оказалось, выбрано было несколько не то направление.

— Наверняка я не большой знаток архитектуры, — признался директор госплемзавода Анатолий Николаевич Черкасов. — Но, на мой взгляд, многоэтажные корпуса не очень украшают сельский пейзаж. Да и нет нужды гнать их в рост. Но главный просчет, пожалуй, в том, что не учитывалась психология крестьянина, который в буквальном смысле отрывался от земли. А у него все должно быть под рукой: и свиной закус, и стайка для коровы, и огород. И, конечно, работа не за тридевять земель. Что же касается комфорта, то его можно создать и в домах деревенского типа.

...Не идет из памяти старая рязанская деревня. Молодежи в ней нет. Летом, правда, наезжают. Но явными дачниками. Приходят в избу-читальню — половину большого дома, где книг нет, но есть телевизор и радиолы. В другой половине — школа, в которой никто не учится. Двух-трех ребятишек отправляют за три километра в соседнее село... Нет школы, значит, и нет молодых родителей учеников. Перебрались поближе к районному центру: к культуре, к комфорту, к современности. Нет молодежи — некому работать на механизмах.

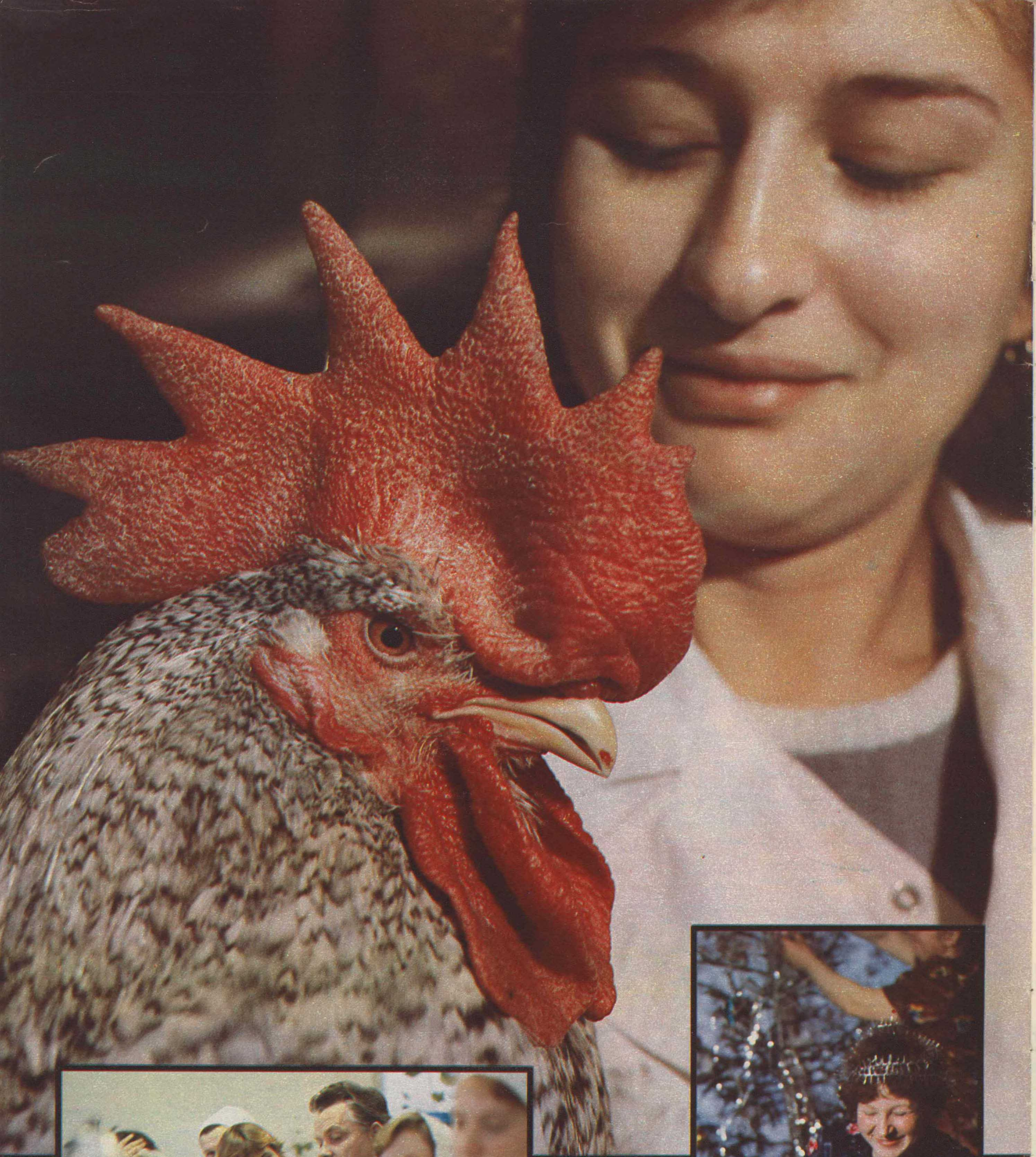
Водитель Вячеслав Панов
и заместитель директора С. Л. Коломыцев
на новой улице Барков.

ХОРОШО У КАМИНА!
И НЕ СЕЛЬСКИЙ БУДТО
ДОМ ПО УДОБСТВАМ.
ЕЩЕ СЛЫШЕН ЗАПАХ КРАСКИ
В КОМНАТАХ.
ДОМОВ — ЦЕЛАЯ УЛИЦА.
А В ПРЕДСТОЯЩЕМ ГОДУ
ПОЯВИТСЯ ЕЩЕ ОДНА.
БУДУТ И РАДОСТИ,
И УСПЕХИ,
КОТОРЫЕ ПРИНЕСЕТ
НОВЫЙ ГОД,
УЖЕ ПРОКЛЕВЫВАЮЩИЙСЯ
ИЗ КАЛЕНДАРЯ,
КАК ЭТОТ ЦЫПЛЕНОК.

Старший зоотехник-селекционер Ольга Мухлаева со своим «воспитанником».

Новый год в новом доме — Любовь Шабанова и Татьяна Лычагина.

Еженедельный чай на молочной ферме. В гостях директор Анатолий Николаевич Черкасов.

Конюшня пустая, дороги разбиты так, что техника не проходит — отремонтировать их капитально нельзя, поскольку рук нет. На полях, где еще десять лет назад росла рожь, — бурьян...

В новостроенной школе деревни Барки учатся пятеро ребятишек. Один во втором классе, остальные первоклассники. Не накладно ли содержать школу, хотя бы и начальную для столь незначительного числа детей? Не выгоднее было бы возить их на центральную усадьбу — в «Горки-2»?

— Смотря как считать, — ответила директор школы — детского сада производственного центра Барки, как теперь именуется деревня, Надежда Ивановна Ложкарева. — Если стремиться к сиюминутной выгоде, как привыкли за долгие годы, то, конечно, лучше бы закрыть. Да и мне признаться, нелегко и готовиться к урокам на два класса, и директорствовать. Может, и сбежала бы, но от такого прекрасного дома — теперь ни за что.

Новую улицу в Барках недавно на сходе назвали Комсомольской. На ней тринадцать двухэтажных домов со всеми удобствами и приусадебными постройками. Улицу прерывает площадь. На ней пять новых сооружений: Дом культуры, медпункт, верхний этаж которого — квартира врача, КБО — баня, продуктовый магазин и, наконец, школа-детсад.

— ...Преданность своей земле воспитывается в детстве, — продолжила Надежда Ивановна. Если думать о детях как о будущем хозяйства, то сейчас оно вкладывает свой капитал в это будущее. Кто знает, какие Тимирязевы среди этих первых пятерых? И содержать для них школу — совсем не роскошь. Тем более, что она со временем станет многолюднее.

Не сочли излишеством в хозяйстве и селить передовых работников в дома на новой улице. По заслугам и удобства.

— На мой взгляд, наш строительный цех несколько не вспомогательное подразделение, — сказал заместитель директора по производству Сергей Леонардович Коломыцев. — Ведь мы сейчас одновременно возводим в Барках еще восемь новых домов. А это — только начало. Мы заключили договор о сотрудничестве с лабораторией робототехники Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных проблем машиностроения для животноводства и кормопроизводства. Доярка по задуманной идее должна управлять роботизированной линией доения и обслуживания животных. Так что у строителей впереди немало дел...

Татьяна Лычагина и Любовь Шабанова работают в одном звене и живут с семьями в домах на Комсомольской улице в Барках. До фермы ходьбы минут десять. Мужья доярок работают слесарями на той же ферме. По всей видимости, именно им и предстоит освоить все те новинки, о которых говорил Коломыцев.

Правда, они и без них устойчиво надаивают от каждой коровы не менее пяти тысяч литров молока в год, что, кстати, послужило одним из важнейших пунктов, по которым им выделили новые дома. Но кто же откажется от облегчения в работе? Тем более, что в коровнике уже начали устанавливать новое оборудование. Значит, меньше будут уставать, больше времени уделять семье и, конечно, своему дому с подсобным хозяйством.

— Мы взяли на откорм пять бычков, — сказала Татьяна Ивановна. — И хозяйству помощь, и нам хорошее дополнение в семейную казну. Кормами нас обеспечивают, а уход профессиональный.

— А как у вас со снабжением продуктами и товарами?

— Ну, магазин-то наш вы, наверное, видели, хороший магазин. А промтовары — в торговом центре в Горках...

На втором этаже торгового центра есть, пожалуй, все для быта. Все, кроме пресловутого дефицита. Но и с ним проблема во многом решена. Примерно два раза в месяц магазин № 31 Одинцовского горпо организует выездную торговлю для работников «Горки-2».

— Слов нет, очень удобно, когда одежда, обувь, ткани и прочие нужные и красивые вещи сами находят нас, — призналась ветеринарный врач Антонина Ивановна Васильева...

В ГППЗ «Горки-2» к людям относятся с душой. И подтверждением тому — новая улица Барков.

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

Вот и закончился год. Перебирая стопки ваших писем, дорогие читатели, хочется поразмышлять вместе с вами, что же вы думаете о нас, что одобряете или не одобряете в нашей работе, что вас волнует и тревожит в жизни.

«Недавно мне попался в руки один из последних номеров «Огонька», кстати, помогла рекламная полоска на обложке. Вопреки моему давно сложившемуся впечатлению о заурядности этого издания журнал вызвал во мне живой интерес. Решил покупать его чаще».

В. Н. ЮГОВ

Ярославль.

«Давно перестал читать «Огонек», настолько он был обезличен. Все, что положено, вроде в нем было, а читать нечего. Последние месяцы номера буквально преобразились. В продаже журнал не достать. Пишу не потому, что хочу польстить вам, мне ничего от вас не надо. Просто популярность «Огонька» сегодня — это факт».

А. М. УСЫК

Симферополь.

«Куда вы катитесь? Занялись саморекламой. Кому нужна эта затравка «Скоро, скоро»? Подробно анализировать журнал не стану, так как читаю его редко. А вот хороших современных художников публикуется мало».

Р. СОЛОДОВА

Алма-Ата.

И все же, несмотря на столь разные мнения, в почте этого года есть одно общее, его нельзя не заметить. Что нам хотелось бы сохранить на будущее? Это ту меру доверия и откровенности, с которой наши читатели стали относиться к журналу.

«Пишу вам впервые» — так начинаются сейчас многие письма. Но особенно важно, что читатели заметили перемены в освещении, подаче многих наших традиционных тем, горячо и страстно откликаются на актуальнейшие проблемы жизни, на материалы, ставящие эти проблемы.

«С огромным интересом прочитал очерк Д. Лиханова «Анатомия касты». Спасибо ему за освещение этого громкого дела, а главное, следователям, Прокуратуре СССР, органам милиции, что распустили его. Но наказание слишком гуманное. Считаю, что такие, как Трегубов, Петраков и остальные, своей «деятельностью» утратили права граждан нашего государства на смягчающие вину обстоятельства. Не хочу обвинять всех торговых работников, но двадцать миллионов погибли в Великую Отечественную войну не для того, чтобы преступники могли грабить государство и позорить звание коммуниста».

А. З. КОСТЮКОВА, член КПСС, ветеран труда

Ангарск, Иркутской обл.

Все реже встречаются в оценках читателей безличные «нравится», «не нравится». Такие выступления журнала, как очерк В. Распутина «Кяхта», интервью Ф. Медведева с В. Астафьевым,

статья Д. С. Лихачева «Несколько слов о себе», очерк В. Карпова о поэте Николае Гумилеве и другие, выявили самую активную позицию читателей.

«Пишу по зову сердца, неудержимому зову! Защита памятников Отечества — вот о чем давно болит душа. Прочитал в газете «Советская Россия» статью Вл. Енишерлова, чьи выступления в «Огоньке» я читаю всегда с большим интересом, «Контора в обители муз» и хочу рассказать вам об одном московском мемориальном музее, музее-квартире Е. Ф. Гнесиной. Существует он, как и многие в стране, на общественных началах (ни одной штатной единицы, ни одной копейки денег). Думаю, что Енишерлову, как одному из создателей цикла «Памятники Отечества» на телевидении, будет любопытно побывать у нас».

С. ЕРМАКОВА

Москва.

В своих письмах читатели называют некоторые конкретные адреса памятников культуры, архитектуры, терпящих бедствие. Читатель А. А. Покровский из Владимира возмущен бездействием местных властей по сохранению исторических памятников XVI—XIX веков и усадьбы Авдотьино «радетеля российского просвещения» Н. И. Новикова в селе Троице-Лобаново Ступинского района Подмосковья.

«Как глубоко и мудро выступил в «Огоньке» писатель Валентин Распутин (№ 43), как ярко показал значение развития духовной нашей жизни, духовного продвижения, совершенствования человеческой личности для всеобщего прогресса».

В. Е. КУЛИКОВ

Дулево, Московской обл.

«Я случайный читатель «Огонька», но сообщение в № 44 об открытии журналистской фирмы «Внедрение» задело за живое. Неужели нет сегодня у нас на Руси автомобильных Туполевых, Антоновых, Микоянов? Есть! Обидно, что улучшение советского автомобилестроения становится задачей не столько технической, сколько другого порядка. Надо активнее поддерживать изобретателей и рационализаторов, не боясь внедрять их предложения».

В. ГОРЯЧЕВ

Медвежьегорск.

Рассказ о силовом жонглере Валентине Дикуне (№ 41) вызвал буквально лавину читательских писем. Среди их авторов и те, кто обращается к Валентину Ивановичу с просьбой о помощи, и те, кто выражает слова признательности этому необыкновенному человеку за уже сделанное в лечении больных родных и близких. Вместе с тем читатели справедливо возмущаются, что В. И. Дикун до сих пор не имеет авторского свиде-

Продолжение на стр. 5.

БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялась учредительная конференция Всесоюзной организации ветеранов войны и труда.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Центрального Комитета КПСС ее участникам, которое огласил председатель организационного комитета, секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский. Он выступил с докладом о задачах и основных направлениях деятельности Всесоюзной организации ветеранов войны и труда.

Председателем Всесоюзного совета ветеранов войны и труда избран К. Т. Мазуров, председателем Всероссийского совета — Л. П. Лыкова. Генерал-полковник А. С. Желтов избран председателем Советского комитета ветеранов войны.

Колонный зал Дома союзов во время конференции.

Участники конференции из Ярославля — полный кавалер орденов Славы В. А. Чаенков, Герои Социалистического Труда Л. Ф. Кудрявцева и О. И. Абросимова.

Фото ТАСС и А. ПАХОМОВА

На открытии Новоталлинского порта. Фото ТАСС

**ТАЛЛИН:
НОВЫЙ
ПОРТ**

ЕЩЕ ОДИН ШАНС МИРУ

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

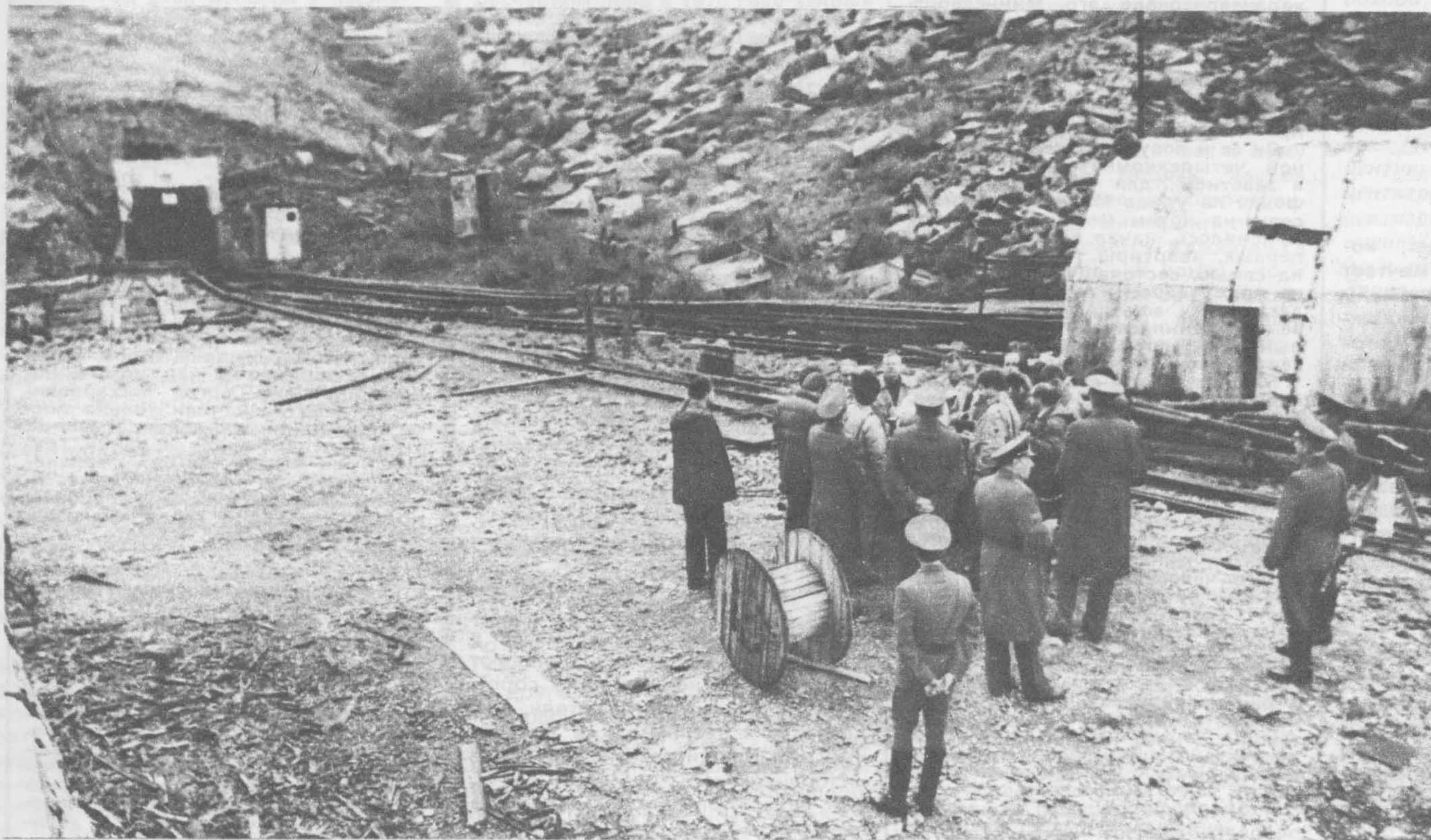
СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО СЧИТАЕТ НЕОБХОДИМЫМ ЗАЯВИТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ.

ПЕРВОЕ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВНОВЬ ПРЕДЛАГАЕТ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО НАЧАТЬ ПОЛНОМАСШТАБНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПОЛНОМ ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ. ОН ГОТОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ ТАКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В ЛЮБОМ СОСТАВЕ И НА ЛЮБОМ ФОРУМЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, С УЧАСТИЕМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. В ХОДЕ ЭТИХ ПЕРЕГОВОРОВ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РЕШЕНЫ И ВОПРОСЫ КОНТРОЛЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ БЫЛО ОБЕСПЕЧЕНО НАДЕЖНОЕ СОБЛЮЖДЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ НА ЭТОТ СЧЕТ. В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕГОВОРОВ О ПОЛНОМ ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ БЫЛ БЫ ГОТОВ ДОГОВАРИВАТЬСЯ И О ПОЭТАПНОМ РЕШЕНИИ ЭТОЙ ЗАДАЧИ, ИМЕЯ В ВИДУ РАТИФИКАЦИЮ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ДОГОВОРОВ 1974 И 1976 ГОДОВ И ВВЕДЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА КОЛИЧЕСТВО И МОЩНОСТЬ ЯДЕРНЫХ ВЗРЫВОВ.

ВТОРОЕ. СССР ГОТОВ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ СВОЕГО МОРАТОРИЯ И ДАЛЬШЕ. ОДНАКО ОН ВОЗОБНОВИТ ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЖЕ ЯДЕРНОГО ВЗРЫВА США В НАСТУПАЮЩЕМ ГОДУ.

ТРЕТЬЕ. ЕСЛИ США ПРЕКРАТЯТ ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ, СССР В ЛЮБОЙ ДЕНЬ И МЕСЯЦ БУДЕТ ГОТОВ НА ОСНОВЕ ВЗАИМНОСТИ ОСТАНОВИТЬ РЕАЛИЗАЦИЮ СВОЕЙ ПРОГРАММЫ ТАКИХ ИСПЫТАНИЙ.

РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ СВОЕГО МОРАТОРИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЯДЕРНОГО ВЗРЫВА США В НАСТУПАЮЩЕМ ГОДУ — ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА, ДИКТУЕМАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИНТЕРЕСАМИ БЕЗОПАСНОСТИ. СССР ОСТАЕТСЯ УБЕЖДЕННЫМ СТОРОННИКОМ ПОЛНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ВСЕХ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ МЕРЫ В ДЕЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ — СДЕРЖИВАНИЯ ГОНКИ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ, ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ. КАК И ПРЕЖДЕ, СССР БУДЕТ ЭНЕРГИЧНО ДОБИВАТЬСЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ. ОН УБЕЖДЕН, ЧТО ЕГО ПОЗИЦИЯ В ЭТОМ ВОПРОСЕ ВСТРЕТИТ ДОЛЖНОЕ ПОНИМАНИЕ И ПОЛУЧИТ ПОДДЕРЖКУ СО СТОРОНЫ ВСЕХ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.

Более
500 дней
на наших
полигонах
царит тишина.

Фото
В. ЦЫКАНОВСКОГО

**СТРОИТЕЛЬСТВО
ОКЕАНСКОЙ ГАВАНИ
НА ПУСТЫННОМ БЕРЕГУ ЗАЛИВА
МУУГА ВБЛИЗИ СТОЛИЦЫ ЭСТОНИИ
ЗРИМО ВОПЛОТИЛО В СЕБЯ
ДЕЛОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ДВУХ ГОСУДАРСТВ
С РАЗЛИЧНЫМ
СОЦИАЛЬНЫМ СТРОЕМ —
СССР И ФИНЛЯНДИИ.
19 ДЕКАБРЯ
В ТОРЖЕСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ,
СВЯЗАННЫХ СО СДАЧЕЙ
В ЭКСПЛУАТАЦИЮ
НОВОТАЛЛИНСКОГО
МОРСКОГО ПОРТА,
УЧАСТВОВАЛИ ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО
ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Н. И. РЫЖКОВ
И ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ФИНЛЯНДИИ
К. СОРСА.**

Бухта была здесь от сотворения мира до 1982 года и, по правде говоря, ничем примечательным не отличалась. Но вот здесь заложили Новоталлинский порт, о чем «Огонек» и сообщил читателю в № 49 за 1982 год. Начались работы: в бухту переместили землю — семь миллионов тонн грунта, и это пока только половина.

Работу координировали советские строители и две финские фирмы — «Портал» и «Эке-инжиниринг», подрядчиками у них было больше тридцати иностранных фирм. Срок выполнения контракта на строительство первой очереди был предусмотрен к 22 декабря 1986. Вышло на несколько дней раньше. Строительная площадка в 150 гектаров готова, здесь слышится разноязычная речь — эстонская, русская, финская, немецкая: дружным отрядом проводится благоустройство. Чуть занесло тонким снегом только что посаженные ветки горной сосны, озеленители, подобно сеятелям, что-то развешивают из горстей. Надо полагать, что-то будет газон.

Мы разыскиваем Юрия Алексеевича Иванова, начальника комплекса механизации. Оба порта — старый и новый — знакомы ему досконально. Еще бы: сразу по окончании средней школы, в июне 1964 года, он поступил в Таллинский порт учеником электромонтера. К 1968 году Юрий Алексеевич стал мастером, потом отслужил срочную, демобилизовался и в 1970 году поступил в Одесский институт инженеров морского флота. С дипломом явился на место бывшей работы в старый Таллинский порт. А тут уже вскоре и новый начал строиться.

— Как происходит прием работ?

— Не совсем так, как сейчас в стране, — у нас ведь иностранные фирмы. Они всегда строги к оценке качества своей работы. Они проверяют своих, мы — своих, а также и работу «фирмачей». Деньки идут горячие, строители даже перестали жаловаться на ветер, мороз, вьюгу и на минувшие трудности строительства причала. А было непросто: землю наращивали и одновременно отнимали ее от моря, надо было углубить морское дно с его зыбучим песком — ведь причалы станут принимать, а точнее, уже принимают океанские суда.

Сейчас в порту готовы два погрузочных комплекса: зерновой и рефрижераторный, или комплекс перегрузки скоропортящихся грузов. Громадный, высотой 115 метров элеватор царит над морем и землей. Юрий Алексеевич рассказывает:

— Самое интересное на элеваторе — это уровень механизации и автоматизации: лаборант, не сходя с места, может взять любую пробу в любой точке. Как? Здесь внедрена система промышленного телевидения. Работает около сорока телекамер, ЭВМ выбирает оптимальный вариант. Зерновой комплекс может обработать одновременно три судна грузоподъемностью до 100 тысяч тонн. Для того и глубина здесь создана океанская — 18 метров под причалом. В Новоталлинский уже входили океанские суда — «Вера Лебедева» и «Мансим Литвинов».

О Новоталлинском можно рассказывать и рассказывать! Но пока скажем главное — теперь у нашей страны больше нет необходимости переваливать грузы в иностранных портах на меньшие суда.

Нина ХРАБРОВА,
собор «Огонька»

НЕ ПО ХОДАТАЙСТВУ— ПО ЗАСЛУГАМ

Геннадий БЫКОВ,
бригадир слесарей
производственного
объединения
арматуростроения
«Знамя труда»,
член Ленинградского
обкома КПСС и бюро
Красногвардейского
райкома партии

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», — справедливо утверждает старинная поговорка.

А плох ли рабочий, который не мечтает стать если не министром, то хотя бы директором своего завода? По логике выходит, что плох. Да нет же, могут возразить мне, маршалский жезл следует воспринимать не как должностной атрибут, а как своего рода символ высокого профессионального мастерства, к которому должен стремиться каждый.

Это понятно. И мастерство у нас всегда в почете. Но за три десятилетия, отданных производству, которые я провел среди людей небесталанных, нормально честолубивых, что-то не встречал в числе коллег-рабочих тех, кто всерьез бы лелеял столь высокие замыслы.

Разумеется, за эти годы немало рабочих стало замечательными инженерами, толковыми начальниками цехов и т. п. Бывший министр нашей отрасли тоже, между прочим, из заводских учеников вышел. И все-таки говорить о том, что у нас созданы все условия для естественного служебного продвижения человека творческого, наделенного способностями к управленческой деятельности, нельзя. Слишком много еще всяких несообразностей и препятствий встречается на его пути.

Почему? Нередко задаюсь этим вопросом, размышляя о несовершенстве существующей в промышленности системы выдвижения кадров. Впрочем, системы ли? Скорее следует говорить о стечении обстоятельств, которые выносят на руководящие высоты самых разных, порой мало соответствующих предъявляемым требованиям людей.

Вот недавно нашумела у нас в Ленинграде история с бывшим генеральным директором объединения «Ленинградский карбюраторно-арматурный завод» имени Куйбышева А. Жуковым. Должность ему в 1985 году досталась, можно сказать, всеобщим зачетом — от того, как работает объединение,

в немалой степени зависит благополучие всей автопромышленности страны. И приглашен он был в директора как человек незаурядный, способный разрешить многие накопившиеся трудности, вывести предприятие из затяжной полосы неудач.

Во всяком случае, именно так характеризовало его Министерство автомобильной промышленности СССР, настаивая, чтобы не кто иной, а именно Александр Кузьмич (недавний директор электротехнического завода в гор. Лысково Горьковской области) получил прописку на невских берегах.

Он ее и получил. Вместе с отличной четырехкомнатной квартирой в заветном для многих старом фонде на улице Марата. Но жизнь свою на новом месте, как вскоре выяснилось, начал с лукавства: во-первых, квартиры такого метража на семью, состоявшую фактически из трех человек, ему явно не полагалось; во-вторых, отделять ее он принялся за государственные счет, злоупотребив, что называется, служебным положением.

Личные заботы ставил выше производственных. Явно подвел тов. Жуков своих высоких ходатаев, и в итоге Фрунзенский райком КПСС объявил ему строгий выговор с занесением в учетную карточку, отстранил от занимаемой должности. Пришлось отказать и от незаконно полученной квартиры.

Горький урок. Только для кого? Неужто министерство, радея за своего человека, не знало о нем правды, не ведало, кого рекомендует? Невозможно поверить, что опытный руководитель, коммунист ни с того ни с сего (от ленинградской сырости, что ли?) вдруг переродился, стал стяжателем. Видно, и раньше была червоточина в характере А. Жукова, и люди, работавшие с ним, не могли этого не замечать. Почему же не сделали выводы?

Впрочем, вопрос этот можно адресовать многим. И радостно, и горько бывает сейчас читать газеты, журналы. Радостно потому, что достоянием гласности становятся наблевшие, стыдливо замалчивавшиеся ранее проблемы, горько оттого, что в числе серьезно проштатившихся лиц нередко называют людей, еще недавно занимавших высокие государственные посты.

Как же добрались они до них, какие силы способствовали успешной карьере морально нечистоплотных граждан? Особого разговора заслуживает каждый случай такого рода, и все-таки существует, на мой взгляд, главная причина, по вине которой беспрепятственно иногда движутся по служебной лестнице те, кого, по хорошему, и близко подпускать нельзя даже к самой нижней ее ступеньке.

Причина эта — равнодушие. Наше равнодушие. Задумаемся, ведь не из каких-то зарубежных шпионских центров засылают к нам пройдох, карьеристов, рвачей. Цветут и здравствуют они среди нас, из наших рядов и при нашем попустительстве выходят «в люди». Не осталось в Отечестве наследных князей, бояр, дворян — все из народа. Чью биографию ни возьми, непременно сы-

щется в ней рабочая, крестьянская строка. Значится там и производственный коллектив, от которого, как от родного берега, отчаливает в институт ли, в общественную деятельность будущий руководитель.

А не тут ли начало всех начал? Вспомните, сколько раз каждый из вас механически поднимал руку «за», давая путевку в жизнь малознакомому, в общем, человеку. Всегда ли пристрасно, заинтересованно обсуждаем мы кандидатуры тех, кому доверяем различные административные должности, кого рекомендуем для дальнейшей учебы? Не случалось ли нам пасовать перед настоячивыми советами избрать куда-либо человека, достоинства которого следовало принимать на веру со слов рекомендующих?

Ну, а выпустив джидна из бутылки, ох как не просто загнать его обратно. Проще отвлеченно поохать да поохать: откуда, мол, такие берутся; посетовать: куда, дескать, смотрит руководство.

Честнее спросить: куда смотрим мы? Отчего не настаиваем на широком обсуждении любых кандидатов на пост начальника участка, цеха, директора, допускаем, что в народные заседания попадают безропотные, не имеющие собственного мнения соглашатели, а в депутаты — безликие, не способные на решительные действия «избранники»?

А ведь Конституция даровала каждому из нас огромные права, утвердила гласность как первооснову нашей демократии. Но именно гласности некоторые товарищи опасаются как огня, стараются предельно «заорганизовать» любые собрания, до последней запятой согласовать где только возможно все выступления. А о том, чтобы коллективно обсудить деловые качества кандидата в руководители, еще недавно и речи не было, считалось, что это подрывает его авторитет.

Не могу без волнения смотреть «Председателя» — один из лучших наших фильмов. Особенно те кадры, где колхозники, отклонив рекомендованного, но поосторожного человека, голосуют за своего жесткого, порой сурового Егора Трубникова. Помните, матерится он так, что птицы разлетаются, а на глазах слезы, и слезы эти по всем щекам в зале, потому что из нашей сумасшедше трудно, неустроенной послевоенной жизни этот человек. И сколько мы знаем таких, вскормленных, избранных народом руководителей, ни живота, ни жизни самой не щадивших ради того, чтобы вытаскивать из нужды, разрухи деревню, накормить страну. И ведь вытаскивали, кормили, а потом добровольно снова уходили в разва-

ленные хозяйства и снова взваливали на себя непосильную ношу.

Нужны такие люди и сейчас, позарез нужны. И есть они — мы в своей рабочей среде хорошо знаем, кто есть кто, и если бы чаще спрашивали нас, куда реже случались бы ошибки вроде той, что допустило руководство объединения, волевым порядком назначив начальником литейного цеха тов. Федосюка.

Не нашел общего языка с коллективом, быстро обюрократился этот «выдвиженец». И пришлось рабочим обращаться в райком, чтобы исправить допущенную ошибку. Подчеркиваю — в райком, потому что к своей администрации и парткому доверия, видимо, уже не было, человек-то «их» и на глазах беспрепятственно своевольничал.

Бурным было собрание, на котором его «снимали». Но и обнадеживающим, так как нового начальника цеха Сергея Михайловича Коттева назначили только после обсуждения его кандидатуры на открытом партийном собрании. Трудился он в этом же цехе, зарекомендовал себя толковым заместителем, вот и дали ему «добро», предварительно в глаза высказав, что о нем думают, на что надеются.

Ну, а надо ли было накалять страсти, почему не сразу избрала наша администрация этот естественный, демократичный путь? Да и только ли наша...

Вот не так давно на бюро райкома исключили мы из партии заместителя (теперь, естественно, бывшего) директора завода «Полимерстройматериалы» А. Корецкого. Числилось за ним немало грехов по финансовой части, но отчего-то именно Адольфа Степановича пожелало руководство завода иметь в своих замах. И добились своего.

Неудивительно, что, почувствовав столь солидную поддержку, А. Корецкий зарвался. Использовал заводской транспорт в личных целях, практиковал безарядный отпуск продукции, злоупотреблял служебным положением, когда строил себе дачу. И все это, кстати, на глазах партбюро, его секретаря Г. Аристова. Правда, в конце концов именно по настоянию Аристова объявили рвачу строгий партийный выговор, да явно опоздали, раньше надо было бить тревогу.

Мало ли таких примеров может привести каждый из нас! Общий корень у них — пренебрежение мнением большинства, привычка все мало-мальски важные кадровые, организационные вопросы решать в узком кругу «своих» особо доверенных, а чаще просто удобных лиц, готовых поддержать любое руководящее мнение.

Так культивируется пассивность в коллективе, люди привыкают к тому, что все за них решается где-то, а с них требуется лишь пустая формальность — вовремя и дружно проголосовать, за что скажут. Отсюда и равнодушие, и робость высказаться, а тем более отстаивать свое мнение. Отсюда и атмосфера какой-то безучастности, что ли, в которой карьерист, проходимец чувствует себя как рыба в воде: он-то своей выгоды

при всеобщем попустительстве не упустит, без мыла пролезет туда, где дают пироги пожирнее.

Партия вовремя напомнила нам о существовании хорошего лекарства против этого распространного, к сожалению, недуга. Имя ему — гласность. Убежден, во всех без исключения случаях веское слово при выдвижении работника на любую должность должно принадлежать коллективу, коммунистам. Не келейно, традиционно следует обсуждать достоинства и недостатки претендентов, равно как и отчитываться они должны не только перед вышестоящими органами, но в первую очередь перед теми, кто доверил им ответственное право руководить.

Что ж, гласность становится нормой нашей жизни. Побывал я недавно в подшефном ПТУ № 127, которое готовит для объединения токарей, фрезеровщиков, наладчиков станков с ЧПУ. Нынешний год стал особым в наших взаимоотношениях: впервые из училища в цеха пришли не просто молодые рабочие, а целые бригады, составленные из ребят, занимавшихся в одних группах. За время учебы, производственной практики они успели хорошо узнать друг друга, попробовали себя в работе на один наряд, разобрались, кто чего стоит. И потому сделали весьма логичный шаг — сами, без подсказки со стороны, открытым голосованием избрали себе бригадира.

Иного масштаба, но аналогичное по характеру событие произошло недавно и на знаменитом рижском объединении «ВЭФ», секретарем комитета комсомола которого был избран 23-летний инженер Янис Карклиньш. Избран молодежью опять-таки самостоятельно, без традиционного предварительного согласования его кандидатуры во всевозможных вышестоящих инстанциях.

Прочитав об этом в «Комсомольской правде» и от души порадовавшись, что наша молодежь вот так решительно, на всех уровнях утверждает свою самостоятельность, сбрасывает заскорузные пеленки мелочной опеки, в которые годами укутывали ее то ли излишне заботливые, то ли попросту трусоватые опекуны.

Заметны перемены и в нашем объединении. Из выдвинутых в этом году на руководящие должности четыре пятых составляют те, кому нет еще 35 лет. Например, в механосборочном цехе по рекомендации рабочих заместителем начальника цеха назначен Сергей Минкин, а Леонид Макеев там же стал начальником планово-распределительного бюро. Оба вышли из рабочих, получили соответствующее образование, а главное, заслужили доверие коллектива.

И таких проверенных, выпестованных коллективом руководителей становится все больше. За ними будущее, им — инициативным, смелым — решать масштабные задачи поистине революционных преобразований, намеченных партией на ближайшие годы. И как знать, не у них ли маршальский жезл в ранце?

Во всяком случае, несомненно, что решительные преобразования в кадровой политике, осуществляемые партией, открывают широкую дорогу для людей талантливых, способных вывести нашу экономику на новые, созвучные требованиям времени рубежи.

ВЫ НАМ ПИСАЛИ...

Начало на стр. 1.

тельства на свое изобретение. Не решена проблема внедрения его метода в клиники и кабинеты лечебной физкультуры, у него нет никаких званий, а ведь его номер в цирке уникален!

Да, дорогие читатели, в своих письмах вы призываете к большей действенности наших выступлений, к большей остроте в постановке проблем.

«В № 38 вы рассказали о латвийском колхозе, в котором колхозники летают на планерах, и захотелось посмотреть на лицо председателя этого колхоза, — написал читатель В. В. Звягольский из Владивостока. — И еще хочется увидеть в «Огоньке» портреты тех, кто, не выходя из теплого кабинета, одним росчерком пера в 1970 году закрыл двенадцать планерных секций в аэроклубах Сибири и Дальнего Востока».

«Если говорить, то бесстрашно и о главном» — так назывался материал А. П. Мидлера в № 30, и вы, наши читатели, именно так начинаете говорить с нами, начинаете говорить о том, что «не расскажешь каждому».

«Все, что мне дорого, стараюсь скрыть от людей, даже близких и друзей. Боюсь быть непонятой, боюсь, что разрушат мои пусть иллюзорные радости, — призналась нам в письме Марина Назарова из Петропавловска-Камчатского. — А вы своими вопросами о самых животрепещущих проблемах нашей жизни растревожили меня. Захотелось рассказать об одной встрече с парнем, отношения с которым складываются непросто...»

Подобных признаний редакция получила немало и в ответ на нашу анкету «Кто вы, наш читатель?» (№ 34). Многих читателей потрясло письмо Наташи К. из Тулы (№ 40), которая рассказала о друге, цинично предавшем ее. В заключительных строках своего письма Наташа написала: «Мне еще нужно много советов, чтобы сделать умный шаг...» Желая помочь тебе, Наташа, оказалось множество. И редакция, конечно, опубликует некоторые из этих писем, продолжив разговор о человеческой порядочности, чести и совести.

Обратившись к читателю с просьбой рассказать о себе, мы попали в самую болевую точку — оказалось, что читатели давно ждут откровенного, доверительного, теплого разговора по душам, чтобы можно было излить умному другу все, что волнует. Т. В. Калинина из Дзержинска Горьковской области предложила открыть рубрику «Переписка» для тех, кто чувствует себя одиноким, даже если есть семьи, дети. «Речь идет не о службе знакомств, — поясняет Тамара Васильевна, — а о гораздо большем — возможности найти единомышленников, друзей. С годами потребность общения возрастает, а возможности расширить круг знакомств затруднены».

Много писем пришло от молодых наших читателей. И они сообщают нам об острой необходимости открыто и честно говорить о наболевшем, жалуются на отсутствие надежных, верных друзей.

Восемнадцатилетняя Оля Василенко из Красноярска предлагает дополнить анкету еще тремя вопросами:

«1. Если человек никогда никому не делал добра, «небо копил», чего стоит такая жизнь?»

2. Люди, умеющие любить безответно! Расскажите, почему, как вам удается быть счастливыми?»

3. Женщины, милые, не слишком ли далеко зашли мы в нашей эмансипации?»

Все эти письма требуют внимательного, точного, доверительно-го разговора, и он состоится на страницах журнала. Читать такую почту без волнения невозможно. В письмах человеческая боль, тоска по верному человеку, расказ о несостоявшейся жизни.

Можно ли спокойно читать исповедь юноши, которого мальчиком бросила мать? Он остался с отцом, мачехи сменялись одна за другой, злые, капризные (он называет одну из них просто инквизитором). Подобные ненормальные условия почти отбили радость жизни и, конечно, совершенно исковеркали его представление о женщине, о матери. И вот к нему самому пришла любовь, как он пишет, «с поистине шекспировскими страстями». Он любит, он ненавидит, он пытается разобраться в своих чувствах. «Я понял, что в жизни ничего нельзя брать в долг, а коли взял, надо возвращать сверх взятого», — заключает свою исповедь рижанин Ионас Ш.

«Мы, молодые, разучились творить добро, обнищали духовно. От этого наши беды, непонимание, замкнутость, жалкие обиды, разедающие душу, ложь, жестокость», — откровенно признается И. Алимов из Костромы, и как бы в подтверждение этого — циничное признание другого читателя, Н. Ростина из Чарджоу:

«Если говорить откровенно, самая острая проблема моей жизни — иметь побольше нужных друзей, хорошо устроиться и иметь побольше денег. Счастливым буду только тогда, когда стану богатым. Машина, дача, квартира и непременно красивая, умная жена — мечта и цель моей жизни. Самое большое несчастье моей жизни, что я некрасив, и красивые девушки отворачиваются от меня, как от пугала. С помощью денег я надеюсь исправить положение».

Вот так, читая письма, то радуешься искренней чистоте человеческих признаний, то погружаешься в глубины цинизма, растерянности. Но главное, что авторы писем хотят обсуждать все проблемы, хотят участвовать в формировании мировоззрения нашего современника, хотят разобраться в острых поворотах нашей современности. И мы вам обещаем разговор честный, прямой и откровенный.

Нельзя не отметить, что читатели стали более заинтересованно относиться к проблемам искусства, будь то телевидение, кино или театр. Появление публикаций о В. Высоцком и В. Леонтьеве, брейке и рок-музыке, о показанном на телеэкране, особенно передаче «12-й этаж», вызвало поток самых заинтересованных писем.

«Спасибо за материал «Музыка — охранную грамоту», — написал москвич И. А. Белоконов. — Старинная музыка, народная песня, забытые и полужабытые произведения отечественных композиторов давно нуждаются в более широкой их концентрации и пропаганде».

«Как участник войны, часто провожу походы школьников по местам сражений, где пали за нашу мирную жизнь солдаты. И вот на братские могилы старшенклассники

ездят с магнитофонными записями пошлейшей музыки. Это ли не кощунство! — возмущается читатель Л. В. Журин из Мурманска. — Детишки наши распустились. Им все равно, где «балдеть» — в дискотеке, баре или «на святых местах».

В письмах этого года читатели делились своими мыслями обо всем, что волновало, тревожило, будоражило всю страну.

* «Перестройка» — самое популярное слово года. Перестраиваемся и мы в своем колхозе «Риту аушра», хотя многое было продумано, сделано загодя. Но держать марку передового хозяйства непросто. Борьба за набранную высоту заставляет искать новые источники дохода, повышения плодородия полей, улучшения жизни в нашей Лабунаве.

Вот предварительные итоги 1986 года. На сто гектаров сельскохозяйственных угодий колхоз произвел 1450 центнеров молока и 410 центнеров мяса. Это почти на сто центнеров молока и на двадцать центнеров мяса больше, чем в минувшей пятилетке. Тут весомая доля и личных хозяйств односельчан. Зерна мы собрали по 48 центнеров с гектара. Прибыль? Подсчеты еще покажут, думаю, вплотную приблизимся к двум миллионам рублей.

Но тут таится опасность — застой, довольство собой, инерция вчерашнего мышления. Беда в том, что ходить в «середняках», к сожалению, все еще выгоднее. И безопаснее! Дожди, засуха — какой спрос! А само слово «перестройка» вроде пароль для любителей жить за чужой счет. Два-три передовых хозяйства всегда вытаскивали весь районный обоз, прикрывая отстающих. Немалый ущерб нанесла и председательская чехарда.

Громогласно звучит формула «кадры решают». Но — какие кадры? Вчерашний уровень? Не годится. Иных «спускают» на производство в виде наказания... Селу давно не нужны «пришельцы». Село поднимет, реорганизует человек призвания. Пригодятся и предприимчивость, и против администраторов иммунитет. Колхозная демократия поможет опираться во всем на селян. Год этот не был радужным, безмятежным. Он показал, где наши потери — хозяйственные, социальные, житейские. Так что самое время судить каждого по делам его».

Генрикас КРЕТАВИЧЮС,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета ССР,
председатель колхоза
«Риту аушра».

с. Лабунава,
Литовская ССР.

Конечно, нынешний разговор не претендует на полный отчет о почте журнала, дорогие читатели. Редакция благодарит всех приславших отклики на наши публикации, благодарит за неравнодушие и ждет от вас советов, предложений, раздумий, откровений.

С Новым годом, друзья!

В. МОРОЗОВА,
зав. отделом писем и
массовой работы

крупным планом

Когда поезд подземки подошел к станции «Авеню Эвклида» в Бруклине, из вагона вывалился на платформу объятый пламенем человек — горели волосы, одежда, сплошным ожогом были руки. Дэн Эдвардс, полицейский, несший службу в метро, схватил огнетушитель — тот не сработал, тогда на человека набросили чье-то пальто... Поздно, смерть наступила здесь же, на платформе. Свидетели, которые ехали в одном вагоне с погибшим, рассказали: «Он облил себя спиртом, потом чиркнул спичкой и вспыхнул как факел. В вагоне началась паника. Наверное, его последней мыслью было — не подвергать опасности нас. И когда двери открылись, он шагнул на платформу».

В кармане обгоревшей куртки полицейский Эдвардс нашел единственный документ — талон, свидетельствовавший о том, что Бенджамен Ферзин, сорока пяти лет, несколько дней назад обитал в ночлежке на третьей улице в Манхэттене. Когда Ферзин решил покончить счеты с жизнью, было около двух часов после полуночи, может быть, этой ледяной, промозглой ночью он не смог пробиться в приют?

Я пошел в ночлежку на третьей улице. Был ранний вечер, до ужина оставалось часа полтора, но у входа уже собралась толпа. Я протиснулся в дом. Большое, вокзального типа помещение с обшарпанными, истертыми чьими-то боками и спинами колоннами. Вокзальный запах карболки, туалета, пота. Длинный, в несколько сотен человек, лабиринт очереди на раздачу еды. Люди стоят вплотную друг к другу, чтобы никого не пропустить впереди себя. Мгновенно вспыхивает драка. Двое полицейских, выхватив резиновые дубинки, восстанавливают порядок.

В конце зала за высоким барьером сидят служители, оформляют новых постояльцев. Разговоры ведутся сквозь зарешеченные окошечки, документы просовываются в щель. Я встал в очередь за негром лет тридцати. «Имя?» — спросил его служитель. «Джерри Карр». «Место рождения?» «Джорджия, Вест-Пойнт». Дальше шли вопросы об именах родителей. Потребовалась и девичья фамилия матери. «Не помню, сэр», — сказал Карр. Анкета была довольно подробная. Не было в ней лишь графы о месте жительства.

Всю полученную от Карра информацию клерк за барьером простучал на клавишах компьютера. Джерри Карра внесли в электронную память. Знак сегодняшней цивилизации — лишенный всего, не имеющий ни цента на пропитание, ни крыши над головой человек обслуживается совершенной электронной техникой.

Получив сквозь щель бумажку на право переспать в ночлежке (такую же в точности бумажку, какую нашли у сгоревшего Бенджамена Ферзина), Джерри Карр пошел занимать очередь на ужин. Продвинувшись к окошку, я показал свою журналистскую карточку служителью. Едва взглянув на нее,

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Фото Е. СВЕШНИКОВА

он сказал: «Пресса? Не мешайте работать. Ходят тут...»

Сколько в Нью-Йорке бездомных? Начав собирать материал на эту тему, я скоро понял, что ответа на этот вопрос не получу. Чем респектабельней источник, тем меньше цифра. «Нью-Йорк таймс», например, уверяет, что шестнадцать с половиной тысяч. Другие газеты говорят: тридцать, сорок тысяч, общественные организации считают, что в городе шестьдесят тысяч бездомных.

Джерри Карр среди тех, кому повезло. Какое-то время он будет спать в ночлежке. Но ночлежек мало, а бездомных много. Каждое утро в центральном парке я вижу человека, спящего в большом картонном ящике. Однажды я встретил его, когда тот шел, держа под мышкой свой «дом». Я знаю, он направлялся к выходу из парка в районе шестидесятой улицы. Туда бездомные сносят свои пожитки — коробки, пластиковые сумки, чемоданы, узлы. Укрывают плен-

кой. Кто-то остается сторожить... Что там, спросите, сторожить? Но воруют и у бездомных. Человек, у которого недавно украли спальный мешок, рассказывал об этом как о величайшей трагедии.

Бездомные в Нью-Йорке да и во всей Америке были всегда. В последние годы их стало больше, столько же, сколько во времена «великой депрессии». Причина простая — сократились государственные ассигнования на социальные нужды, на строительство недорогого жилья, ужесточилось жилищное законодательство. По мнению организации «Национальная коалиция за помощь бездомным», это приведет к тому, что в ближайшие годы в Нью-Йорке будет полмиллиона бездомных. Цифра страшная, но вполне реальная.

Бездомные — это ведь не только наркоманы и алкоголики, но в большинстве люди, вытолкнутые здешней жизнью на обочину. Это оставшиеся без помощи дети и старики, это безработные, это, на-

конец, даже те, кто работает и получает зарплату. Но такую, что снять на нее жилье, даже самое дешевое, невозможно.

В обращении, которое дали мне в «национальной коалиции», говорится: «Мы ищем, хотя бы в качестве первого шага, убежища для людей, мы не хотим допустить, чтобы еще больше американцев буквально умирали на улицах городов Соединенных Штатов». Да, в Америке есть и люди, и организации, движимые благородной целью — помочь бездомным, вернуть их к нормальной жизни. Недавно по стране почти два месяца шел невиданный прежде марш. В нем участвовали сотни людей, они прошли тысячу миль и собрали миллион долларов пожертвований для бездомных.

Но есть и совсем другая, заметно упорчившаяся в рейгановскую эпоху тенденция — «выкидывать из головы участь бедноты и освобождать от этого свою совесть». Взятые в привычку слова сказаны известным американским экономистом Джоном Гельбрейтом в статье «Бессердечное общество». «Мало найдется вопросов», — продолжает он, — в отношении которых человеческий ум проявлял бы такую изобретательность. Вот пример такой изобретательности. В одном из последних номеров «Ньюсуик» Стюарт Букофски, журналист из газеты «Филадельфия дейли ньюс», печатает статью под названием «Я не сочувствую бездомным». Поразительный документ. Поразительный своей откровенностью.

«Да, я бессердечен к ним», — пишет Букофски, — потому что они превратили тротуары большинства американских городов в свои тротуары. Не в спальни, заметьте, а в тротуары — очень хотелось придумать что-нибудь убийственно-ироническое. Их называют, — продолжает он, — бездомными, людьми улиц, бродягами, леди с сумками, а то и похуже. Эта человеческая рвань — кошмар Америки. Она должна исчезнуть. Я в точности не знаю, когда они обрели право жить на улице, но я хочу, чтобы они убралась с моей дороги. Если вы считаете, что я бессердечен, когда говорю это, я могу послать их жить на ваш тротуар. Я не подаю никому, кто у меня просит. Всякий раз я игнорирую их, я хотел бы, чтобы они исчезли. Не говорите мне, что ситуация с бездомными — это плата за демократию. Скажите мне, почему у них есть право превращать улицу в свое жилье — днем и ночью, в жару и в холод, — тогда как я не могу припарковать свою машину, не заплатив за это? Есть ирония в том, что я плачу «за содержание» улиц — их дома. Значит, я их лендлорд, их домовладелец. И я хочу их выселить».

И дальше в том же духе и стиле. Ну, разве не документ? Только при атрофии здравого смысла можно избежать вопроса: неужто бездомные по своей воле «превратили улицы в свои жилища»? И только при полной атрофии совести можно избежать вопроса: откуда они, эти бездомные, берутся?

После чтения таких сочинений не удивит, конечно, недавнее сообщение о том, что в Лос-Анджелесе в течение двух месяцев убито десять бездомных. У всех убийств один почерк. Кто-то задался целью «очистить» район и начал охоту. Писалось также, что на свалках отходов, где голодные искали себе пропитание, стали разбрасывать крысиный яд. Кто стрелял? Кто разбрасывал яд? Думаю, люди, поступавшие из глубоко идейных соображений. Они считают себя вправе и презирать, и наказывать «неудачников» за одно то, что те вносят диссонанс в картину американского бытия.

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

ЖЕЛАЙ МНЕ ЗДРАВИА, КАЛМЫК!

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Самое удивительное явление в природе — разум, который питается мудрой и избирательной памятью. Мне кажется, никто не может вспомнить начало своей памяти. Но есть всегда нечто светящееся, откуда струятся образы изначальные, которые легли в основу твоего понимания мира. Два имени в глубине моего сознания, с которыми связано все мое миропонимание и мироощущение: Пушкин и Ленин. Мне кажется, что они отложились на чистом листе памяти рядом со словами «солнце», «земля», «хлеб», «вода».

В том далеком детстве, когда я познакомился с Пушкиным, я был великолепно обманут им: мне казалось, что весь мир заселен в основном русскими и калмыками. Ибо как можно было не поверить этому, когда так гордо звучали в моих ушах: «...и друг степей калмык», «С коня калмыцкого свалюсь...» (это Зарецкий — «Евгений Онегин»), «И вокруг кочующих шатров пасутся овцы калмыков» (тоже из «Евгения Онегина»). А в «Истории Пугачева» сам Емельян Пугачев был одет в калмыцкую шапку. Все это давало возможность расти чувству гордости в моей детской душе. Но когда позже я узнал, что калмыков всего-то на земле 170 тысяч, разочарования не наступило; истина, внушенная магией поэзии, не померкла, соприкоснувшись с цифрой, ибо Пушкин доказал, что народ есть не цифра, а нечто другое, более значительное, более высокое, неизмеримое, и именно этой неизмеримостью равны все народы.

Никто в мировой литературе до Пушкина не уделял так много внимания и сердечной любви угнетенным народам. В его творчестве мы находим строки про грузин, башкир, украинцев, татар, поляков, калмыков, тунгусов, индейцев, цыган, черкесов, турок, молдаван... Он готов был ринуться в защиту любого угнетенного народа на смертный бой. Он желал быть таким, как «квирого» — испанский рыцарь, идущий в бой с насилием.

Я знаю, что развитие всемирной истории ни в коей мере не зависело от красоты лика Клеопатры, но развитие русской, а стало быть, и всемирной культуры, убежден, зависело от высшей красоты поэзии Пушкина, от того, был бы или не был бы Пушкин. Ведь высшая красота поэзии, концентрирующая в себе все лучшее человеческого духа, всегда была тем идеалом, к которому постоянно стремились люди через бури и невзгоды.

Явление Пушкина в истории мировой культуры, разумеется, было подготовлено всем ходом самой истории. Рожденное развитием русского духа, русской действительностью, оно не было локальным, замкнуто русским. Об этой общечеловеческой стороне поэзии Пушкина блистательно сказал его великий ученик Ф. М. Достоевский.

Поэзия Пушкина, как и творения Гомера, Леонардо, Бетховена, была значительно выше и шире практических забот только своего времени: она, отталкиваясь от берега XIX столетия, ушла в дали, родившие нас сегодняшних, она решает до сих пор нравственно-этические задачи, от которых зависит судьба нынешнего

человечества: Пушкин поднял значение слова до судьбы.

150 лет, прошедшие со дня трагической Черной речки, — срок достаточный, чтобы уйти из человеческой памяти обыкновенному смертному. Но туман времен не в силах скрыть образ того, кто по праву назван солнцем русской поэзии. Каждое поколение считает Пушкина современником, и влияние Пушкина на каждое поколение не только не убывает, но увеличивается.

Подрастая, все мы читали одни и те же стихи в хрестоматии, и поначалу у нас был «общий», хрестоматийный Пушкин. С годами же в душе у каждого возникал образ «своего» Пушкина. Но в то же время существует и «единый» Пушкин — единый образ, сближающий всех нас в чем-то чрезвычайно главном.

Я родился после гражданской войны, когда народ мой ощутил вкус новой власти и то добро, которое она несет в себе тем, кто трудится. В доме у нас висели портреты Ленина и Калинина. В 1926 году, я это уже помню, когда родился у меня брат, дед назвал его Владимиром в честь Ленина, давшего крестьянину землю. Но рядом с этим именем для меня уже сияло имя Пушкина.

Величайший поэт жил и умер в долгах. Нам известна сумма долгов поэта. Но понятия «беден», «богат» относительны. Никакие миллионы не могли бы составить счастья человека, написавшего «Бориса Годунова» и историю Пугачевского бунта. Почти всегда ощущая недостаток в деньгах, Пушкин никогда не ощущал недостатка в таланте. И ему незачем было недостаток таланта восполнять титулом тайного советника или званием генерал-аншефа.

Кроме верности себе, своему призванию, у Пушкина есть еще одна особая заслуга перед народами России — то, что мы сегодня называем чувством интернационализма, у него, культурнейшего человека своего времени, было в крови. И то, что мы называем интернационализмом, наверное, нигде и ни в какой другой литературе не присутствует так изначально естественно, как в русской. Это, бесспорно, обусловлено также характером творчества Пушкина.

Многогранность творчества Пушкина отмечалась всеми его исследователями и читателями. В беседе со мной об этом прекрасно сказал английский поэт, лорд Чарльз Джонстон, который впервые перевел «Евгения Онегина» на английский язык, сохраняя онегинскую строфу. Он говорил: «Можно с полным правом сказать, что он (Пушкин) один представляет своим творчеством все то, что создано по меньшей мере четырьмя или пятью крупнейшими писателями Англии. Назовем, например, Чосера, одного из создателей современного английского языка. Аналогичную роль для русского литературного языка выполнил Пушкин. Назовем далее Шекспира, этого универсального гения, так глубоко понимавшего человеческое сердце. Общепризнано значение Шекспира как творца исторических хроник. Пушкин своей исторической драмой «Борис Годунов» поднялся на шекспировскую высо-

ту. Следующий, имя которого неизбежно возникает в этой связи, — Байрон. Пушкин многими чертами своего творчества близок к Байрону, но он гораздо значительнее Байрона. Пушкин заключил в себе и нашего Вальтера Скотта. В своей «Капитанской дочке» он выступает пионером русской исторической прозы. Наконец, Пушкин, на мой взгляд, — лучший рассказчик во всей мировой литературе... Самое потрясающее, что все это было заключено в одном человеке, в одной короткой человеческой жизни».

Наш знаменитый дипломат, тонкий искусствовед Чичерин определяющее качество творчества Моцарта видел в его амбивалентности. Искусство, если оно настоящее, должно, как и жизнь, одновременно заключать в себе и радость, и печаль, и боль, и наслаждение. Их необходимо воспринимать в одновременном сочетании. Прежде, чем возникла всем нам известная «Джоконда» с ее мерцающей улыбкой, Леонардо написал это лицо по крайней мере пятнадцать раз. Сочетание пятнадцати «Джоконд» родило ту «Джоконду», которую мы знаем и в лице которой есть и неизбывная скорбь, и необыкновенно светлое ощущение мира. «Евгений Онегин», подобно «Джоконде», представляет собой воплощение различных состояний жизни.

Когда меня спрашивают: «В чем вы видите отличие классической русской литературы, представленной Пушкиным, от всех других литератур?» — я отвечаю: «В отсутствии высокомерия». Мы любим, например, цитировать строку «и друг степей калмык», а между тем известно, что в одном из вариантов было «и сын степей калмык». Почему Пушкин заменил слово «сын» на слово «друг»? Здесь сказалось стремление поэта к исторической точности. Он знал, что калмыки пришли в эти степи всего двести лет назад. Значит, правильнее было употребить слово «друг».

Невольно я вспоминаю высказанную где-то мысль Льва Толстого о том, что точность в художественной литературе, быть может, более надобна, чем точность в науке. Так вот, точность Пушкина удивляет сейчас ученых. Все великие деятели мировой культуры поражались образованностью Пушкина.

Пушкин всегда и всюду поэт для всех: и для старика, и для того, кто удивляется начертанию букв под разноцветными рисунками «Сказки о рыбаке и рыбке», и для того, кто повторяет: «Я вас любил: любовь еще, быть может...», и для того, кто восклицает: «Есть упоение в бою...»

Да, с именами Пушкина и Ленина я сражался за Родину. С именами Ленина и Пушкина я продирался сквозь заполярную пургу. Эти два имени со мной и сегодня.

Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы.
Желай мне здравия, калмык!

Вечного тебе здравия, бессмертный Александр Сергеевич!

Элиста (по телефону).

КТО НАУЧИТ ТАНЦЕВАТЬ?

Недавно в Москве прошел Всесоюзный смотр-конкурс исполнителей балльных танцев «Большой вальс». Своими впечатлениями от него делится художественный руководитель отделения балльной хореографии ГИТИСа имени А. В. Луначарского, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Алла ШУЛЬГИНА.

Этот конкурс отличала атмосфера настоящего танцевального праздника. Он отчетливо продемонстрировал возросшее исполнительское мастерство, большее количество интересных композиций, выступлений, лучший, чем прежде, подбор костюмов исполнителей.

Первое место по праву было присуждено лауреатам Всесоюзных и международных конкурсов Ирине Соломатиной и Александру Мельникову. Эта пара настолько виртуозно овладела исполнительской техникой, что свободно, с подлинным артистизмом создает характер, образ танца.

Бесспорно, в искусстве балльного танца мы сделали серьезные шаги вперед. Но существует здесь и ряд проблем, не затронуть которые невозможно.

Любители балльных танцев находятся сегодня в положении поистине бесправном. Они «самодельность», и относятся к ним соответственно. Конкурсы исполнителей балльного танца проходят крайне редко, нерегулярно. О какой уж тут связи между коллективами разных городов может идти речь! А ведь именно конкурсы дают возможность повышать мастерство, являясь не экзаменом, а, по существу, школой, соревнованием. Не говоря уже о том, что при нынешней огромной популярности этого жанра подобные конкурсы могли бы приносить государству немалую прибыль.

Пора подумать о каком-то объединении представителей балльной хореографии. Изменить их статус любителей просто необходимо. Наши исполнители в основном изучают балльный танец по редким собственным видеозаписям. Иной статус позволил бы наладить получение информации, методические семинары с зарубежными специалистами, что, несомненно, принесло бы пользу для развития нашей, советской школы. А сейчас порой приходится «изобретать велосипед».

Недавно в ГИТИСе создано отделение балльной хореографии, где суммируется опыт, готовятся преподавательские кадры — эта проблема стоит остро, желающих заниматься балльным танцем много, а вот профессионально обучить мало кто умеет. Первый выпуск отделения уже состоялся, и результаты налицо: лауреаты Всесоюзных и международных конкурсов исполнителей балльных танцев Алла и Петр Чеботаревы являются лучшими в стране педагогами конкурсного танцевания (в финал последнего конкурса вышли пять пар из их студии), а Ольга и Владимир Андрияны стали балетмейстерами-педагогами первого профессионального ансамбля, задача которого — пропагандировать высокий художественный уровень исполнения балльных танцев.

Но все это только начало. Основная работа впереди.

ПРИСЛУШАТЬСЯ ДРУГ К ДРУГУ

Татьяна Назаренко — один из самых известных наших современных художников. Ее картины никогда не остаются незамеченными. Возле них спорят, о них говорят на обсуждениях выставок и в кулуарах, они имеют горячих поклонников и пылких противников. Они волнуют, возбуждают умы, привлекают или отталкивают. Ни одно исследование о советской живописи последних двадцати лет не обходится без упоминания ее имени, без анализа ее произведений.

Виктория ЛЕБЕДЕВА

Специалистов и знатоков искусства привлекает странный сплав реальности и фантазии, которым проникнуты ее полотна. В этих работах — зоркий глаз и полет воображения, размышления нашего современника, поиск контактов между людьми, извечное стремление к любви, взаимопониманию...

Круг тем, которым посвящает Татьяна Назаренко свои работы, разнообразен. Здесь и исторические композиции, и портреты, жанровые сценки, пейзажи и натюрморты. «Казнь народовольцев», «Декабристы», «Емельян Пугачев», «Партизаны пришли» — даже из названий можно увидеть, какие глубокие, трагические моменты прошлого волнуют художницу.

Но больше всего Татьяна любит писать карнавалы, праздники, маскарады, дружеские встречи, беседы в мастерской... Общение людей, его радость и сложность, игры, в которых всегда присутствует театрализованное, творческое начало, игры, расковыливающие человека, позволяющие иногда приподнять маску над своим подлинным душевным миром.

Картина «Зимние гулянья» написана в 1973 году. И уже в ней проявилось стремление художницы увидеть внутренний смысл праздника, его атмосферу, показать разнообразные чувства, которые испытывают собравшиеся на площади люди... А вот картина «Встреча Нового года». Не всеобщее простодушное веселье — но острые индивидуальные характеристики, не радужная переключка цветов — но единственность этой единственной в году ночи с ее фантастическим светом, общение знакомых и незнакомых людей.

В «Московском вечере» (1978) отчетливо видна тишина, сосредоточенность, стремление героев услышать друг друга, прислушаться к истине. В сиреневых сумерках мастерской сидят несколько человек. А из прохладного московского пейзажа за окном выплывает прелестная красавица в напудренном парике — героиня одного из русских провинциальных портретов XVIII века.

Кто это, зачем она здесь? Тема ли это разговора и раздумий молодежи, или это знак нескончаемой связи времен и культур, или при неверном освещении гаснущего дня одна из собеседниц вдруг на мгновение приняла облик всех поразивших портрета? Вероятно, эти и им подобные вопросы должны оставаться без ответа. В раздумьях, порожденных этой работой, возникает мысль, что все неоднозначно, что и наши характеры, и наши судьбы находятся в не сразу заметной, но определенной связи и с прошедшим, и с будущим, и с реальностью, и с воображением.

Итак, Татьяна Назаренко известный художник. А вам, читатели, знакомо ее имя, ее работы? А кто вообще известен из современных советских мастеров? Не из тех, чьи работы давно вошли в хрестоматию, — а действительно из числа современников, тех, кого можно увидеть на верниса-

жах, с кем можно — очно или заочно — познакомиться, поговорить? Думаю, таких имен едва ли наберется много. Почему же это так? Почему изобразительное искусство, самое, казалось бы, доступное, не имеющее языковых барьеров, одновременно и самое непопулярное? В чем причина отсутствия контакта между искусством и зрителем? И как чувствуют себя популярные герои непопулярного искусства?

Я обратилась к Татьяне Назаренко с несколькими вопросами:

— Как вы полагаете, почему наш зритель может не знать своих художников?

— Иногда я думаю, что зрители вообще не знают, что у нас в стране есть изобразительное искусство, — говорит Назаренко. — На выставки ходят лишь очень немногие. Сколько раз москвич был в Третьяковской галерее? Один раз? Пять? И то в детстве. Если учитель в школе хороший. А ведь если в детстве не привыкнешь — уже не научишься. Книжки читают, кино смотрят, слушают музыку. А картина? Нет к этому ни привычки, ни интереса.

— Мешает ли это вам в работе?

— Стараюсь об этом не думать. Пишу. Без этого мне жить тяжело. То, что меня волнует, я должна оставить на холсте или по крайней мере на обрывке бумаги. Это моя жизнь. Пока замысел не будет на холсте, не могу от него освободиться, как мать, которая ждет дитя. К картинам ведь и относишься, как к детям, — они уходят из мастерской, покидают меня, имеют свою судьбу — счастливую, несчастливую... Одни спокойно висят в музеях, другие где-то бродят, без конца переезжают, иные я вижу редко, иные — часто.

— Какого зрителя вы хотели бы для своих работ?

— Непредубежденного. И не того, который пришел на принудительное мероприятие. Если человек на выставке чего-то ищет — он найдет. В моих ли работах, в работах ли других художников — что-то для себя отыщет каждый человек. Что-то поймет в художнике, в себе самом. Может быть, по-другому посмотрит на мир. Лишь бы заставить человека думать. Когда я смотрю фильм, спектакль, читаю книгу — это ведь работа, и часто трудная.

— Вы участвовали в десятках всесоюзных, международных, групповых и персональных выставок; появилось ли у вас уже чувство, что вы знамениты?

— У меня нет такого ощущения, — отвечает Татьяна Григорьевна. — Я не актриса, на улицах меня не узнают. Когда пишут о моих работах, я читаю как бы со стороны, как о другом человеке. Но мне дороги критические замечания и зрителей, и искусствоведов. Ведь мы, художники, замкнуты, много времени проводим наедине со своими картинами в мастерских...

Итак, художница сказала, что контакт с нами, искусствоведами, — это отчасти и контакт с миром. И тем не менее нужно признать, что современная живопись малознакома зрителю; в том виноваты и мы, критики. Необходимо преодолевать этот барьер зрительской отстраненности от творений наших сегодняшних художников. Сделать шаг им навстречу.

ВСТРЕЧА
НОВОГО
ГОДА.
1976.

Т. Назаренко. Род. 1944.

ДВОР
В НЕОПАЛИМОВСКОМ
ПЕРЕУЛКЕ,
1976.

Т. Назаренко. ЗИМНИЕ ГУЛЯНИЯ. 1973.

Трудно поверить: он умер тридцати двух лет. А нам продолжает казаться: он прожил гораздо дольше — автор легендарной книги, легендарной судьбы.

Николай — Павел. В нашем сознании их имена неразделимы. И обоим так не идут отчества...

В небольшую квартиру на втором этаже дома № 14 по улице Горького (тогдашней Тверской) его привезли за год до смерти. Но он собирался здесь жить и работать, а не умирать, хотя терзавшие тело боли становились все мучительнее.

Те, кто впервые переступал порог комнаты Островского, поражались бодрости его духа. Девять лет пролежал он на спине. Могли двигаться только кисти рук с длинными музыкальными пальцами. Красивые темно-карие глаза под густыми бровями и ресницами оставались ясными — казалось, слепой писатель видит все. А стоило ему улыбнуться, заговорить, и посетители совершенно забывали, что перед ними тяжело больной. «Никогда не был грустным и несчастным парнем», — повторял Николай Алексеевич, твердо веривший: жизнь хороша, и он счастлив.

Таким запомнили его первые редакторы романа «Как закалялась сталь» — М. Колосов и писательница А. Караваева, возглавлявшая тогда журнал «Молодая гвардия». В своих воспоминаниях она пишет: «Он любил и умел шутить, радовался каждой шутке и смеялся так заразительно, что только безнадежный ипохондрик мог остаться спокойным». Оживление, интересный разговор, споры, музыка, пение — все это заполняло короткие часы досуга писателя. У Островского был приятный баритон, и он с удовольствием пел в кругу друзей. Очень музыкальный от природы, Николай Алексеевич хорошо играл на баяне, гитаре. Артисты знали о его любви к музыке и часто приезжали к нему с концертами. В последней квартире Островского звучали прекрасные голоса П. Лисициана и С. Хромченко. Молодая Р. Зеленая читала здесь свои рассказы «О маленьких для больших», а композитор С. Кац исполнял песни в присутствии учащих консерватории и театральных училищ.

Ну и, конечно, чаще всего навещали Островского писатели. Случалось, допоздна затягивались его беседы с А. Серафимовичем, Н. Асеевым, С. Васильевым, К. Зеллинским, М. Шолоховым. «Товарищу Мише Шолохову, моему любимому писателю. Крепко жму Ваши руки и желаю большой удачи в работе над четвертой книгой «Тихого Дона». Искренне хочу победы...» Эту надпись Николай Алексеевич сделал в ноябре тридцать пятого на подаренном Шолохову экземпляре своего романа. Год спустя Михаил Александрович приехал к Островскому со всей семьей. Островский сам роздал детям Шолохова подарки, пошутил и посмеялся с ними. Оставшись вдвоем, писатели долго и горячо говорили. Островскому очень хотелось узнать мнение Шолохова о книге «Рожденные бурей», заключительные главы которой он диктовал жене и «добровольным секретарям» в московской квартире. К сожалению, разговор этот не был записан, и восстановить его не удалось.

Был еще один человек и писа-

**САМЫЕ ВЕЛИКИЕ
И САМЫЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИИ —
ЭТО ЛЮДИ,
КОТОРЫХ ОНА РОЖДАЕТ.
НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ
ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ
ИЗ ТАКИХ ЛЮДЕЙ.**

Р. РОЛЛАН

ЗА ПОРОГОМ БЕССМЕРТИЯ

тель, чьим мнением Николай Островский дорожил чрезвычайно, — Горький. Перед ним он преклонялся, считал своим учителем. Известно, что Горький собирался выступить со статьей, посвященной роману Н. Островского, однако не успел. «На сердце у меня глубокая грусть», — писал Николай Алексеевич. — «Я потерял покой и сон... Осиротели мы без него. Я думаю о той ответственности, которая ложится на каждого из нас, молодых, только что вступающих в литературу писателей... Каковы его мысли о книге, я не знаю... Как бы сурово ни критиковал меня великий мастер, но это самый дорогой и нужный для моего роста, для моего движения вперед документ».

Неожиданная трагическая гибель Маяковского также глубоко потрясла Островского. Из поэтов-современников он любил его больше всех, просил читать вслух «Облако в штанах», восхищался другими поэмами и стихами. Собрание сочинений Маяковского стоит на самом почетном месте в библиотеке Н. Островского, которую тот начал собирать сразу по приезду в Москву и довел почти до двух тысяч томов.

...В удлиненной комнате, служившей Николаю Островскому кабинетом и спальней, тишина, полумрак. Каждая вещь находится точно на том месте, где была положена по указанию хозяйки. Прикованный к постели, он сам устанавливал порядок в комнате, чтобы не затруднять поисками родных и чтобы любой пришедший к нему мог по его просьбе найти нужный документ, книгу.

Лежа чисто выбритый, подтянутый на железной кровати, застеленной солдатским одеялом, в любимой гимнастерке либо расшитой украинской сорочке, держа в пальцах обмотанную салфеткой палочку, которая заменяла ему скованные параличом руки — при помощи ее он мог вытереть лицо, поправить волосы, — Николай Алексеевич говорил так: «Выдвиньте средний ящик письменного стола, достаньте письмо, третье снизу». Или: «Возьмите со второй полки шкафа книгу, пятую справа, откиньте такую-то страницу».

Памятью он обладал феноменальной. Когда радиоцентр обратился к нему с просьбой прочитать отрывок из романа «Как закалялась сталь» для записи на грампластинку, Островский согласился, хотя не мог читать по книге и должен был выучить текст

наизусть. Накануне вечером писателю несколько раз прочли выбранный отрывок. Повторяя его, Николай Алексеевич иногда пропускал отдельные фразы. Поэтому во время записи в прихожей установили полевой телефон на случай возможных подсказок. Островский лежал с наушниками в своей комнате перед микрофоном. Он не ошибся ни разу, и уверенный голос его дошел до наших дней.

6 апреля 1936 года, вскоре после вручения ему ордена Ленина, голос делегата IX съезда комсомола Украины Николая Островского прозвучал по радио на всю страну: «Товарищи, мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается из дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий». А затем через тарелку репродуктора в комнату ворвался шквал аплодисментов делегатов съезда...

* * *

Я держу в руках книгу с обгоревшими страницами — «Как закалялась сталь» на персидском языке. Когда шахская полиция разгромила в Тегеране клуб демократической молодежи, ребята, рискуя жизнью, спасли ее из огня и прислали в дар музею. На вьетнамском языке роман переписан от руки разными чернилами в двух тетрадах, сшитых из листов шершавой серой бумаги. Вот история этого удивительного экспоната: «Во время войны у нас не было возможности перепечатать книгу, и мы переписывали ее на привалах, после походов, в траншеях. Переписывали четыре месяца. С ней мы прошли десятки тысяч километров. Нам было очень тяжело, иногда приходилось оставлять одежду, но книгу «Как закалялась сталь» мы не оставляли никогда. Солдаты обещали друг другу хранить ее как святыню. Многие из них погибли...»

Рукописные экземпляры романа Н. Островского пронесли сквозь битвы с фашизмом партизаны Болгарии, Югославии, Чехословакии. Наша Лиза Чайкина на память читала партизанам главы романа,

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
Н. А. ОСТРОВСКОГО

а Зоя Космодемьянская, уходя в партизанский отряд, занесла на страницы своего дневника слова Павки Корчагина о цели жизни. На фотографии в музее — танк и самолет, названные фронтовиками «Николай Островский».

Книги Николая Островского помогали людям не только воевать, но и возвращаться в строй. Так было с А. Маресьевым, так было со многими и многими другими. Эти книги учат защищать родную землю, защищать революцию и — что самое главное — самоотверженно трудиться на благо Отчизны.

Московский музей-квартира писателя был создан накануне войны подвижничеством Р. П. Островской. Люди, словно при жизни ее мужа, поднимались на второй этаж, шли длинным коридором и звонили в дверь квартиры № 3. Три скромные комнаты встречали их тогда. Потом, уже спустя десятилетия после войны, удалось отвоевать первый и весь второй этаж. А в бытность директора музея В. П. Попова — присоединить к музейным владениям третий (Раиса Порфирьевна ушла на пенсию только в 1963 году и недавно отметила в дорогах ей стенах свое 80-летие). Музей Н. Островского разбогател фондами, обзавелся дополнительными экспозиционными залами, удобным лекторием, служебными помещениями. Но, что важнее всего, он вышел за пределы дома — к людям.

Например, вот уже второй год успешно действует на базе музея-квартиры Н. Островского и ДК имени С. М. Зуева народный университет нравственного воспитания молодежи. «Что значит быть современным?», «Что такое героизм?»... Занятия по третьим вторникам каждого месяца. Приходите!

В этом году — к XX съезду комсомола — при музее начались заседания политклуба «Диалог». А еще традицией стали здесь прием в комсомольцы, пионеры, торжественное посвящение в молодые рабочие.

Наверняка такой день в Доме Николая Островского запомнится на всю жизнь.

Беседа с Григорием БАКЛАНОВЫМ
в редакции журнала «Знамя»

СЛОВО НАДО ВЫСТРАДАТЬ

На Земле есть все, чтобы люди могли жить счастливо и мирно, не воюя друг с другом, не истощая богатства природы. Но тем не менее мир в наши дни находится на грани катастрофы. Об этом трагическом противоречии говорил недавно в одном из своих выступлений известный советский писатель Григорий Бакланов. Так почему же, если помнить о долге художника перед обществом, наряду со значительными произведениями литературы, в которых затронуты серьезнейшие вопросы времени, печатается столько поверхностных поделок? Не утрачивается ли высокая миссия писательского слова-призыва, слова-набата? При встрече в редакции журнала «Знамя», главным редактором которого ныне является Григорий Яковлевич Бакланов, я спросил его об этом. Наш разговор коснулся и личной судьбы писателя, истории его произведений, фронтовой биографии, творческих планов и планов журнала. Постоянно звонил телефон, входили сотрудники, решались текущие вопросы, Григорий Яковлевич принимал посетителей, но наша беседа продолжалась.

На этот вопрос еще классиками отвечено. Чехов писал в «Скучной истории», что искусства и науки, подобно богатым людям, всегда имеют около себя приживалов и не свободны от присутствия инородных тел. Они всегда были, есть, будут: люди, для которых дороже себя нет ничего на свете. То, что путь большинства известных писателей был нелегким, признание пришло далеко не сразу, — это не знают и не помнят. Виден итог, он манит. И это так сладостно, «...ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Но не себялюбивыми соображениями была движима и движется литература.

Книгу написать — это жизнь прожить. Я говорю даже не о прожитой самим писателем жизни, собственной его жизни, о том, что называют биографией, — без этого писателя быть не может, — я говорю сейчас о том, что надо прожить в себе жизнь героев книги. Впрочем, это неотделимо. С какого-то момента книги и есть биография писателя, его жизнь. И герои их — это не персонажи, это живые люди, хотя они и вымышлены. Книжки — если это настоящая литература, если это искусство — населяют мир живыми людьми. А уж какое это занятие — прожить в себе жизнь своих героев, — давайте и тут послушаем классиков. Вы, наверное, помните историю о том, как некое значительное лицо пришло к Достоевскому своего сына:

тоже, мол, жаждет стать литератором. А Достоевский сказал: это выстрадать надо, приходится страдать. И очень смутил этим значительное лицо: страдать? Зачем же моему сыну страдать? Я не хочу, чтобы он страдал... Не в точных словах я передаю эту историю, но смысл точен.

Писателем движет потребность утвердить в людях и в жизни доброе начало, а не самоутвердиться. Весьма опасны люди, главная цель которых — самоутверждение. Они опасны во всех сферах, а в искусстве — отвратительны. Отдать людям, а не взять — вот что движет настоящим художником. И это для него смысл жизни. Книжки пишутся для того, чтобы способствовать нравственному совершенствованию общества, избавить людей от заблуждений, предрассудков, невежества, которые уже принесли людям столько бед. Нет, значение писательского слова не утратилось, быть может, именно сейчас время требует, как вы говорите, слова-набата, слова-призыва. Но нередко, к сожалению, поверхностные поделки, как вы их называли, находят спрос, вызывают повышенный интерес, очереди выстраиваются у книжных магазинов за этим непропеченным «хлебом духовным».

— Но как быть с этим? Ведь нельзя росчерком пера, указом или инструкцией решить наболевшие вопросы.

— Нельзя. И не надо. Это процесс длительный, как и все преобразования, начатые в стране. Тут ничего не произойдет по мановению, даны возможности, а дальше

все зависит от нас самих. Надо — это одна из мер — возродить достоинство критики. И определенную ее независимость. Отделы технического контроля сейчас выводят из подчинения тех предприятий, чью продукцию они призваны контролировать. Очень правильно. Что-то подобное надо придумать и в отношении критики. И тут дело не столько в организационных мерах, сколько в общественной атмосфере. Мы все за критику честную, мужественную... когда критикуют не твою, а чью-то книгу. Но как мы бываем обидчивы, как нетерпимы, когда речь не о чьей-то, а о нашей собственной книге, о нас самих. А ведь литература — это не ложе, на котором возлежат, вдыхая фимиам, и только фимиам. Прежние заслуги хороши, но каждой новой книгой надо заново доказывать, что ты писатель и гражданин. Никакие похвалы, никакие эпитеты не сделают писателя властителем дум. Это достигается только силой таланта, а не усилиями, связями и прочим.

Разумеется, характеры людей не меняются по желанию. Но характер общественных отношений изменить можно. И необходимо. Надо сделать нормой такое положение, когда позором станет преследование за критику. Обижайтесь сколько угодно. Дома. В кругу семьи. Но пользоваться влиянием для того, чтобы вывести себя из-под критики, чтобы неталантливая книга была объявлена шедевром, — это надо предавать гласности. Стыд должен ограждать, а

не одни лишь административные меры. Стыд возродить, забытый в недавние годы. «Стыдно!» — и это должно останавливать. А не по принципу: «Стыд — не дым...» Общественная атмосфера — это тоже воздух, которым мы дышим. И нужно, чтобы этот воздух был чистым.

И другое. Мы привыкли говорить о нашем читателе в превосходной степени. Но посмотрите, что читают, например, в метро, в автобусах, поспрашивайте, что смотрят по телевизору? В издательских планах, на кино- и телеэкранах все больше места занимают детективы. Кажется, к счастью, выдохлась наконец эта безразмерная, не один год тянувшаяся серия «Следствие ведут ЗнаТоки». Где они только не копались, эти сильно постаревшие ЗнаТоки: и на свалке, и бог знает где! Единственно, куда не заглянули, так это в человеческую душу, не коснулись тех подлинных проблем, которыми жила страна, жил и живет народ. А язык, язык персонажей! Это не язык, это, по определению Булата Окуджавы, «текст слов». И вот такое с воспитательными, что ли, целями (только вот вопрос: кого и как это воспитывает?) передавалось на всю страну, чтобы смотрели и слушали всенародно, травили на это вечера... Впрочем, может быть, я поспешил, говоря в прошедшем времени? Может быть, иссекается новая серия?

А теоретические рассуждения, скажем, о социальном значении романов Хейли! Ну не смешно ли! Пощекотав публику умело выстроенным сюжетом, видимостью неполадок и проблем, Хейли всякий раз утверждает, что в том благословенном обществе, в котором он живет, все, все в конечном счете устраивается к лучшему. И нам тоже потребовалось в это уверовать? Его и в Америке-то всерьез не принимают, этого «бестселлериста», но как обрадовались ему, когда он посетил наши города и веси, с какой охотой интервьюировали его! И он рассуждал о том, что время все расставит по своим местам, что не только его, Хейли, значение, но и значение Чайковского когда-то было понято не сразу... И это печаталось не в разделе «Нарочно не придумаешь». Как видите, нам мало собственных ремесленников, нам иноземные потребовались. Не слишком ли увлеклись мы легким, бездумным чтением, детективами, лжеисторическими сочинениями, в которых серьезнейшие события отечественной истории подаются в альковном духе?

Нельзя допускать, чтобы оскудевала природа, мелели реки, засорялись воды. Но в равной степени нельзя допускать, чтобы мелели души, оскудевало в человеке нравственное начало.

Разумеется, никто не против острого, захватывающего сюжета. Но сюжет для писателя — средство, а не цель. Многие главы нового романа Чингиза Айтматова «Плаха» построены почти по законам детективного жанра. Но какая глубина мысли, какая сила чувства! Читаешь о волчице, а тревога, а скорбь за человечество! Это книга о самом главном, в ней есть сцены, которые станут классикой.

Так вот, по моему убеждению, читателя надо не захваливать, а воспитывать. И тут многое упущено и запущено. Вот почему сегодня, когда за многие годы скопилось столько проблем, требующих

немедленного решения, нужно думать и о том, что будет в отдаленные сроки. Надо имеющимися силами воспитывать учеников, но одновременно готовить учителей, которым предстоит воспитать грядущие поколения граждан нашей страны.

Возвращаясь к началу нашего разговора, хочу сказать, что подделки под литературу усыпляют мозг и душу, не развивают, а навешивают сон золотой. Это своего рода сфера обслуживания, и, надо сказать, навязчивая сфера обслуживания, умело навязывающая свои услуги и вкусы. Среди неискренних читателей она распространяет взгляд на искусство как на нечто себе подобное, как на потребительскую ценность, усиливает в обществе потребительские настроения.

Но в последнее время появились значительные произведения прозы. И в первую очередь — «Плаха» Чингиза Айтматова, «Пожар» Валентина Распутина, «Карьер» Василия Быкова.

— Но мы знаем и другое: до недавних пор многие талантливые произведения лежали под спудом, их не печатали. А некоторые вещи, даже интересные, талантливые, устаревают.

— А вы знаете, я с вами не согласен, талантливые вещи не устаревают. Да, конечно, дорога ложка к обеду, очень жаль, что, скажем, роман А. Бека «Новое назначение» пролежал двадцать лет. Но вот он напечатан в 10-м и 11-м номерах журнала «Знамя», глава из него печаталась в «Огоньке». Устарел роман? Ничуть. Он звучит очень современно.

Я, разумеется, не за то, чтобы книги лежали годами, чтобы судьба писателя складывалась нелегко. Слово, сказанное вовремя, будит общественную мысль. Но подлинно талантливые книги содержат в себе не только злободневные, но и вечные вопросы. Это правильно сказано: рукописи не горят. Но и не старятся, если речь об искусстве.

И вот что еще хотелось бы сказать. Сейчас нередко слышишь разговоры: минет полгода, год, напечатают то, что ждало своей очереди, а дальше? А дальше — новые талантливые произведения писателей известных и неизвестных, новые имена. Зная хотя бы портфель журнала «Знамя», могу сказать вам: они есть — и новые имена, и новые талантливые рукописи.

— Значит, можно сказать, что наступило время нравственных сдвигов, время талантов, время Литературы с большой буквы?

— Наступает. Для великих дел нужна энергия всего народа. И литература должна помочь изменить нравственную атмосферу, изменить мышление общества, помочь в борьбе с равнодушием, сделать перестройку необратимой. Но немало людей, кому даны сейчас права и возможности, ждут, испытывают некую растерянность: это что же, мне вот так самому и решать? И отвечать? И сослаться не на кого?

По-прежнему хотят, чтобы всякий раз и по всякому поводу что-то разъясняли, давали дополнительные указания, чтобы кто-то над нами брал ответственность на себя. Она всегда очень удобна, эта дозволенная смелость. Насколько проще, если за тебя разрешат, запретят, а ты либо поприствуешь, либо многозначительно намекнешь на некие высшие силы, которые... Хотя лично ты, мол,

за. Оказывается, многих эта игра устраивала, очень была она привычной. Но свободы без ответственности не бывает и не должно быть, надо приучаться брать ответственность на себя. Так подобает, так честнее. Оттого-то я и говорю: «наступает». Ибо без нас без всех, без каждого из нас ничего не совершится и не наступит. Это относится и к редакторам журналов.

— Вот вы, Григорий Яковлевич, произнесли слова «редактор журнала», и у меня сразу возникло к вам несколько вопросов. Как вы решились стать главным редактором крупного журнала? Что привлекло вас в новом амплуа? В свете событий последнего времени, связанных с перестройкой в жизни, искусстве, литературе, с возросшими читательскими требованиями, как будет выглядеть «Знамя» в ближайшее время? С какими трудностями вы столкнулись в работе, в поисках новых интересных произведений?

— В общем-то действительно надо было решиться. Никаких должностей никогда я не занимал и не стремился занимать. Я писал книги, это — главное дело моей жизни. Но сейчас время такое, когда, как говорится, надо брать за гуж и не говорить, что не дюж. И надо сказать, что редактор журнала — это не должность, не служба, не пост. Это совсем другое. Оставив начатый роман, я непрерывно читаю рукописи, огромное количество рукописей по принципу «в грамм добыча, в год труды», чтобы составить портфель журнала. А еще нужно было сформировать новую редколлегия. Впрочем, всех «нужно» не перечислять.

За эти месяцы я смог убедиться в том, что подозревал и ранее: скромней, достойней всего ведут себя одаренные люди. Но каждый день я принимаю авторов, которые сами идут впереди своей рукописи, грудью стараются проложить ей дорогу. Надо ли так делать? Этично ли? Рукопись не дитя, талантливая книга сегодня все рады.

Ну и, конечно, не просто отказывать человеку, во всяком случае, для меня это не просто, — отказывать человеку, которого ты уважал по прежним его работам. Ну неудачна вещь, с кем не бывает? Но имя-то дороже. Имя в литературе трудно заслужить и легко потерять. Это касается и авторов, и журнала: трудно заслужить доброе имя, легко утратить. И не только напечатанными рукописями воспитывает журнал, но и своим поведением. А потому, как бы ни было трудно, нельзя снижать критерии, для одних поднимать планку, перед другими опускать. Это непозволительно.

Сейчас на дворе, я бы сказал, удивительное для литературы время. Не напечатать бы роман Бека, его напечатали бы другие журналы. Но когда мы печатали этот роман, все та же группа лиц, хоть и постаревших на двадцать лет, прежними методами пыталась оказывать на нас давление, требовала, чтобы им дали заново ознакомиться с романом, требовала запретить печатание романа. Приходилось объяснять, что мы живем в конституционном государстве, где есть законы, равнообязательные для всех, есть авторское право. И если бы даже редакция хотела, она не имеет права без согласия автора давать его рукопись читать частным лицам. Впрочем, и в «Огонек» звонили эти пенсионеры, когда у вас печаталась глава из романа.

Год мы открываем новым романом Сергея Есина. Читатели, наверно, помнят роман Есина «Имитатор», печатавшийся в свое время в «Новом мире». Думаю, новая его вещь вызовет никак не меньший интерес. Роман будет напечатан в двух номерах, а в третьем номере надеемся напечатать интересную повесть И. Шмелева «Пашков дом». Второй номер «Знамени» мы откроем поэмой Александра Трифоновича Твардовского «По праву памяти».

В четвертом, пятом номерах журнала будет напечатан роман А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...». Не сомневаюсь, что эта книга вызовет большой интерес. На подходе роман А. Генатулина «Туннель». То, что я сказал, — это не попытка рекламировать в какой-либо степени имеющийся портфель журнала, который, кстати, не будем пока что раскрывать до конца. Я просто называю произведения, каждое из которых заслуживает серьезного внимания.

Нет, литература не иссякла, не иссякает, наоборот, сейчас можно ждать нового ее взлета.

Пользуюсь случаем, чтобы обратиться к читателям «Огонька» с просьбой: если сохранились у вас письма с фронта, из фашистской неволи, присылайте нам, мы будем отбирать и печатать. Нельзя, чтобы умолкли эти голоса. Правда, я уже обращался с такой просьбой к читателям «Литературной газеты», но вместо писем стали присылать рукописи, воспоминания, отвергнутые в других редакциях, нашлись и такие авторы, которые прислали свои книги на рецензирование, поскольку, мол, они имеют отдаленное отношение к чему-то.

На этом месте нашего разговора я остановил себя на мысли, что мой собеседник, в сущности, ничего еще не сказал о себе, о своем творчестве, о своей насыщенной множественностью интересных событий биографии. Ведь я вел беседу с известным писателем, мастером слова, без книг которого нельзя представить современную военную прозу, как, впрочем, и всю литературу наших дней. «Баклановский угол зрения на войну», — писал критик Игорь Дедков, — и воюющего человека, его картины фронтового быта, поэтизация всякого мгновения жизни как противоядия смерти произвели в свое время сильное впечатление». Василий Быков не раз говорил о влиянии на свое творчество баклановской прозы; она же помогла формированию другого интересного писателя наших дней — Вячеслава Кондратьева. Многим читателям запомнились и невоенные произведения писателя. Поэтому я решил спросить Григория Яковлевича вот о чем: остались ли за пределами 4-томного собрания сочинений вещи, которые ему не удались? И если да, то какие?

— Ну, не удались все ранние вещи, я не включил их в собрание сочинений. В общей сложности это примерно так тридцать печатных листов: повесть, рассказы, очерки. И никогда у меня нет уверенности, что удастся новая начатая книга. Вроде бы уже и опыт есть, а всякий раз будто впервые проходишь этот путь длиной в несколько лет: день по дню, страница за страницей. И до самого конца не знаешь, не зря ли весь труд. Когда идешь, хочется скорей донести до места, свалить с себя этот груз, торопишь время. А завершилась книга, и жаль, что время это кончилось, интересно было жить. Так каждый раз. К сожалению, сейчас образовался у меня длительный перерыв, и чувствую себя непривязанно.

— Вы помните себя 22 июня 1941 года?

— Очень хорошо помню. Разве забудешь этот день? Но вспоминать его не люблю.

— А 9 мая 1945 года? Каким оно всплывает в памяти?

— Мы были тогда в Австрии. Как обычно, зарылись в землю на высотке, на переднем ее скате, обращенном к противнику: артиллерийский наблюдательный пункт. И вдруг передают по телефону: война кончилась. Знали, что вот-вот, скоро, а все равно застало нас врасплох. Осталась фотография, сделанная в тот день. Но это мы уже позируем на бруствере. Четыре года ждали этого дня, а все равно в первый момент и поверить было невозможно. Шутка сказать: война кончилась. Тут и радость, тут и мысли о тех, кто не дожид.

— Значит, между этими двумя датами вместились та часть вашей жизни, которая дала материал для будущих произведений. Осмелюсь спросить, хотя ощущаю некую банальность моего вопроса: скажите, без войны вы стали бы писателем или нет?

— И вопрос такой, и ответ на него — из разряда гаданий. Я только знаю одно: не проживши жизнь, писателем стать нельзя. Это, разумеется, не означает, что каждый проживший жизнь, каждый опытный человек — литератор. Записать свою жизнь может каждый; другой вопрос, что он увидел в этой жизни?

Но факт остается фактом: война породила целую литературу.

— А как быть тем, кто не воевал на фронте, но пишет о войне, как быть молодым литераторам? Тридцатилетним, сорокалетним? Разве можно закрыть для них тему войны?

— Не надо ничего ни открывать, ни закрывать. И оттого, что я скажу: писать — не писать, — ровным счетом ничего не изменится. Но опыт показывает, что самые значительные книги о войне написаны ее участниками. И так было всегда. А вслед за книгами фронтовиков пришла очередь тех, кто был во время войны детьми, подростками. Так появились, например, книги В. Семина, В. Козько, так написан роман А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». В основе каждой из этих книг — собственное пережитое, словом, то, о чем человек не мог не рассказать.

Нынешние молодые литераторы (впрочем, тридцатилетние, сорокалетние — это не такие уж молодые, это зрелые люди), думаю, прежде всего должны рассказать о своем времени. Неужели мало тем? Такие события совершаются в нашей стране, такие события происходят в мире!

Неужели, скажем, Чингиз Айтматов или покойный Юрий Трифонов, посмотрев документальную кинохронику, почитав книги, не смогли бы написать что-то о войне? Наверное, смогли бы. Но каждый из них стремился сказать свое слово, то единственное, которое без него не будет сказано. И это сделало Айтматова Айтматовым, Трифонову Трифоновым.

Каждое поколение, каждый писатель приходит со своим видением мира, приходит сказать свое. Вполне возможно, что со временем из исторического далека заново взглянут на события Великой Отечественной войны. Но это будет уже иная, историческая литература.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

Я И СЕМЬЯ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОГОНЬКА»

В обсуждении проблем семьи и воспитания приняли участие:
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР,
АКАДЕМИК АПН А. А. БОДАЛЕВ.

Долгие годы он возглавлял факультет психологии МГУ, по его инициативе семь лет назад в Москве появился консультативный центр психологической помощи семье, которым руководит ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В. В. СТОЛИН.

Большую работу в этом центре ведет все эти годы и ДОЦЕНТ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ МГУ А. С. СПИВАКОВСКАЯ. КАНДИДАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК А. Г. ШМЕЛЕВ

разрабатывает проблемы психодиагностики с привлечением компьютеров. МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК Е. В. НОВИКОВА — многолетний консультант центра психологической помощи семье. Много и интересно выступает в печати по проблемам семьи ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК ИЗ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР И. С. КОН.

СЕМЬЯ + ШКОЛА = ЛИЧНОСТЬ

Читателям, вероятно, знакомо имя ПИСАТЕЛЯ С. Л. СОЛОВЕЙЧИКА, в прошлом учителя, журналиста «Комсомольской правды».

Он написал книгу «Педагогика для всех», которая выйдет в издательстве «Детская литература». Остается представить ДОЦЕНТА В. А. СЫСЕНКО ИЗ ЦЕНТРА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ (МГУ), ДОКТОРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Ю. М. ОРЛОВА, который руководит кафедрой педагогики и медицинской психологии

в 1-м Московском институте имени И. М. Сеченова, и Г. Е. ЖУРАВЛЕВА, ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА И РАБОТЫ С КАДРАМИ ВО ВСЕСОЮЗНОМ ИНСТИТУТЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ МИНЭНЕРГО СССР.

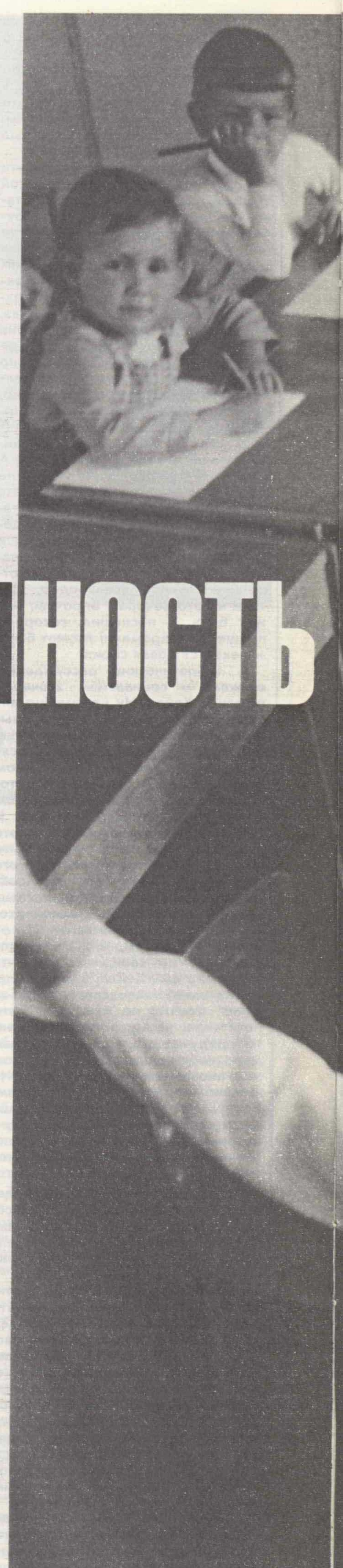
С. Л. Соловейчик. Я провел день на экзаменах в одном московском вечернем техникуме и наблюдал за ответами многих выпускников десятых классов московских школ. Слышал, например, такой вопрос преподавателя: «Если я икс напишу, а сверху такая цифирка, — как называется?» Молчание. Наконец после долгих мучений выясняется, что это показатель степени. «А если девять, то это квадрат какого числа?» «Три». «Как получаем?» Долгое раздумье, а потом: «Делим». Дождаться ответа, что это извлечение корня, оказалось невозможным...

Что же будет, когда такие ребята окончат техникумы, институты? Пойдут управлять кораблями, которые не уступают друг другу дорогу? Мы вырастили замечательных людей, которые без страха бросались в огонь Чернобыля. Но ведь школа вырастила и тех, кто привел к этой трагедии!

А. А. Бодалев. Общество сегодня предъявляет необычайно серьезные требования к семье и школе. Они в их нынешнем состоянии выполняют важнейшую задачу воспитания личности сплошь и рядом посредственно, а иногда просто плохо. В последние десятилетия мы допустили большой

просчет: не формировали отношения к семье как к одной из важнейших ценностей общества. Воспитывая детей в семье и школе, мы готовили их к труду и не заботились о том, чтобы привить им качества, необходимые для того, чтобы стать хорошим отцом, хорошей матерью. Не помню точно слова Достоевского в письме к брату, где он отмечал, что человек — это тайна и если бы раскрытию этой тайны посвятил всю свою жизнь, то не считал бы жизнь прожитой напрасно. Так вот, если бы каждый учитель, проработавший тридцать лет, или тот, кто пришел этой осенью на первый урок, если бы каждая мать, у которой сын десятиклассник, или отец, которому в роддоме вручили теплый сверточек с малышом, все время решали бы для себя задачу: а какую же психологическую тайну несет мой малыш или мой ученик Петя, если бы в воспитании мы учитывали неповторимость каждого человека, тогда бы оптимизация человеческого фактора уже сегодня начала бы осуществляться более успешно. А начало в семье. Готова ли она к этой задаче?

В. А. Сысенко. Нас, демографов, больше всего тревожит падение рождаемости, неуклонный

рост разводов и неустойчивость молодых браков. Среди разводящихся пятьдесят процентов составляет молодежь до 29 лет. Научные сотрудники нашего центра три года назад обследовали 400 пар новобрачных в московском Дворце бракосочетаний № 4. За последние 20 лет брак помолодел на три года. Каждой четвертой невесте исполнилось 18—19 лет, а жених был постарше на год-другой. Нас интересовало: как они подготовлены к супружеству. Семьдесят пять процентов новобрачных ответили, что они твердо рассчитывают на материальную помощь родителей, так как сами не в состоянии себя обеспечить. Большинство призналось, что имеет очень приблизительные знания о психологии семейной и половой жизни. Их педагогические и медицинские знания по уходу за малышом до трех лет, которые им предложено было оценить самим по пятибалльной системе, оказались между тройкой и двойкой. Из ответов следовало, что часть этих браков уже заранее обречена на распад. Где же выход? Запретить ранние браки? Но они неизбежны, если учесть, что сегодня половое созревание наступает гораздо раньше. А когда наступает гражданская, профессиональная зрелость? К 25, а то и к 30 годам!

Чтобы преодолеть этот разрыв, эту пропасть, нужно сегодня, не мешкая, поставить вопрос о создании на государственном уровне

системы комплексной подготовки молодежи к браку. Кто же конкретно должен этим заниматься? Семья, детские учреждения, здравоохранение, школы, вузы. И, конечно, средства массовой информации! Но главную задачу должны все-таки взять на себя семья и школа. Надо в семье и школе воспитывать не девочку, а будущую жену и мать, не мальчика, а будущего мужа и отца.

Ю. М. Орлов. Я хотел бы сказать, что демографические проблемы упираются в развитие материнского и отцовского поведения. К сожалению, этот термин сейчас исчез из лексикона психологов. О семье и ее болезнях, о падении престижа материнства мы заговорили недавно и все еще вполголоса, без должной открытости и остроты. Долгие годы мы были вынуждены ориентировать женщин прежде всего на профессиональную деятельность, и материнство отошло на второй план. Мы развивали сеть яслей и детских садов, и уже не одно, а несколько поколений воспитано в этих учреждениях, и воспитано как будто неплохо. Плохо другое: женщина-мать теперь психологически настроена на то, что детский сад и ясли могут ее заменить. Но она незаменима! Общество должно тревожиться падением престижа материнства. Социальная карьера женщин, кандидатская диссертация оттеснили в сторону главную ценность семьи — детей. Все больше женщин отказываются иметь двух-трех детей. И дело не только в том, что на зарплату мужа, даже если она большая, прожить нелегко. Причина еще и в том, что психологически современная женщина не готова к этой роли как главной в своей жизни!

И. С. Кон. Когда собираются специалисты, создается впечатление, что собрались чудотворцы, которые в состоянии решить все проблемы, стоит им создать условия, предоставить лаборатории и т. д. Но многие проблемы семьи, как и общества, имеют объективные причины. Сегодня проблемы семьи — это прежде всего проблемы качества жизни. Если есть желаемое качество жизни, то стабильность семьи может быть большей.

Меня тревожит существующая у нас идеализация прошлого. Сейчас много говорится о том, что раньше всюду были любящие матери, которые занимались воспи-

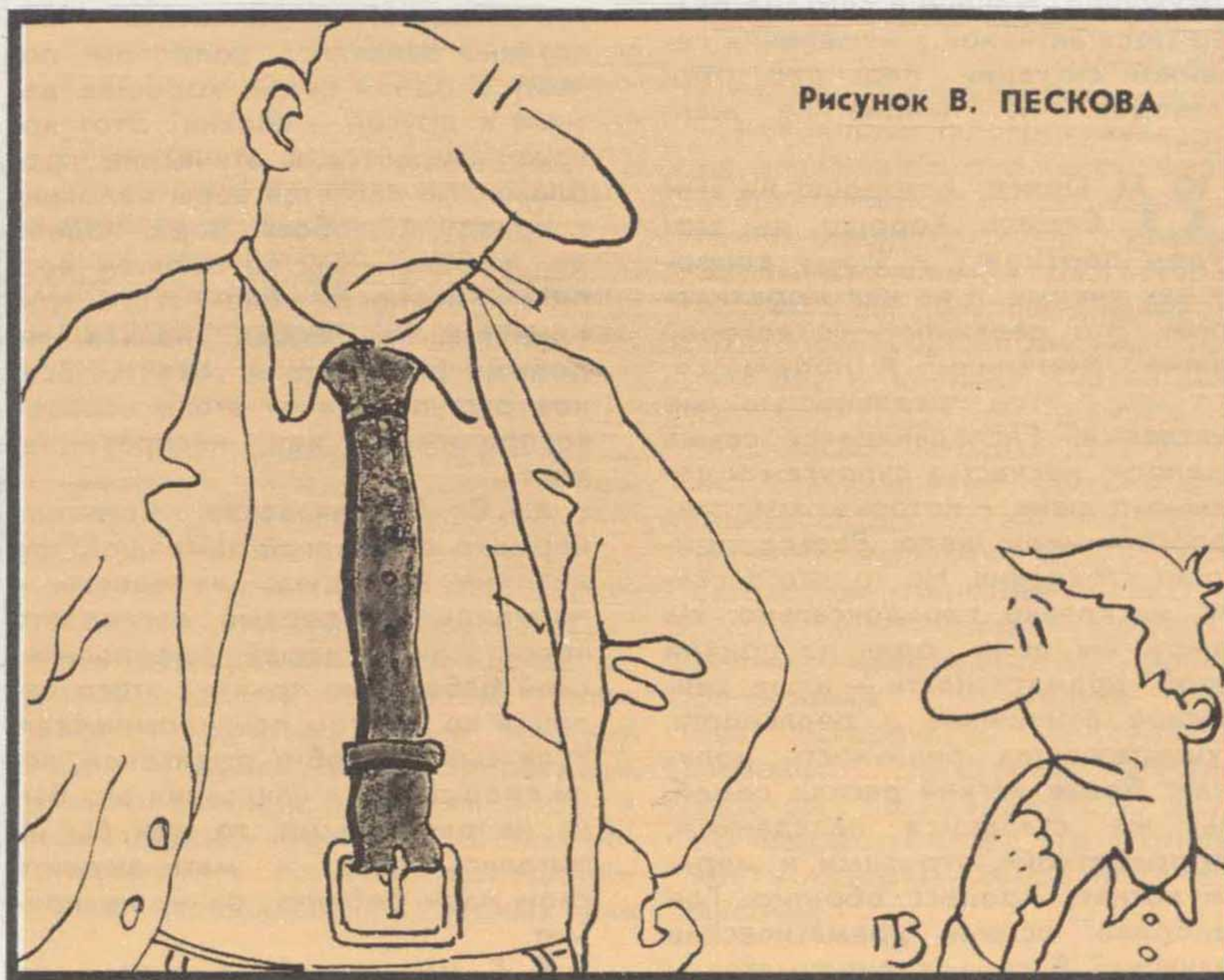

Рисунок В. ПЕСКОВА

танием детей, и только теперь, мол, с развитием эмансипации, все изменилось в худшую сторону. Но если обратиться к истории, то мы увидим, что в древности родители вовсе не были единственными воспитателями. Зачастую уход за детьми осуществляли их старшие братья и сестры. Представление о том, что женщина традиционно была нежной и ласковой воспитательницей, ничем не подтверждается. Что же касается отцов, то они вообще не занимались уходом за детьми. Это явление характерно именно для нового времени!

У нас сложились нелепые, на мой взгляд, каноны, благодаря которым мы оцениваем женщину по мужским критериям, а когда возникают трудности в семье, мы начинаем оценивать мужчину с точки зрения того, насколько он выполняет традиционно женские обязанности. Мы вовлекли женщину в общественно-производственную деятельность давно, в условиях материально и технически отсталой страны, и семейный быт оказался материально не подкрепленным. Получилась у женщины двойная нагрузка — производственная и семейная. И когда мы с этим сегодня столкнулись, то общественное мнение в этом вопросе по понятным причинам оказалось консервативным: дайте возможность женщине заниматься семьей, потому что у нее не получается хорошо ни дома, ни на работе. Но назад пути нет! Речь идет о том, как обеспечить женщине льготные условия на производстве, как обеспечить ее дом бытовой техникой, которой занимался бы и мужчина!

В. В. Столин. Как мы обычно представляем себе проблемы семьи? Как правило, запев нам дают демографы и социологи. Они говорят: низкая рождаемость — это плохо, потому что нам грозит недонаселение. Она низка, поскольку нестабильен брак. В чем состоит реальность? Реальность — это примерное равенство полов, юридическое равенство, даже с некоторым перевесом женщины в семье. Все это приводит к тому, что мы не достигнем той стабильности брака, которую хотим иметь. Почему? Потому что основная скрепляющая сила в браке — это чувства. Но они подчинены своей логике. Они возникают, усиливаются, затухают. Не привязанная экономически и юридически к мужчине, женщина сегодня оказывается активной в изменении семейной ситуации. Ведь две трети разводов — по инициативе женщин!

Ю. М. Орлов. А хорошо ли это?
В. В. Столин. Хорошо ли это? Будем подходить к этому вопросу как ученые, а не как морализаторы. Это реальность, с которой нужно считаться. А получается, что мы с этой реальностью не считаемся. Распадающаяся семья приносит несчастье супругам и детям, это факт, с которым мы, психологи, имеем дело. Развод приносит страдания. Но то, что я скажу, несколько парадоксально. На самом деле одна из причин такой драматичности — наше ханжеское отношение к реальности. Существующая реальность допускает более легкий распад семей. Мы же стараемся назиданием, «проработкой», угрозами и мерами вогнуть процесс обратно. Где наиболее острые драматические ситуации? В семьях дипломатов и

военных, потому что они лишены того выхода, который имеет любой из нас: не сложилось — разойдемся. Здесь из-за развода летит карьера. То, что в литературе называется эмоциональный развод, давно состоялось: в семье ненависть, но из благих вроде бы намерений решено закрепить семью. В итоге — детские неврозы, больные родители. Вообще говоря, уже давно нужно было бы признать существование семей нового типа. Скажем, материнская семья — это мать, имеющая ребенка или нескольких детей и воспитывающая их. Такие семьи, а у нас в стране их около 8 миллионов, нужно поддерживать более активно!

А. С. Спиваковская. Несколько слов об опыте работы семейных консультаций. В чем главная особенность семейных консультаций? В двух словах: в них люди учатся любить. Да-да, любить, развешивая при этом ряд собственных иллюзий. Одна из них — «была бы любовь, а все проблемы сами решатся».

В. А. Сысенко. Пришла пора организовать широкую пропаганду знаний о семье и материнстве. Нужно, чтобы каждому отцу и каждой матери были известны исследования ученых, доказавших, что сорок процентов способностей человека и основные черты его характера закладываются в возрасте до четырех лет. А то ведь что получается: прежде чем разобрать мотор «Жигулей», надо поучиться хотя бы на курсах, а чтобы разобраться в детской душе, учиться вроде бы и не надо!

С. Л. Соловейчик. Искусства воспитания у нас не хватает. Это самое слабое звено! Воспитанием детей дома и в школе должна заниматься наука педагогика. Другое дело, что она не выполняет своей роли в полной мере. Существует мнение, что педагогические знания есть, просто их нужно распространить, скажем, через общество «Знание». Это неправда. Родители нуждаются в науке об искусстве воспитания.

Не хочу долго доказывать, но мы одно из первых поколений, которое столкнулось с необходимостью учить родителей любить детей. И мы столкнулись с тем, что эта любовь проходит испытания. Я утверждаю это не как теоретик, у меня самого трое детей и внуки.

Многие годы я работал над книгой «Педагогика для всех» и постоянно задавался вопросом: почему в одной семье хорошие дети, а в другой — плохие? Этот вопрос упирается в этические проблемы, он касается веры человека в правду и любовь. Вера, надежда, любовь — мы не сможем воспитать личность без этого триединства. Без любви нельзя. Но должна быть еще и совесть! Всякое отступление от этого человек воспринимает как несправедливость.

А. С. Спиваковская. Родители нередко с тревогой замечают, что дети не наследуют их идеалы и принципы. На первый взгляд это недостаток в нашей идеологической работе, но причина этого явления во многом психологическая. Если сын не любит родителей, если поощрения и наказания его были неправильными, то, как бы ни пытались отец и мать внушить свои идеи ребенку, он их не примет.

А. Г. Шмелев. Дело в том, что

мы останемся на кустарном уровне, пока не научимся применять устойчивые нормы и критерии в оценке результата педагогического труда. Если юноша знает возведение в степень, выражает ли это современный уровень требований к выпускнику школы?

Если школьник один раз поднял упавшую на улице старушку, можно ли этот поступок записать в характеристику? Или он должен пять раз поднять кого-то? Мы сегодня на глазок прикидываем: вроде он что-то знает, вроде он воспитан, если не толкает старушек при входе в автобус...

Психологи, чтобы реально помочь школе, должны иметь доступ к информации о результатах обучения и воспитания, а доступ к ней часто перегорожен. И вторая проблема, уже техническая. Мы сейчас пробуем наладить сбор широкой информации о семейных проблемах, но испытываем затруднения, так как у нас нет возможности даже для элементарной обработки данных. Многие психологи долгое время вообще не имели соответствующей техники для обработки полученных материалов. К тому же они рассеяны по разным министерствам и учреждениям.

А. А. Бодалев. Абсолютно правильное замечание! Но давайте вернемся к требованию наших дней делать все для того, чтобы дети наши росли талантливыми. Для этого нужно как можно раньше создавать возможности для их развития. И делать это способны только настоящие педагоги и все настоящие, ищущие подхода к своему ребенку родители. В лаборатории, которой я руковожу в Институте общей и педагогической психологии, накоплено много интересных фактов. Так вот плохие родители используют 7—12 способов воздействия на детей: в основном окрик, угрозу и нотации, которые, как правило, не дают нужных результатов. А у хороших родителей их около сотни! Морализирование плохие учителя используют постоянно, а учителя-мастера не применяют вообще. Мне кажется, должна быть значительно улучшена психологическая подготовка учителя! В ней пока много сухого академизма. Будущие учителя пока что не ориентированы на стремление достучаться до каждой личности.

Е. В. Новикова. Идея индивидуального подхода, которая провозглашена школьной реформой, должна была войти в жизнь, но пока она по-настоящему не реализована. Мне довелось работать школьным психологом, и я обратила внимание на то, что в семье психологически грамотных родителей ребенок чувствует себя личностью, обладающей правом голоса. Но когда он вступает в школу, он сталкивается с... уравниловкой. Недавно мы обследовали пятиклассников с целью установить, что для них является источником невротической тревоги. Среди ребят были отличники, середнячки-троечники и двоечники. В наиболее тревожную «группу риска» попали именно те, кто не осознает себя личностью.

Мы пытались выяснить, почему ребята боятся получать плохие отметки. Оказалось, большинство волнуется то, что их накажут дома. Подобные обследования проводились в ряде зарубежных стран, в частности в Венгрии. Если сопоста-

вить данные наших обследований с венгерскими, то там школьники того же возраста боятся получать двойки потому, что им стыдно перед одноклассниками. То есть у них развито чувство ответственности перед коллективом, и это большое психологическое достижение. К сожалению, у нас двойка — это чаще проблема мамы, папы и, что еще хуже, учителя.

А. А. Бодалев. По поводу уравниловки... Беда эта очень большая и многих учителей. Дело в том, что формируется обобщенно стереотипное представление об отличнике, о среднем ученике и о неуспевающем ученике. Пришел в класс новый ученик, и по его первым неудачным ответам, из-за его волнения и тревоги ему выносится приговор — типичный середнячок! И соответственно с ним начинают обращаться, как с середнячком. А ведь за этими так называемыми середнячками могут скрываться одаренные ребята, которых плохой учитель не видит! Хочу привести пример из биографии Николая Егоровича Жуковского, отца нашей авиации. В гимназические годы учитель математики считал его по своему предмету тупицей. Он не давал ему рта раскрыть, поносил всенародно, наказывал, даже побивал. От такого обращения маленький Жуковский все более замыкался в себе, но, на его счастье, пришел новый учитель, который умел найти изюминку в каждом ученике, и, спасибо ему, он увидел в Коле Жуковском одаренного математика.

Г. Е. Журавлев. Сегодня, увы, и в вузах ориентируются на среднего студента. Когда же выпускник оказывается человеком творчески одаренным, его «подстригут» под одну гребенку на производстве. Мне пришлось как-то столкнуться с бывшим выпускником МЭИ. Он рассказал, что начал работать на ГЭС и вскоре предложил применить стекловолоконные светопровода для того, чтобы передавать информацию на стенд. А в ответ услышал от мастера: «Ладно, мы этим займемся, но без тебя!» Конечно, он никогда теперь не придет к этому мастеру с предложениями. И это опять-таки проблема школы! Вот смотрите, как сегодня ставит школа проблему получения знаний. Ученику говорят: выучи «от» и «до»! Тот мастер, к которому пришел молодой специалист, повел себя так, как вели себя его учителя в школе, которые учили его «от» и «до». Сегодня этот мастер оказался недостойн руководить своими подчиненными, как зачастую нынешние учителя оказываются недостойными учить своих учеников.

А. А. Бодалев. Завершая эту встречу в «Огоньке», следует подчеркнуть: если родители и учителя зародили в ребенке жажду познаний и поиска, он состоит как личность. А чтобы так получилось и в семьях, и в школах, нужно работать, нужно воспитывать детей не исполнителей, а творцов, борцов. Возвращаясь к вопросу о школьном вале, о том, почему мы имеем нивелировку личностей, думаю, одна из причин в том, что в школе и в работе пионерской, комсомольской организаций мы слишком увлекались различными мероприятиями в расчете на фронтальную работу сразу со всеми, а не старались дать ребятам конкретные, интересные дела, которые бы разбудили способности

каждого, чтобы потом предъявить к каждому более высокие требования! Без требования нет воспитания. Эта формула Макаренко звучит очень злободневно. Нам, психологам, нужно больше выходов на практику, конкретно в школу. Необходима совместная работа с педагогами, чтобы вооружить школу психологическими знаниями. Надо широко развивать психологическую службу помощи и семье, и школе. Настало время собрать психологов и обсудить их проблемы. Ведь сегодня пока что каждый психологический центр работает по своему разумению, а Общество психологов СССР вообще не координирует эту работу!

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя материалы беседы за «круглым столом», мы обращаемся к каждому, кто прочитает эти строки, с предложением принять участие в обсуждении «болевых точек», к которым мы сегодня лишь прикоснулись.

Воспитание личности в семье — это воспитание внутреннего мира ребенка. Как сохранить его богатым, нравственно здоровым сегодня? Растет число разводов и матерей-одиночек. Все больше становится семей, где пестуют одного-единственного ребенка, который нередко вырастает эгоистом, неспособным заботиться о других. Беспокоят падение престижа материнства и недостаточно подкрепленный материально быт многодетной семьи. И девальвация главной ценности брака — детей как следствие многолетней ориентации женщины на профессиональную, а не семейную карьеру. Беспокоит отсутствие комплексной программы подготовки молодежи к браку, который, как известно, сильно «помолодел».

Особенно нужно сказать о педагогической и психологической безграмотности супругов и родителей. Если мы хотим действительно добиться настоящей глубокой перестройки, о которой сейчас так много говорят, то она невозможна без знаний, в том числе знаний реальной психологии: как должны строиться отношения мужа и жены? Родителей и детей?

Сколько у нас в стране действует консультаций и центров помощи семье? Не более нескольких десятков! И пользуясь тем, что за «круглым столом» собрались специалисты по проблемам семьи и воспитания, мы пригласили их в наступающем, 1987 году сотрудничать с нами. Наши читатели смогут получить консультацию психолога по вопросам семейной жизни и воспитания детей.

И в заключение еще раз о школе. Она вместе с семьей призвана искать, находить и формировать в каждом ребенке личность. Думается, что педагоги, как и родители, так же остро нуждаются сегодня в знаниях психологии и семейной педагогики.

Итак, семья+школа=личность. Но как конкретно добиться такого итога? Об этом мы поведем разговор в материалах нашей рубрики.

Встреча за «круглым столом» в «Огоньке» подготовила ведущая рубрику «Я и семья» Новелла ИВАНОВА. Фото Анатолия БОЧИННИНА

Название улиц — живая память истории, которая во все времена была и остается лучшим воспитателем: человек, не осознающий себя частицей народа с многовековой памятью, вряд ли станет настоящим гражданином. Идет работа над проектом Красной книги наименований улиц Москвы. Известны заповедные списки животных и растений; на представляющих историческую ценность зданиях таблички: «Охраняется государством». Красная книга улиц — что-то небывалое...

С членом комиссии исполкома Моссовета по наименованию улиц, писателем-географом, московским старожилом Ю. К. ЕФРЕМОВЫМ беседует корреспондент «Огонька» Александр МИХАЙЛОВСКИЙ.

МОСКОВСКИХ УЛИЦ ИМЕНА

— Юрий Константинович, для чего вообще создается эта заповедная книга?

— В Москве более трех тысяч улиц, и мы предлагаем несколько сот из них внести в список не подлежащих переименованию, за исключением случаев возвращения исторически более ценных названий. Нужно сберечь имена улиц, в которых отражена история страны как советского времени, так и дореволюционного периода. В проект Красной книги будут внесены укоренившиеся старомосковские названия, но важно сохранить и более поздние, данные в память о политических и государственных деятелях, войнах-героях, ученых, рабочих культуры, старинных слободах...

Например, в годы бурного промышленного развития ряд улиц Москвы был назван по производственному принципу. Так появилась Авиамоторная, Электрозаводская, Автозаводская улицы. И они составляют страницу истории, поэтому заслуживают охраны.

— О деятельности Комиссии по наименованию улиц известно сравнительно немного. Какими принципами она руководствуется в своей работе?

— В комиссию входят историки, географы, филологи, архитекторы, писатели, топонимисты, представители административных органов и информационных служб города. Эти специалисты на общественных началах консультируют Моссовет по различным отраслям знаний.

Названия улиц — своего рода памятники истории, но они и ориентиры, адреса, имеющие юридическое значение. Как любое другое географическое название, они должны отвечать нормам русского языка, нести информацию о прошлом, учитывать природные и градостроительные особенности Москвы. Имена улиц должны произноситься четко, просто и ясно, легко запоминаться — это очень важно как для жителей, так и для городских служб. Чрезвычайно нежелательно дублировать названия даже в близких по звучанию формах: письмо, адресованное на проезд Серова, по ошибке может попасть на улицу Серова, а пожарная команда или «Скорая помощь» по недоразумению вместо улицы Яблочкова станет искать улицу Яблочкиной.

Нужна осторожность в случае присвоения улицам сложных, особенно иноязычных имен, которые в живой речи и при частом употреблении легко подвергаются ис-

кажениям. Удобнее, если это оказалось необходимым, присваивать их не улицам, а площадям, не имеющим нумерации зданий. Так в географии Москвы появились площади Виктории Кодовильи, Зденека Неедлы, Амилькара Кабрала. К сожалению, даже у городов бывают неудобнопроизносимые названия, вроде Карло-Либкнеховска (есть такой город в Донецкой области).

Память о человеке, важной годовщине или событии можно увековечить обелиском, памятной доской, присвоить имя библиотеке, школе — обязательно улице называть, чтобы в повседневной будничной жизни не происходило осмеяния и тем более осквернения этой памяти.

С одноименными названиями приходится бороться. В 1960 году в городскую черту вошли издавна тяготевшие к столице некоторые подмосковные города и населенные пункты. В разросшейся Москве оказалось двадцать Советских улиц, девятнадцать Московских, восемнадцать Центральных, семнадцать Школьных, шестнадцать Полевых, пятнадцать Пионерских, одиннадцать Пушкинских... Всего около 800 одноименных улиц. Возникла серьезная путаница. «Нарушителям» пришлось срочно давать новые имена. При таких «крестинах» случались удачи и неудачи.

Моссовет считает нужным сохранение в именах улиц названий сел, слобод, городов, в разное время вошедших в состав Москвы. При застройке их территорий названия этих населенных пунктов в ходе реконструкции присваиваются хотя бы одной улице или площади в районе новостройки, возникшей на их месте. Так появились улицы Кунцевская, Тушинская, Бирюлевская, а среди недавних приращений города — улица Новоселки у деревни с таким названием, Муравская — по названию реки.

— Как относится комиссия к номерным улицам? Скажем, к прославленной в фельетонах 4-й улице 8-го Марта?

— Эта улица будет переименована. Десятая улица Красной Сосны, единственная оставшаяся из восемнадцати, уже стала называться просто улицей Красной Сосны, храня память о поселке, построенном в сосновом бору. А шестнадцать Парковых составляют «комплект» хорошо упорядоченных, параллельных, удобных для

ориентирования — поэтому переименованию не подлежат.

— Юрий Константинович, в топонимии города постоянно происходят изменения, это неизбежно. Но где критерий ценности названий и целесообразности перемен? И не станет ли Красная книга юридическим закреплением существующих названий в ущерб исторически более ценным?

— Создание заповедной книги вовсе не исключает работы по возвращению таких названий. Но для этого необходимы серьезные обоснования. Именно так было с Остоженкой и Хамовническим валом. Имя Остоженки дорого москвичам не только как память об остожках Конюшенного двора, но и как арена октябрьских боев в Москве в 1917 году. А хамовниками в старину называли теперешних ткачей и прядильщиц.

Необходимо также исключить случаи, подобные неожиданному переименованию древней Zubовской площади и вернуть ей исконное имя.

Из двадцати двух старинных имен радиальных магистралей с окончанием на «ка» только в пределах Садового кольца исчезло шестнадцать. Мне кажется (подчеркну: этой точки зрения некоторые члены комиссии не разделяют), можно было бы вернуть некоторым улицам их прежние названия, не нанося ущерба памяти людей, чьи имена они названы позже. Скажем, Спиридоновка, именовавшаяся так со времен Ивана Грозного, стала улицей Алексея Толстого в 1945 году. А площадь со сквером, где воздвигнут памятник выдающемуся писателю, осталась безымянной.

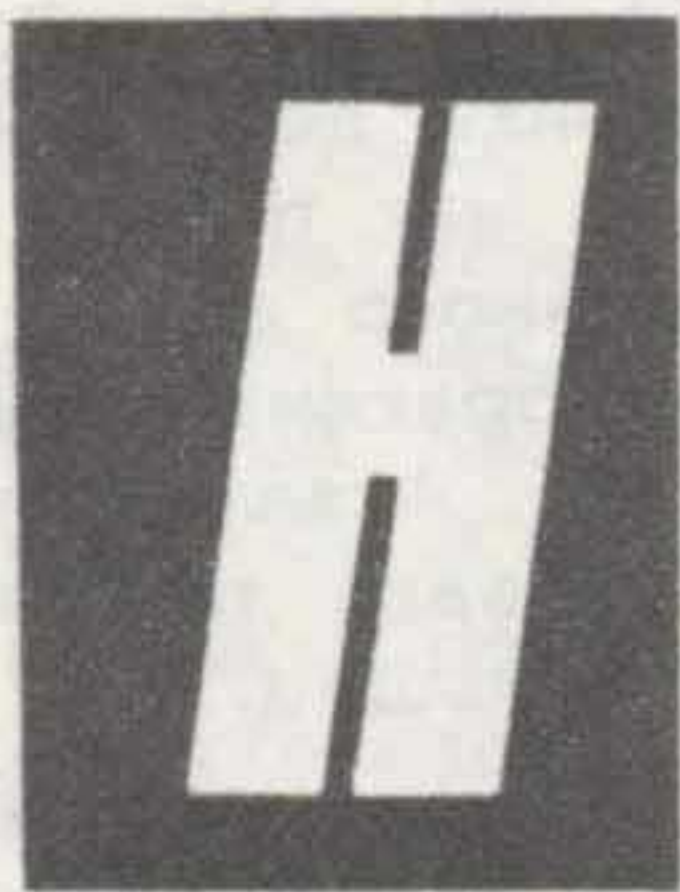
Новокировский проспект, условно значащийся под таким именем у архитекторов, до сих пор не получил официального названия. Своим величием и благоустроенностью он достоин называться полноправным Кировским проспектом, а к улице Кирова могло бы вернуться ее прежнее имя Мясницкой, которым она названа по находившейся здесь Мясницкой слободе. С таким предложением, в частности, выступила писательская общественность.

...На моих глазах прошли три волны переименований, решения о которых принимались подчас без исторически обоснованной системы. Некоторые названия утрачены по небрежности, другие по недоразумению, что в отношении к истории совершенно недопустимо.

Неподдельным интересом проникнуты отклики, которые пришли в редакцию после публикации материалов «Старики?» (№ 27, 1986 г.) и «Кто поможет инвалиду?» (№ 47, 1986 г.). В первом из них рассказывается о празднике для людей преклонного возраста и инвалидов в Таллине, другой повествует о проблемах, связанных с созданием индивидуальной техники для людей с увечьями. По-разному складываются их судьбы, но письма читателей единодушны в одном: инвалиды нуждаются во внимании, особой степени чуткости. Не всегда она должна принимать и форму настойчивой, даже назойливой опеки. Нередко люди, преодолевшие серьезные невзгоды, находят в себе силы для полноценной жизни...

Обращаем внимание руководителей союзного Министерства здравоохранения на то, что редакция до сих пор не получила ответа на выступления. Это, кстати, заметили и читатели, приславшие нам письма-отклики.

Р. ДМИТРИЕВ.
Фото автора

Н едолгий рассказ о себе Мати Кууси завершает ослепительной улыбкой, не допускающей и тени сомнения: обладатель таковой преуспевающий человек. У него милая, добрая, хозяйственная жена, очаровательный сынишка. Ему всего тридцать шесть лет, но он много успел: семейный крестьянский дом, построенный сто лет назад, Мати расширил. В пристройке разместились сауна, летняя кухня и гараж. В двух шагах от дверей баньки—бассейн с морской водой, а из окна небольшой каминной так приятно любоваться морским прибоем! Между старым домом и пристройкой выросла крытая галерея, по которой можно, не выходя на улицу, пройти в гараж. Там стоит «москвиченок», сильно потрепанный за семь лет нещадной эксплуатации. Хозяин — участник множества ралли. Два республиканских выиграл, в нескольких был в числе призеров и в результате стал кандидатом в мастера спорта СССР. Есть у Мати Кууси и то, чем особенно дорожит всякий уважающий себя мужчина: интересная работа, которая к тому же хорошо оплачивается.

Все есть у Мати Кууси для человеческого счастья: семья, работа, достаток, преданные друзья. Все, кроме... ног. Вот уже четырнадцать лет ноги ему заменяет инвалидная коляска.

Случилось это, когда Мати было двадцать два года. Он успел жениться и получить профессию шофера. Мечтал стать водителем междугородного автобуса, но вдруг появилась опухоль, а вместе с ней и страшные боли. Год провалялся по больницам. Опера-

«ТИХИЙ»

ция. Вернулся домой инвалидом: ноги не повиновались. Паралич!

Паралич — это испытание характера: беда, которая может загнать в тихий угол, на немощное доживание. Но может и пробудить в человеке такие силы, что и здоровые люди только головами уважительно закачают.

— После больницы сразу же получил работу, — говорит Мати Кууси. — По прежним моим запросам не бог весть какую: штамповал в колхозной мастерской металлические пуговицы. Но для меня важен был сам факт: я могу быть полезен колхозу, семье, не стану бездельником и обузой для окружающих. Тихий угол не для меня.

Когда металлические пуговицы вышли из моды, Мати освоил новое ремесло — изготовление домашних туфель — деревяшек. Потом стал обивать мягкую мебель в колхозной мебельной мастерской. Однажды председатель колхоза имени С. М. Кирова Хартюско-го района Оскар Кууль предложил Мати работу, на которой он закрепился, кажется, окончательно. Большущий детский сад колхоза нуждался в помощи умелого, мастерового человека. Мати немного потерял в заработке, но зато получил возможность работать дома. В его обязанности входит ремонт велосипедов, самокатов, пластмассовых, деревянных, мягких и прочих игрушек, но Мати увлекся но-

вым делом и стал изобретать свои игрушки. Из деревянных чушек получаются презабавные поросята, лошади, коровы. Есть для них ярко-желтые кормушки и плетеные заборы. Все как на настоящей ферме. Ребятишкам очень нравится.

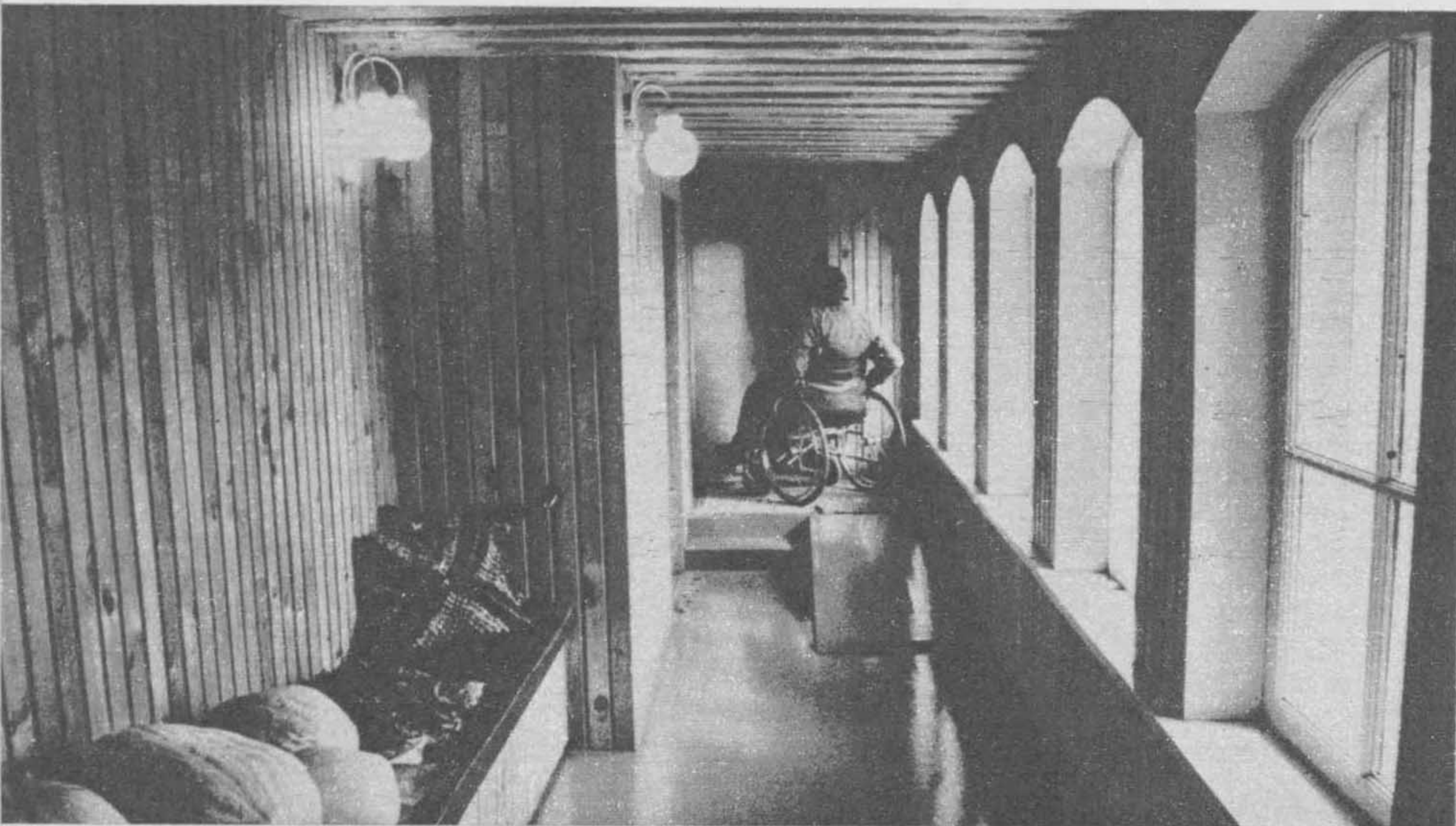
Раз в неделю Мати заезжает в детский сад сдать готовые вещи и забрать то, что дети успели поломать. Они мастера по этой части, и потому работе нет конца. Дома, в гараже, оборудована мастерская, где есть даже электро- и газовая сварка, не говоря уже о слесарном и столярном инструменте. Тут тепло. Ворота плотно подогнаны к дверной раме и поднимаются вверх с помощью электрического привода. И вообще в доме все продумано до мелочей, с тем чтобы Мати мог обходиться без посторонней помощи. К примеру, выключатели опущены вниз до уровня глаз сидящего на стуле человека. В доме нет высоких порогов, ступенек и других препятствий. На их месте пологие спуски — пандусы. Почти вся мебель сделана руками хозяина. Иногда Мати обращался за помощью к специалистам. Колхозный архитектор, например, помог ему продумать компоновку и внешнее оформление дома. Друзья водрузили на крышу солнечную батарею для подогрева воды. Из детского переговорного устройства, купленного в «Дет-

ском мире», сделали пульт, который позволяет связываться с любым помещением и открывать входные двери гостям, не вставая с постели.

Возиться с автомобилем — любимое занятие Мати. Деньги на покупку «Москвича» дал ему в кредит колхоз. Машина, конечно же, с ручным управлением, но основательно переоборудована. Сцеплением, например, Мати пользуется, только трогаясь с места. Еще важнее для него оказалось приспособить для себя ремни безопасности. Заводская конструкция не обеспечивает устойчивого положения тела на поворотах: инерция заваливает в сторону, а руки заняты управлением. Сейчас машина пригнана с той же любовью и тщательностью, что и дом. Это позволяет Мати участвовать в гонках на равных со здоровыми водителями. Он настолько уверен в надежности своей машины, что решился на далекие путешествия к Черному морю и в Карелию.

— Машина для инвалида не роскошь, а протез, — шутит он.

Но если говорить серьезно, то машина с ручным управлением — серьезная государственная проблема. В мире сотни миллионов инвалидов. И положение с годами вряд ли улучшается: медицина бурно развивается, и теперь выживают такие больные, которые раньше считались обреченными. Не знаю, какой процент этой армии страдает заболеваниями опорно-двигательного аппарата, но потребность в автомобиле, видимо, очень велика. Судите са-

Крытая галерея.

Семья Кууси: Анне, Мартин и Мати.

ми: в последних, не самых представительных ралли для машин с ручным управлением, которые проводятся в Таллине регулярно, участвовало больше тридцати экипажей. Это уже шестьдесят человек, и у каждого есть что сказать автомобилистам.

— Нам жизненно необходим хороший автомобиль с ручным управлением, имеющий широкие двери, в которые я, например, смог бы сам втащить складную коляску. Сейчас я перевожу свою коляску в багажник и без чьей-либо помощи ни уложить ее туда, ни достать не могу. Кстати, коляска — финская. Она легкая, малогабаритная и складывается моментально. А наша промышленность выпускает такого монстра, который даже в балконные двери не проходит.

Разговор этот происходил после тренировки в одной из секций «Инваспорта» — спортивной федерации, созданной в Эстонии специально для инвалидов. Мати регулярно тренируется, участвует в соревнованиях и показательных выступлениях. Его приятели тут же включились в разговор, и претензии к промышленности посыпались как из рога изобилия. Оказалось, что очень нужен надежный автомобильный радиотелефон. Без него страшно одному отправляться в дорогу: вдруг что-нибудь случится с машиной — как тогда позвать на помощь?

Досталось и архитекторам, и строителям. Для колясочника почти все зрелищные развлечения — недоступный соблазн. Как прикажете взбираться на коляске по крутым лестницам кинотеатров? Даже в новых домах культуры проектировщики не предусматривают строительство пандусов, наклонных дорожек, по которым так удобно передвигаться на колесах. Недоступны для инвалидов и подземные переходы. Высказано было еще много наболевшего, но от частностей очень быстро перешли к главному: необходимо создать Всесоюзное общество инвалидов, которое взяло бы на себя заботу о нуждах своих членов. Ведь есть же свое общество у глухих, у слепых. Видимо, настала пора позаботиться и о нуждах людей, которых болезнь лишила многих жизненных благ.

В Эстонии уже многое сделано, для того чтобы подготовить общественное мнение к серьезному восприятию проблемы. В республике есть телевизионная передача «Очечник», спортивное объединение для инвалидов-автомобилистов, о которых много и охотно пишет местная пресса. У «Инваспорта» появились последователи в Риге, Ленинграде и Омске. И это особенно радует, потому что среди членов этого спортивного общества мне не встретился ни один нытик. Здесь не оплакивают то, что потеряли, а стараются сохранить и развить то, что осталось, проявляя при этом лучшие человеческие качества.

Руководитель и создатель «Инваспорта», главный инженер вычислительного центра Эстпотребсоюза Михкель Айтсам, кстати, инвалид с детства, подытожил наш разговор:

— За четыре года мы сыграли немало свадеб. Мы все здесь уверены: чем больше на свете счастливых людей, тем крепче моральное здоровье общества.

Эстонская ССР.

В преддверии Нового года мы представляем двух хорошо известных деятелей искусства. На наших страницах, однако, они занимаются «не своим» делом: популярнейший кинорежиссер Эльдар РЯЗАНОВ выступает со стихами, а артист МХАТа Юрий БОГАТЫРЕВ рисует (читайте о его увлечении на стр. 25).

В будущем году «Огонек» желает им больших удач во всех начинаниях, даже если они пожелают освоить новые, неведомые для себя сферы искусства.

Эльдар РЯЗАНОВ

«Я ПРОСТО СОЧИНЯЛ ПО МЕРЕ СИЛ...»

В стихах фиксировалось то, что не находило себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Однако кинорежиссер создает произведения с помощью писателя, актера, оператора, художника, композитора. Любой фильм — своеобразный сплав дарований всех этих индивидуальностей.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только моем, стремление поделиться чем-то заветным, жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедь, я думаю, то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умениях заглянуть в человеческие глубины — наверное, суть поэзии... Постепенно сочинительство стихов стало занимать в моей жизни все более и более значительное место. От увлечения оно превратилось для меня в дело необычайно важное. И сейчас порой я затрудняюсь сказать, чему больше радуюсь — созданию новой киноленты или написанию новых стихов, какой из этих процессов для меня насущнее, необходимое, желаннее.

Кто в юности не баловался стихами?! После юношеских опытов я не сочинял в рифму лет эдак около тридцати. Заново началась эта напасть, когда я приближался к пятидесяти годкам. Началось внезапно, неожиданно для меня, к полному моему изумлению. Вот уж воистину «седина в бороду, бес в ребро». Сначала стихотворные всплески были эпизодическими, но постепенно стали повторяться и учащаться.

За последние десять лет я сумел поставить несколько фильмов — «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Гараж», «О бедном гусаре замолвите слово», «Вокзал для двоих», «Жестокий романс». Упоминаю о них лишь потому, что в этот же период параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. Внутренний монолог — это те слова, которые не произносятся вслух, а произносятся лишь про себя. И я действительно несколько лет держал себя в узде, не выходил из «поэтического подполья», скрывал свое пристрастие.

Но недавно не выдержал и стал отдавать стихотворения в печать.

Любовь готова все прощать, когда она — любовь, умеет беспрестанно ждать, когда она — любовь, любовь не может грешной быть, когда она — любовь, ее нелегко забыть, когда она — любовь, она способна жизнь отдать, когда она — любовь, она — спасенье, благодать, когда она — любовь, полна безмерной доброты, когда она — любовь, она естественна, как ты, когда она — любовь.

Я все еще, как прежде, жил, живу, а наступило время отступленья. Чтобы всю жизнь держаться на плаву, у каждого свои приспособленья.

Я никогда не кланчил, не просил, карьерной не обременен заботой. Я просто сочинял по мере сил и делал это с сердцем и охотой.

Но невозможно без конца черпать — колодец не бездонным оказался. А я привык — давать, давать, давать!.. И, очевидно, вдрызг поиздержался.

Проснусь под утро... Долго не засну... О, как сдавать позиции обидно! Но то, что потихоньку я тону, покамест никому еще не видно...

Богатства я за годы не скопил, Порою жил и трудно, и натужно. В дорогу ничего я не купил... Да в этот путь и ничего не нужно.

Иступленно кланялись березы, парусил всей кроной ржавый дуб, мужичонка, поутру тверезый, разбирал трухлявый черный сруб.

Три дымка стелились над селеньем. Ветер покрутился и утих... Вдруг явилось сладкое виденье — возле клуба крытый грузовик.

Надпись на борту «Прием посуды» за литровку написал маляр... Вот пошли из всех калиток люди, мужики и бабы, млад и стар.

В валенках, в берете на затылке и по две авоськи на руке — пер старик порошние бутылки к благодетелям в грузовике.

Шел верзила с детской коляской, шервно толкал перед собой; не дитя, а темные стекляшки голосили в ней наперебой.

Паренек в замызганной ушанке явно не по детской голове, как бурлак, волок посуду в санках по осенней грязи и ботве.

Ерзали и звякали бутылки у старухи в рваной простыне... Где-то петухи заголосили, вороны сидели на стерне.

Тишина надмирная повсюду... Иней под подошвами шуршал: население шло сдавать посуду истово, солидно, не спеша.

Очередь безмолвная стояла... Все вращалась хмурая Земля. А пустая, испитая тара возвращалась «на круги своя».

Старичок-бодрячок полон оптимизма, энергичен, как волчок, бегающий по жизни.

Он кривой, как сморчок, хром и шепелявит. Старичок-бодрячок все кричит о славе.

Старичок-бодрячок — все ему понятно. Попадись на крючок — не уйдешь обратно.

Он упрям, как бычок, лучше всех все знает — старичок-бодрячок вечно поучает.

А жена старичка, крепкая бодрячка, все гвоздит сгоряча — от нее горячка.

Старичок-бодрячок, наделенный властью, нам дает под зад толчок, к нашему несчастью.

Заиграл вдруг смычок вальсик похоронный. Старичок наш — молчок, сник, неугомонный.

Нет теперь дурачка, — он на катафалке. Старичка-бодрячка как-то даже жалко.

НА РАССВЕТЕ

Жил мальчик. У него были самые лучшие в мире отец и мать. Были бабушка, сестра Женя и мамин брат Сережа. Был дом. В этом доме уважали детей, растили добрыми и честными людьми, учили любить Родину. У мальчика были друзья, такие замечательные, какие бывают только в школе. И школа была замечательной — из ее окон был виден Кремль. Жизнь с друзьями казалась главной, жизнь взрослых — второстепенной. У них, у взрослых, что-то происходило. Отец все чаще приходил с работы мрачный, все громче спорили по вечерам в столовой, и громче всех, задиристей всех — Сережа. Он вообще был заядлый спорщик. Но все это не имело отношения к тайному походу в заброшенные каменоломни, к изготовлению альбома, посвященного столетию со дня смерти Пушкина, к первой любви, к приступам первой ревности. Так казалось мальчику, потому что тогда он еще не знал, что все ко всему имеет отношение... Не мог он знать и того, что отец ночью, стоя у окна кабинета и глядя на громады корпусов дома у Москвыреки, думал о зыбкой, иллюзорной надежности уюта за тысячами окон, светящихся теплым светом цветных абажуров.

Мальчика звали Игорь Баюков. Писателя, написавшего роман о судьбе Игоря и его близких, — Юрий Трифонов.

Юрий Трифонов умер, люди его поколения живут недолго. Им выпала трудная доля — война, лихолетье...

Живут его книги. Главный герой их — время. Юрий Трифонов писал, что историю можно сравнить с многожилым проводом, тянущимся из прошлого в будущее, что поколения связаны незримой нитью. Он нащупывал узлы этой нити. Узлы подтверждали непрерывность. Роман «Исчезновение» — о времени, когда силовые нити истории, связывающие ее вехи и поколения, напряжены до предела. Разрыв их грозит хаосом, безумием, но залог прочности — в той надежде, любви и вере, что сохраняют люди. И еще — в юморе.

Таким мы видим в романе Сережу, таким был Юрий Валентинович Трифонов.

Юрий Валентинович умел не терять чувства юмора, хотя иногда это было невыносимо трудно. И еще он спрашивал в своих книгах: «Надо ли вспоминать?» И отвечал: «Бог ты мой, так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить — это целно, слитно, неуничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет».

В центре романа образ Николая Григорьевича Баюкова — коммуниста, ветерана революции, верного ее великим идеалам. Те читатели, которые знакомы с документальной повестью «Отблеск костра», несомненно, угадают в Николае Григорьевиче Баюкове выдающегося деятеля революции, одного из организаторов Красной Армии, члена партии с 1904 года Валентина Андреевича Трифопова. Образ отца для Юрия Трифопова был свят.

Однажды в разговоре о труде писателя Юрий Валентинович сказал: «Наши раны — вот наши тайны драгоценности, и клад этот не может отобрать никто».

Роман «Исчезновение» — это о ранах, о том, что вспоминать надо, и о том, что нить, связывающую поколения, порвать невозможно. Она прочна, потому что соткана из не исчезающих элементов.

Ольга ТРИФОНОВА-МИРОШНИЧЕНКО

Полностью роман Юрия Трифопова будет опубликован в журнале «Дружба народов».

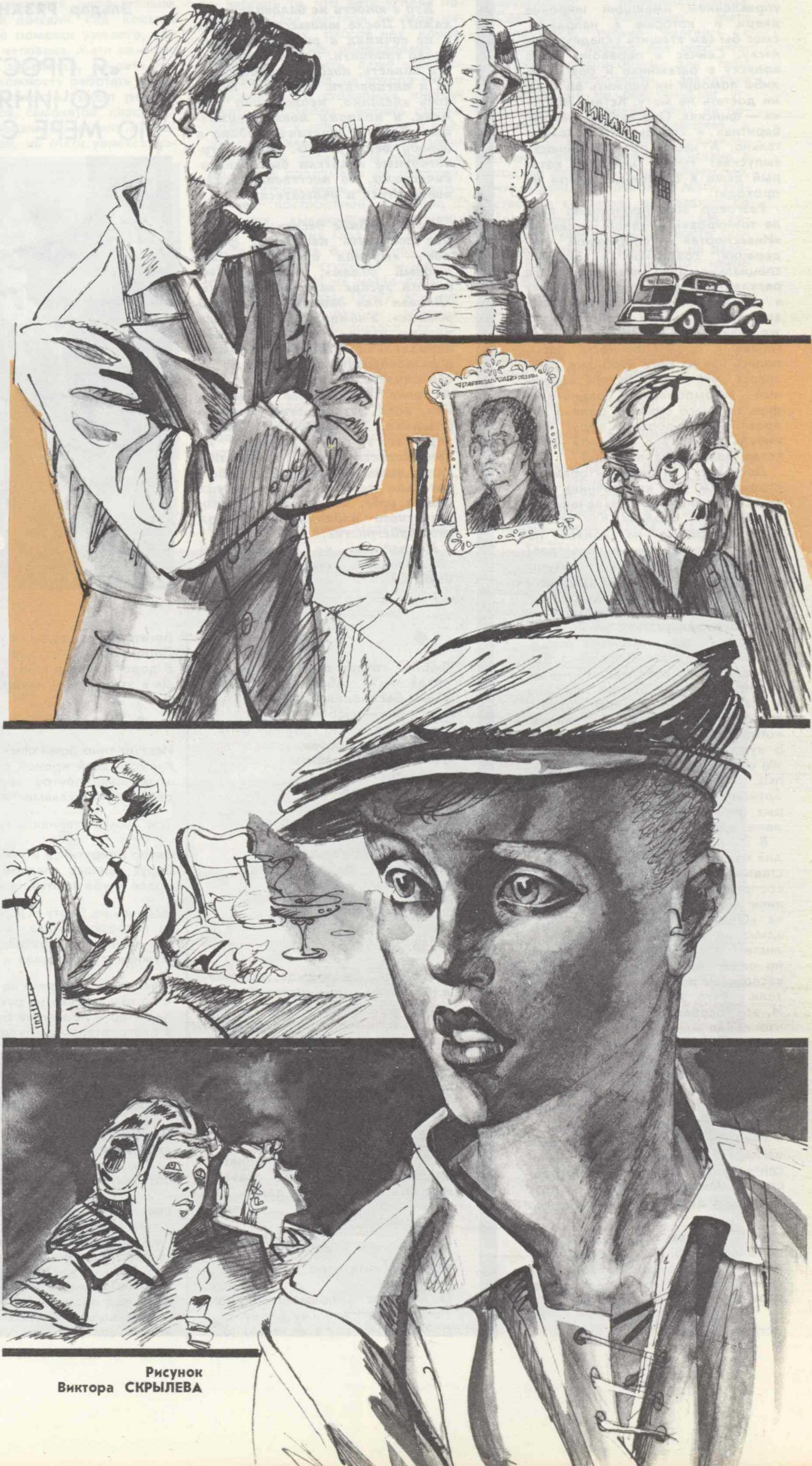

Рисунок
Виктора СКРЫЛЕВА

Отрывок
из романа
«Исчезновение»

Л

ыжи оставили у входа, засыпали их для маскировки снегом, сверху наложили ветвей. Первым полез Ленья. Очищенное от раскисшего снега, грязи и прошлогодних листьев отверстие было маленьким и невзрачным. Никак не верилось, что эта нора вела в какие-то гигантские катакомбы. Сначала следовало просунуть в отверстие ноги, а потом проталкиваться внутрь всем телом. Ленья сказал, что за первым ходом метров через пять-шесть будет обрывчик, с которого удобнее сползает именно так: ногами вперед! «Адью!» — сказал Ленья, и его голова в кожаном летчицком шлеме исчезла в черной дыре.

— А Сапог все равно тут не пролез бы-бы со своими окороками... — Марат нарочно стучал зубами и трясся, словно от страха. Но, хотя он дурачился, физиономия у него была на самом деле бледная.

Уползла и его ушанка. Горик просунул ноги в нору и, отталкиваясь руками и локтями, помогая плечами, стал вбуравливаться в тесную и узкую лазейку. Если б не знать, что эта теснота скоро кончится и начнутся просторные ходы и залы, как обещал Ленья, можно было бы прийти в отчаяние. Горик двигался чересчур быстро, потому что услышал снизу полупридушенный голос Марата: «Эй, тихо... Голова...» Ах, вот что! Горик раз два ткнулся ногой во что-то нетвердое, ускользающее. Еще более издали донесся голос Леньи: «Прыгай!» Марат, видно, прыгнул. Горик почувствовал, что теснота кончилась, ноги оказались в пустоте над обрывом. Прыгать, не зная истинной высоты, было боязно, и Горик несколько мгновений болтал ногами в воздухе, сдвигаясь вниз по миллиметру и тщетно пытаясь достать носками ботинок дно. «Да прыгай же!» — сказал кто-то, потянув Горика за ногу, и Горик свернулся наземь. Можно было не падать, а просто встать на ноги — земля оказалась рядом, не более чем в полуметре от его ботинок, но от напряжения и дрожи в коленях он не удержался и рухнул.

Все трое зажгли свои свечи и увидели небольшой, с низким потолком, полукруглый зал, из которого чернели провалами два выхода. Зал был замечательно уютный. Он напоминал гостиную с занавешенными окнами. На полу валялись какие-то бумажки, кости, консервные банки и труп маленькой собачонки. Собачка умерла, по-видимому, давно, потому что трупик ссохся, превратился почти в скелет, обтянутый темной кожей. В зале стоял теплый, затхлый, но очень приятный запах песчаных стен. Ленья уверенно направился к одному из черных провалов, откуда начинался коридор. Теперь было ясно, что Карась сказал правду: он тут старожил. И маме своей он, значит, загнул насчет кино и насчет того, что перелезал будто бы через стену и ободрал кожу на ладонях. Он был тут, факт. А Лину Аркадьевну не захотел пугать. Но как же он, змей-горыныч, смог пойти сюда в одиночку? Ехать поездом из Москвы, идти на лыжах, продираться сквозь этот капкан, калеча себе руки и уничтожая пальто, все лишь затем, чтобы побыть одному — со свечечкой в руке — в этом гробовом мраке. Это был поступок ужасной силы, даже мысль о таком поступке приводила Горика в содрогание, и он отбрасывал ее, старался не думать и ничего не спрашивать у Леньи, ибо пока еще он мог сомневаться, но как только узнал бы точно, не в силах был бы относиться к Лене, как прежде, как к обыкновенному человеку. Поэтому лучше думать, что Карась загнул, что он был тут не один, а с кем-то из взрослых, с каким-нибудь, например, профессором, специалистом по изучению пещер. Он не мог, не имел права прийти сюда один. Если б он так поступил,

он бы чудовищно и непомерно возвысился над всеми и одновременно унизил бы всех вокруг.

Коридоры и залы сменялись новыми коридорами и залами. Ленья то и дело вынимал из планшетки лист бумаги, что-то отмечал карандашом: составлял план пещеры. Этот план он хотел передать в дар Географическому обществу, за что всех троих, по его расчету, должны были избрать членами общества. И, возможно, даже почетными членами. Все это было заманчиво и прекрасно, особенно когда говорилось об этом там, наверху, но теперь Горика томили две вещи. Первая: то, что за довольно длинный отрезок пути Марат положил всего девять или десять бумажных номеров. Ленья велел оставлять номера только там, где коридоры разветвлялись, это было, конечно, разумно, но все же иные коридоры были так длинны, изломаны, с такими сложными изгибами, что спокойней было бы класть номера чаще. Таково было мнение Горика, которое он, конечно, не высказывал, чтоб не выглядеть чересчур осторожным. Кроме того, то, что Ленья велел беречь номера — а их наделали больше ста штук! — говорило о том, что аппетит у Карася разыгрался и он намерен ходить по своей любимой пещере еще часов пять. А Горика казалось, что уже все ясно и можно понемногу подгрести к выходу. Походили, посмотрели, дальше то же самое — еще зал, еще коридор.

Другое, что томило, — мысль о Володьке. От него по таинственному настоянию Леньи поход был скрыт, но Сапог мог случайно, по недомыслию или со зла позвонить домой и обнаружить вранье. Горик сказал, что поедет с классом на экскурсию в Горки Ленинские. Скорее всего Сапог звонить не станет, догадался, что его почему-то отшили: в субботу у него был такой померкший, убитый вид, что даже жаль его стало. Вообще-то Горик считал, что Сапог человек несерьезный, болтун и врал, и в секретные дела посвящать его не следует, поэтому даже обрадовался, когда Ленья вдруг заявил, что по особым причинам Сапог должен быть исключен из ОИППХа, — о причинах Ленья обещал доложить позднее, когда удостоверится в точности фактов. Он только сказал, что преступления Марата — его беззастенчивая, у всех на виду беготня за Каткой Флоринской и то, что он растрепал ей про пещеры, — ничто по сравнению с этими «особыми причинами»! Но в чем конкретно дело, проклятый темнила не сообщил.

Горик на него надул. «Ладно! Я тебе тоже одну вещь не скажу». Никакой «вещи», разумеется, не было. Была обида, застрявшая в Горике еще с утра, когда Карась вздумал над ним покуражиться. Иногда на Карася находила такая гадость: покуражиться над товарищами.

На первой перемене он подошел к Горика и сказал: «Будем узнавать крокодилов!» «Давай!» — охотно согласился Горик, не предполагая подвоха.

«Крокодилами» Ленья и Горик называли тех, которые знают лишь то, что проходят в школе, словом, невежд, полужнаек.

«Крокодилам» противостоят «осьминоги», люди начитанные, сведущие во многих науках. Крокодилов в классе полно, а осьминогов — раз, два и обчелся. Ленья, Горик и еще человека три, не больше. Распознавать «крокодилов» — премилое дело, увлекательнейшая забава. Вот Горик и подумал, что Карась предлагает ему позабавиться, пощупать кое-кого, задать контрольные вопросы. Ленья показал ему какой-то рисунок в книге и спросил: «Что это за цветок?» Горик посмотрел, пожал плечами: «А черт его знает!» «Не знаешь?» «Нет». «Удивительно! Это раффлезия, растет на островах Суматра и Ява. Такую вещь каждый осьминог должен знать!» — И отошел, посмеиваясь, как бы говоря: «А ты, оказывается, крокодил, братец».

Горик, ошарашенный такой низостью, весь урок обдумывал, как отомстить, и на следующей перемене подозвал Ленью. «Ленья, — сказал он как можно простодушной, — ты не знаешь случайно: кто такие мормоны?» «Не знаю», — признался Ленья. «Неужели не знаешь?» «Нет». «Удивительно! Это каждый крокодил должен знать. Не говоря уже об

¹ Общество по изучению пещер и подземных ходов.

осьминогах». Тут хвастливый профессор все понял, покраснел, как рак, и, скривив губы, сказал презрительно: «Все с меня слизывается, хорошая обезьянка!»

И до конца уроков они не разговаривали. Только на обратном пути Карась неожиданно догнал Горика на набережной и сказал сухим тоном: «Ты пока еще член ОИППХа и должен знать, что через три дня мы идем в пещеру». Тут-то Карась и сообщил насчет Сапога. Горик, который совсем было его простил, вновь надул. Если б Сапог на другой день подошел к Горика и спросил: «Ребя, за что?» — Горик наверняка потребовал бы от Леньи немедленных объяснений, но Сапог не подошел. Сапог притих, ни с кем не разговаривал, вид у него был неимоверно печальный. Похоже, он понимал безнадежность своего положения. Эта покорность судьбе была совсем не в его Сапожном характере и лишь подтверждала подозрения, что тут дело нечисто. Толстяк что-то за собой знал!

Через час-полтора блужданий по коридорам и залам вышли, наконец, в Круглый, или Царский, зал. Именно сюда Ленья стремился попасть, здесь был обещан привал. Зал был велик, стены и потолок терялись в темноте, три свечи не могли осветить ничего, кроме клочка каменистого пола под ногами, и эта подземельная безграничность была еще тягостней, чем теснота. Посреди зала лежали громадные плоские камни, один из них приспособили под стол, разложили еду: вареное мясо, яйца, хлеб. Но не было аппетита. Один Ленья энергично молотил челюстями и при этом, не умолкая, рассказывал о принципе выработки камня в восемнадцатом веке, когда возникла каменоломня. Пол-Москвы, оказывается, построили из белого камня, который выломали здесь, в этих залах. Затем он сказал, что Царский зал, в котором они сидели, должен быть поблизости от старого, главного входа, сейчас заваленного камнями, замурованного, и, стало быть, они ушли очень далеко от той норы. Это сообщение не слишком обрадовало Горика и Марата. Они как бы невзначай поглядели друг на друга, желая что-то сказать, но промолчали. Ленья считал, что должны быть где-то другие выходы. Не может быть, чтобы существовал только один выход из такого гигантского лабиринта. Наверняка есть другие, надо их искать.

Марат и Горик продолжали вяло жевать. И вдруг Горик спросил — не хотел спрашивать, вырвалось само собой:

— Карась, а ты, верно, ходил сюда один? — Верно, — сказал Ленья.

«Зачем же я спрашиваю?» — с отчаянием подумал Горик. У него даже что-то дрогнуло и заболело внутри, когда он услышал «верно». Но все было кончено, стрела сидела глубоко в сердце, и чуть качалось ее оперение. — Для чего же один? — слабым голосом спросил Горик.

— Для того, чтоб проверить себя, — безжалостно отрубил Ленья.

В тишине слышалось, как с металлическим хрустом жуют его челюсти.

— Ну, ты — вообще... — вздохнул Марат.

— А знаете ли вы, какие пещеры Европы наименее исследованы? — спросил Ленья, не замечая ни потрясенности Горика, ни почтительного вздоха Марата. — Испании и Португалии! Как же — это любой крокодил обязан знать...

Сейчас он мог хамить и куражиться сколько угодно. Горик был повержен. У него не было сил не то что отвечать, но даже обижаться. Великий человек: он проверял себя! И остался доволен проверкой!

— Я бы тоже хотел проверить себя... когда-нибудь, — робко и завистливо заметил Горик.

— Проще пареной репы. Вообще проверять себя надо не когда-нибудь, не раз в сто лет, а постоянно. Ну, хоть раз в месяц, — сказал Ленья. — Можем вместе провериться, если хочешь.

— Давай, — согласился Горик.

— И я с вами! Сапога возьмем, черт с ним, — сказал Марат. — Пусть толстенный себя проверит, ему это не повредит.

Вдруг Ленья сообщил ошеломительную новость насчет Сапога: его отец, оказывается, враг народа и германский шпион! Несколько дней назад он был разоблачен и арестован. Горик и Марат ничего подобного не слышали. Они даже не поверили своим ушам. Но Ленья сказал, что узнал точно, это подтвердила од-

на женщина, знакомая его матери, портниха тетя Таисия, которая живет в том же подъезде, где Сапожниковы. Новость была страшно интересная: выходит, они знакомы с самым настоящим шпионом! Преотлично знакомы, много раз здоровались за руку, разговаривали о том о сем. Отец Сапога был толстый человек, ходивший в белой рубашке и в подтяжках, которые всегда у него почему-то болтались, не надетые на плечи. Он смотрел на Горика черным, не улыбающимся глазом, глупо подмигивал и спрашивал казенным голосом: «Ну-с, что нового на пионерском фронте?» И такой обыкновенный человек с болтающимися подтяжками был германским шпионом! Ни за что не скажешь. Но именно потому, что это было так невероятно, Горик поверил: настоящих шпионов никогда сразу не различишь. Это только в кинофильмах показывают шпионов, которые с первой же минуты бросаются в глаза. Любому дураку из четвертого класса, сидящему в зале, давно все ясно, а на экране разведчики мучаются, ломают головы...

— И по этой причине, — сказал Леня, — Сапожников должен быть исключен из ОИППХа.

— Почему? — удивился Марат, но тут же добавил: — Вообще-то да...

Но Горик это показалось нечестным. Сапог же не виноват в том, что у него папаша шпион. Откуда ему знать? Он же не интересуется отцовскими делами, правда же?

— А знаешь, что говорил мой отец? — сказал Леня, и его лицо при свете свечи стало жестким и скуластым, как у индейца. — Он недавно приезжал в Москву на пленум. Видел Сталина, Ворошилова. И вот он говорит, что сейчас самое труднейшее время, еще труднее, чем война. Потому что кругом враги. Вредители, шпионы, диверсанты, двурушники и так далее. Англия и Франция, говорит, переполнены немецкими шпионами. Почему же, говорит, их у нас не должно быть? Они есть, еще больше, чем там, но их разоблачить трудно, потому что, говорит, они прикрываются партийными билетами и прошлыми заслугами. Вообще очень хитро маскируются, гады.

Он умолк, морща лоб.

— Ну? — спросил Горик.

— Что «ну»? Баранки гну! Если б мы взяли Володьку в пещеру, он бы проболтался отцу, и тот передал все сведения о пещере в германский штаб. А пещеры играют очень важную роль на войне. Ясно вам, лопухи?

«Лопухи» молчали. Все, что Карась сказал, было ясно и мудро, но от этой мудрости делалось вдруг скучно. Игра кончалась. Начиналось что-то другое. Но им не хотелось верить в это. Почти всю свою жизнь, длинную у одного и короткую, несчастную у другого, они не верили в то, что игра кончалась.

Все разделились на два враждующих лагеря: один за Сережкину Валу, другие против Сережкиной Вали. За — бабушка, мама, Женька, дядя Миша, Валерка, домработница Маруся; против — отец, Горик, тетя Дина, сам Сережка, дядя Гриша и его жена Зоя. Все было понятно, кроме одного: почему дядя Миша за? Наверно, только потому, что он неизменно спорил с отцом и особенно с Сережкой. Если они против, значит, он за. Свистопляска началась однажды вечером, когда бабушка пришла с работы очень возбужденная и сказала, что к ней в Секретариат приходила Сережкина Валя, плакала, даже рыдала, жаловалась на Сережку и называла его подлецом. Все это было рассказано за ужином одним взрослым, но Горик, несколько раз забежавший в столовую с учебником по геометрии — как бы спросить у отца насчет одной заковыристой задачки, — хотя и делал вид, что ничего не воображает и ничем не интересуется, кроме геометрии, и хотя бабушка всякий раз понижала голос, когда он вбегал, сумел все отлично понять. Услышанное поразило его. Он никогда не видел, как рыдают, но вид рыдающей Вали мгновенно возник в его воображении. Это было нечто величественное и в то же время пугающее. Главное, что он понял, — Сережка не хочет больше быть женихом Вали и нашел себе другую невесту. Эту другую, по имени Ада, Горик уже видел

раз три, Сережка приводил ее в гости, а однажды все вместе ходили в кино на «Арсен из Марабды», мировую картину про кавказских разбойников.

Ада была гораздо красивее Вали. Во-первых, Валя — в очках, черная, с черными глазами и смуглым, мулатским цветом лица. А если присмотреться, можно заметить у нее маленькие черные усики, какие бывают у ребят из десятого класса. Валя студентка, учится с Сережкой на одном курсе, а Ада художница, работает на киностудии и может доставать билеты на любой фильм без очереди. У Ады светлые, кудрявые волосы, она играет в теннис, весело смеется, любит петь: «Нас утро встречает прохладой». Но некоторые говорят, что Ада не может быть настоящей невестой для Сережки потому, что у нее есть муж, ответственный работник, который живет здесь же в доме, в другом дворе. Но Сережка говорит, что с этим мужем Ада жить не хочет и все равно уйдет от него. Бабушка считает, что нельзя так обманывать человека, то есть Валу, как это сделал Сережка. А отец говорит, что, как бы ни складывались отношения, нельзя приходить по такому поводу в Секретариат.

Как-то пришла Валя и долго сидела в комнате бабушки за портьерой болотного цвета. На другой день появилась Ада и пробыла целый час в кабинете отца, куда забегали то мама, то Сережка, но бабушка проходила мимо дверей кабинета с невозмутимым и гордым лицом, Горик слышал, как она сказала: «Нет, мне там делать нечего!» Потом Валя приходила прощаться. Она уезжала в другой город. Зашла вдруг в детскую — никогда не заходила — и сказала, протянув Горiku руку: «До свидания, Горик! Желаю тебе всего-всего хорошего. Желаю тебе вырасти счастливым и честным человеком». Горик ответил: «Хорошо». Он не знал, что еще сказать, а Валя не уходила. Она сказала: «Помнишь, как мы катались на лыжах на даче?» Он помнил. «И учили Пушкина...» «Ага», — сказал он. Ему сделалось ее жаль потому, что он вспомнил, как отвратительно она каталась на лыжах и плохо запоминала стихи. Губы ее задержались, в глазах заблестело, и Горик испугался, подумав, что сейчас будет рыдать, но Валя кивнула и вышла.

Еще через несколько дней Сережка устроил новую свистопляску. Он кричал на бабушку, ссорился с мамой, выбрасывал свои вещи из комнаты в коридор и бегал куда-то с кожаным чемоданом, набитым книгами, бумагами. Он сказал, что не может жить в доме с людьми, которые его не уважают и не верят ни одному его слову. И — тоже уехал в другой город. Но через два дня вернулся. Стояла душная весна. Зазеленели газоны. В школьном саду знойно пахло землей, свежей масляной краской, которой покрывались скамейки и низкий деревянный заборчик. На переменах разрешалось выходить в сад, а старшеклассникам — на набережную и прогуливаться там вдоль гранитного парапета.

Горик и Марат смотрели на старшеклассников через ограду. Все, кто был ниже девятого класса, не имели права выбегать на уютный, нагретый солнцем асфальт набережной: могли попасть под машину. Горик подошел к воротам и крикнул: «Эй, волосатики! Звонки!» Старшеклассники гурьбой повалили через дорогу, продолжая с важным видом разговаривать. И только войдя во двор, заметили, что никто в школу не торопится. Горик с Маратом бросились наутек, крича: «Обманули дурачка на четыре кулачка!» Один из старшеклассников, здоровенный верзила с разбойничьим, багрово-красным лицом, ринулся за Гориком и Маратом. Те побежали на задний двор, надеясь, что верзила отстанет, побоявшись грязи и луж. Но тот мчался за ними, разбрызгивая лужи и храпя, как лось. Его дружки и девчонки подбадривали разбойника криками: «Лови их! Держи! Ату!» Пробежав задний двор, Горик и Марат юркнули на черную лестницу — слава богу, какой-то добрый человек оставил открытой дверь! — и молнией устремились наверх, на третий этаж. Им чудилось, что верзила бежит следом. Честно говоря, они струхнули: на черной лестнице всегда

темно, безлюдно, и верзила мог беспрепятственно навешать пилюль, никто не услышал бы криков о помощи. На третьем этаже они остановились, едва переводя дыхание. Нет, все было тихо. По-видимому, добравшись до черного хода, багроворожий понял, что его попытка догнать вряд ли увенчается успехом, и прекратил преследование.

Багроворожий оказался братом Ады. Его звали Лева. Их отец был замнаркома, жил в одиннадцатом подъезде. Как-то Ада пришла с этим Левою к Сережке, оба были с теннисными ракетками в чехлах и звали Сережку с собой — ехать на Петровку, на динамовские корты, и Лева, увидев в коридоре Горика, сказал: «Эге, попался!» Больше он ничего не сказал. Горик вышел на балкон и смотрел сверху, как они идут втроем по двору: две светлые головы — Ады и Лева и черная — Сережки. Сережка говорил, что Лева играл в теннис с самим Анри Коше, когда тот приезжал в Москву, и Анри Коше предсказал, что из Лева выйдет толк.

В тот апрельский день с балкона Горик последний раз видел Леву. Накануне майских праздников разнеслась ужасная весть: Лева арестован милицией, над ним и еще четырьмя ребятами будет суд. Они грабили квартиры. Лева украл у своего отца пистолет. И в это дело был замешан Валька, сын Давида Шварца. Вальку не арестовали, как других, но вызывали к следователю и допрашивали. В грабежах он не участвовал, но знал о них и чем-то даже помогал грабителям. У себя в комнате, например, он несколько дней позволил жить одному парню, убежавшему из дома, а Давиду сказал, что этого парня бьет отец, бывший поп, за то, что парень вступил в комсомол. Этот мифический комсомолец оказался чуть ли не главным заводилой в шайке.

Давид Шварц пришел советоваться, что делать с Валькой.

Все сидели в столовой, кроме Жени, которая, болея ангиной, лежала в изоляции в бабушкиной комнате. Бабушка гневалась особенно сильно, но обрушивалась почему-то на Сережку:

— Я тебе говорила, что мне не нравится вся семья! Ты со мной спорил. Теперь видишь, какое разложение...

— При чем семья? Его отец — уважаемый человек. Работал, кстати, с Орджоникидзе. Вот домой он приходил только ночью, это да, такая работа. Ада тоже порядочная, честная женщина, но она, как ты знаешь, не может воспитывать брата, потому что замужем и живет отдельно...

— Порядочная женщина не станет, будучи замужем...

— Это, по-моему, не касается! — багровел Сергей.

— Нет, касается. Это касается морали всех, всей семьи.

— О чем ты говоришь? Какой вздор! — кипятился Сергей. — А Анна Каренина? Постыдись!

— Сережа, ты не отмахивайся, в чем-то мама права, — рассудительно говорила мать Горика. — Почему такое случилось именно в той семье? Я не могу, например, представить себе, чтобы ты или Горик выкрали из стола Николая Григорьевича пистолет и пошли бы грабить квартиры. Возможно это? По-моему, невозможно. И так же не могу себе представить, как можно, разлюбив человека, изменять ему, продолжать жить с ним в квартире, встречаться ежедневно...

— А что она должна делать?

— Уйти.

— Куда?

— К человеку, которого любит, очевидно.

— В шестиметровую комнату? У нее холсты, рамы, мольберт — где все это поместится? И вообще демагогия: ни ты, ни мама не хотите, чтобы Ада сюда пришла. Для вас это кошмарный сон. И она это чувствует. Зачем говорить зря?

— Хорошо, пусть не сюда, пусть уйдет к отцу, — не сдавалась мать Горика. — У него достаточно большая квартира, найдется место для дочери.

— Вот именно! Да, да, — кивала бабушка. —

У меня тоже не укладывается... Такая беспринципность, такой цинизм...

— Как же вы, черт вас возьми, легко решаете чужие проблемы? А если она не может вернуться к отцу? Если так сложились отношения с мачехой? Что тогда? Прыгать с Каменного моста? Пулю в лоб?

Горик сидел и слушал с огромным интересом. О нем забыли. И он старался ни звуком, ни малейшим шевелением тела не обращать на себя внимания. Бабушка упорно гнула свое: «Я что хочу сказать: эта семья мне неприятна. Я знаю их отца, он очень мало принципиальный человек: то, подписывает какие-то платформы, то с такой же легкостью отказывается. Таким людям, знаете ли, веры нет...» «Ну и что — подписывал платформы? Какая аморальность! Значит, имел свое мнение, пусть ошибочное». «Мы с Николаем Григорьевичем почему-то так не ошибались: против партии, против генеральной линии. Мы ошибались вместе с партией, может быть...»

— Допустим! Ну, хорошо! — закричал Сережка, вскакивая на ноги. Его лицо вдруг покраснело у глаз пятнами, и это означало, что он не владеет собой. — Вот сидит Давид Александрович Шварц — так? Уважаемый всеми нами и, кроме нас, еще сотнями, тысячами людей. Так? А что случилось с Валентином? Значит, мы должны Валькины грехи объяснить какими-то, ну... свойствами Давида Александровича? Так, что ли?

— Объясните, пожалуйста, — прохрипел Шварц. — И будет неглупо.

Он сидел на диване, отдуваясь, храпя, и поворачивал свои выпуклые, налитые усталостью, в желтоватых белках глаза то к одному, то к другому. Скорей всего он не слушал, что говорили, а размышлял. Смотреть на него было забавно. Вдруг на его толстых губах надувались пузыри, он начинал ковырять пальцем в носу, делал это сосредоточенно, у всех на виду.

Бабушка сказала, что самое разумное отдать Вальку в лесную школу. Отец Горика присвистнул: «Вот тебе на! А кто же ругал Ваню Снякина за то, что тот отдал сына в лесную?» «Не путай, Николай Григорьевич! Я знаю, что говорю», — отрезала бабушка. И обещала поговорить со своей подругой Бертой, страшенькой бородатой старухой, неимоверной курльщицей, которая работала в Наркомпросе как раз по лесным школам. «У Снякиных были все условия воспитывать мальчишку дома», — сказала бабушка строго. — Но его жена слишком любила комфорт и легкую жизнь. Сейчас, правда, она живет без всякого комфорта где-то на севере. Я, конечно, не злораднуюсь, наоборот, сочувствую ей. А у Давида таких условий нет и не было». Вопрос о лесной школе был решен. Мама, любившая все рационализировать, тут же предложила устроить Вальку в Шабановскую лесную школу, потому что в Шабанове, в музее композитора, работает тетя Дина и она могла бы наведать Вальку, а он мог бы приходить к ней в гости.

Давид Шварц кивал, соглашаясь со всеми, а потом сказал: «Это хороший план. Не знаю только, согласится ли он». Все возмутились этой фразой. Николай Григорьевич требовал, чтобы Вальку прислали к нему, и он с ним крепко поговорит, а бабушка твердила: «Вот результаты твоей политики!» Но Давид Шварц сказал, что, если б Валька был его родным сыном, он поступил бы с ним по всей строгости, а так — он обязан его жалеть. Тогда мама раздраженно сказала:

— Горик, ты что тут сидишь? Марш спать немедленно!

Уходя, Горик слышал, как Сережка сказал неестественным, нахальным голосом: «Почему ж так? Можно и наоборот — пожестче. Тоже есть своя логика». После этого было молчание. Может, они принялись все одновременно пить чай или есть конфеты. Но, уйдя уже далеко по коридору, Горик продолжал ощущать странную неуклюжесть этого молчания. Он думал об этом молчании, сидя в уборной, потом в ванной комнате, и после ванной, и когда ложился спать. Ему было немного стыдно за Сережку, за его нахальный голос и за что-то

еще, чего определить в точности не удавалось. Горик переключался с боку на бок и долго не мог заснуть.

Сережка был такой же не родной сын для бабушки, как Валька для Шварца. Только Давид Шварц взял Вальку из детского дома недавно, лет семь назад, а бабушка взяла Сережку после гражданской войны, во время голода, когда Сережке было пять лет. Он по-русски не говорил, потому что чуваш и родился на Волге в чувашской деревне. Но никто, конечно, — ни бабушка, ни мама, ни дядя Гриша, ни отец, ни Горик и ни Женька — не показывали виду, что Сережка не родной сын бабушки. Горик даже не знал об этом много лет. Мама рассказала только в прошлом году. И вот недавно, когда Горик за что-то обозлился на Сережку и поругался с ним, назвав его «длинным дураком», мама сказала, чтобы он никогда не смел ругать Сережку и говорить ему грубости. «А если он первый?» — спросил Горик. «Ты все равно должен сдержаться и промолчать».

Поздним вечером Сергей надел костюм, взял на руку плащ, сунул в карман коробку «Герцеговины Флор» — эти папиросы он почти не тратил, берег для торжественных случаев — и заглянул в столовую, чтобы сказать: «Ну, пока! Пойду пройду перед сном». За чайным столом еще сидели Давид Александрович и бабушка. Они взглянули на него как будто из глубокого сна. Разумеется, Анна Генриховна, мать Сергея, которую он, как и все в доме, называл бабушкой и даже по-гориковски «бабишкой», никогда не требовала отчета, куда, с кем, надолго ли. Но сейчас, когда он произнес в двенадцатом часу ночи свое «пока», она посмотрела на него отчужденно. Кажется, даже не поняла, что он уходит. Но Лиза, наткнувшись на него в большом коридоре, все сообразила, и лицо ее кисло и слабо скривилось. Она вздохнула: «Ой, Сережа...» — на что Сергей отрывисто пробормотал: «Скоро приду! Но дверь закройте на один замок...»

Было тепло. Какие-то люди с горящими угольками папирос стояли кружком на асфальте перед подъездом и разговаривали вполголоса. Доносились слова: «Но здесь она не подражаема...» «Где?» «В «Лебедином». «Ах, в «Лебедином» — я же не спорю, я говорю о...» Уходя по асфальтированной дорожке от этой кучки людей, дымивших папиросами перед сном и рассуждавших о балете, Сергей думал: это всевозвезд или понорошк? Слишком много людей делают вид, что увлечены чепухой. Половина ребят на курсе бредят футболом. Только и слышишь: Ильин, Старостин, беки, хавбеки. Другие помешались на шахматах. Чертят таблицы, дуются даже на лекциях. Как считаешь, кто победит в отложенной: Левенфиш или Юдович? Так и хотелось сказать дураку: милый, я тоже играю в шахматы, но не притворяюсь, что мне так уж безумно важно знать, кто победит — Левенфиш или Юдович. Кто победит: республика или фашисты? Мейерхольд или Керженцев? Это коснется тебя лично, дурака, это проедет по твоей жизни, а в шахматы будешь играть в раю. Вот что хотел сказать Сергей, но не сказал вчера, когда один человек подсел к нему после общефакультетского собрания, на котором громили профессора Успенского как «троцкиста и идеологического диверсанта», и спросил: «Как считаешь, кто победит в отложенной, Левенфиш или Юдович?» Он посмотрел в пустые заячьи глаза под очками и, мгновение помолчав, сказал: «Я считаю вообще-то, что у Левенфиша шансов побольше». И воспоминание об этом миге молчания, о том, что он сказал и чего не сказал, гнало его, гнало по асфальту за угол, в другой двор, к угловому подъезду.

Всегда, когда он подходил к этому подъезду, его томил ерундовый и глупый страхок: перед вахтером. Перед его равнодушно-зорким взглядом и возможным вопросом. К счастью, в этом же подъезде на седьмом этаже — Ада жила на четвертом — жил товарищ школьных лет Борис Володичев, сейчас студент юридического института. С Борисом он почти не встречался, взаимные интересы иссякли, но можно было бы на вопрос «куда?» ответить — к нему. Еще ни разу не спрашивали, потому

что вахтеры попадались знакомые, помнившие Сергея по временам, когда он действительно ходил в гости к Борису. Сергей предупредительно здоровался, и вахтеры, кивая в ответ, ленились задавать лишние, но полагающиеся по инструкции вопросы. Жители дома относились к вахтерам с привычной опасливостью, как относятся, например, к железным ящикам с надписью «Осторожно! Ток высокого напряжения!». Бояться не боялись, но подолгу задерживаться вблизи избегали. Сергей, конечно, на это плевал, но тут была замешана женщина.

Он отвалил на себя тяжелую дверь, и нехорошее предчувствие заколотилось в сердце. Очень уж поздно, половина двенадцатого. Так и есть: вахтер новый. Сергей сказал «здравствуйте», в два скачка миновал первую лестницу и шагнул налево, к лифту. Вахтер остановил его снизу властным голосом: «Гражданин! К кому?» Еще никогда, ни в одном подъезде его так не окликали... Сергей посмотрел внимательней: молодой толстяк, хорошо выбритый, с пухлыми, сочными губами. Лицо показало Сергею напудренным, а взгляд темных маленьких глаз под темными бровями каким-то театрально-пристальным. Такому хорошо бы выйти на сцену и запеть тенором: «Ой, Галына, ой, дивчина...» Зачем-то улыбаясь, Сергей сказал:

— К Володичеву.

— А не поздно? — спросил вахтер, поворачиваясь и идя к телефону, висящему на стене. При этом толстяк зевал, нежно похлопывая ладонью по разинутому рту.

Эта необычная фамильярность тона и исполненные достоинства движения обнаруживали человека, знающего себе цену.

«Этот все будет делать по инструкции, — подумал Сергей. — А если Борьки нет дома?» Вахтер набрал номер и долго молчал. Видно, там уже легли спать. Сергей лихорадочно придумывал: что сказать Борьке?

— К вам тут гражданин... — Вахтер вопросительно и малопочтительно чуть поднял к Сергею подбородок. — Как?

— Вирский.

— Вирский. — Вахтер помолчал, потом повесил трубку.

Он ничего не сказал Сергею, не посмотрел на него, а просто молча направился от телефона к своему стулу, на котором лежала круглая, зеленого цвета, плоская байковая подушечка. Сергей открыл лифт и нажал кнопку седьмого этажа. Дверь в квартиру Володичевых была открыта. На пороге стояла мать Бориса в халате, как видно, со сна, с пятнами белой, нездоровой, мятой кожи вокруг глаз-бурлачиков, которыми она сверлила Сергея. Володичева не произносила ни слова, но всем своим ошарашенным видом кричала: «Что? Говори! Но если что-нибудь страшное, ты не должен был, не смел...» Сергей поспешно объяснил, что пришел к Борису по незначительному, но абсолютно неотложному делу. Когда-то он давал Борису книгу «Мастера искусства об искусстве», том первый, но завтра эта книга ему понадобится для семинара. Бориса дома не было, он еще не вернулся из института с праздничного вечера. Пошли к нему в комнату, рылись в шкафах, нашли книгу, потом Володичева, благодумствуя, расспрашивала про бабушку: они работали вместе в Секретариате. О бабушке Володичева всегда говорила с великим почтением. И бабушка о Володичевой отзывалась тоже с похвалой: особенно о ее безудержном трудолюбии и непомерной добросовестности. Сергей слышал такие выражения: «Мария Степановна у нас двужильная!», «Марию Степановну никто не пересидит!». Это означало, что Володичева могла свободно высиживать на работе до двенадцати, до часу и до трех ночи. Наконец, Сергей выпутался из расспросов Володичевой — о Николае Григорьевиче, Лизе, ее детях, планах на лето, здоровье Давида Шварца, которого Володичева, по ее словам, «безумно уважала», — и вырвался на лестничный простор. Часы показывали без пяти двенадцать. Сергей спустился на три этажа ниже и позвонил в квартиру, находившуюся как раз под квартирой Володичевых.

Ада открыла сразу. Знакомый, раздражаю-

щий запах мастики: в этой квартире всегда сияли полы. Ада терла паркет сама, ежедневно — даже теперь, когда жизнь треснула поперек, все нарушилось, перестал готовиться обед, ушла домработница. Но коридор сиял. Ада прыгала, наслаждаясь, не хуже полотера по утрам — ради зарядки, а после еды — чтоб не толстеть. Квартира была редкая для этого дома, маленькая, из двух комнат. И жили в ней двое: Ада и Воловик. Ада говорила, что с Воловиком все кончено, но Сергей не мог поверить этому в глубине души, хотя говорил ей, что верит. Воловик читал лекции в институте, где Сергей учился. Он был редактором философского журнала, шел в гору. И этот невзрачный, с темным лицом язвенника, пятидесятилетний задохлик имел права на Аду, молодую, таинственную, как Настасья Филипповна из романа «Идиот» Достоевского. Она могла быть его дочерью, но он сделал ее женой, обольтив насмешливым и желчным умом, громадной памятью, умением идти в гору и своим нерастроченным пылом, законсервированным в силу многих причин. До тридцати лет Воловику было недосуг интересоваться женщинами: жил идеями, нелегальщиной, борьбой, после тридцати женщины утратили к нему интерес, ибо он слишком истощил себя в борьбе, и только теперь, когда превратился в задохлика, решил вскрыть грубым консервным ножом эту банку. И густое зловоние потекло оттуда. Ничего нельзя хранить бесконечно.

Не было человека в мире, не считая Гитлера и еще некоторых политических деятелей, которого Сергей ненавидел бы более, чем Воловика.

Он не спрашивал Аду, но почему-то был убежден, что Воловик поставил ее в безвыходное положение, одурманил хитростью, загнал в капкан. Было так: прошлым летом на Николиной Горе, куда Сергей ездил погостить к приятелю, он познакомился с Адой на волейбольной площадке. Потом осенью пришел к Воловику сдавать зачет: того раздуло флюсом, он сидел дома, как старая баба, повязавшись шерстяным платком. И — увидел Аду. Потом они пошли в консерваторию на «Орфея и Эвридику». Потом встречались во дворе, гуляли по набережной до Стрелки и обратно. Все истинное началось недавно. Воловик пропал до ночи на совещаниях, конференциях, его фамилия мелькала в отчетах, он громил, разоблачал, давал по рукам. Это было, может быть, подлостью, но когда Сергей, обнимая Аду, вспоминал вдруг воловиковские фразочки, он испытывал торжество.

Он пытался разгадать: что соединило этих разных людей? И что так внезапно отбросило друг от друга? Видимо, было общее, какие-то струны звучали в унисон, но было и что-то непреодолимо чужое. Этим общим, по догадке Сергея, была чувственность, поспешная и ранняя — Ады, запоздалая, ожесточившаяся — лысого сатира. И еще: насмешливость ко всему, что окружало, к людям, словам, вещам. А чужим была суть того и другой, которая постепенно очищалась и, наконец, к исходу четвертого года вышла наружу: сутью одного была подделка, вранье, сутью другой — природа, истинность. Так казалось Сергею, и ему страстно хотелось, чтобы это было правдой.

— Идем пить чай. Хочешь чаю? — Не дожидаясь ответа, она вела его за руку по коридорчику на кухню. — Садись!

Он сел к столу. Смотрел на ее чуть выгнутую, сильную спину с круглыми боками, спину неутомимой волейболистки, пока она возилась у газовой плиты, чиркала спичками, полоскала чайник. Все ее движения были упруги, полны тайной силы. Она возилась как-то слишком долго, молча, стоя к нему спиной, и он не видел ее лица, тревога вдруг овладела им. Он сказал, что договорился со своим другом, который живет на Дмитровке, и в июне можно переехать в его квартиру, на все лето.

— Сергей, я не могу оставить Зиновия Борисовича, — сказала Ада, повернувшись к нему. И он увидел в ее глазах что-то жалкое, понял, что она говорит правду. — Сейчас не могу...

Ошеломленный, он молчал мгновение, потом рванул к двери.

— Подожди! Я хочу... объяснить тебе... Сережа!

— Зачем? Прощай! Я вижу — ты действи-

тельно не можешь. А почему — это не так важно.

Но она сильной рукой оттянула его от двери. Он снова сел в угол на табуретку. У него не было сил ни слушать, ни спрашивать. Она сказала, что все изменилось за последние несколько дней: Воловику грозят крупные неприятности. Арестованы два члена редколлегии и его заместитель в журнале. Три дня назад было отчетно-перевыборное собрание сотрудников журнала, где Воловика топтали его друзья, никто не заступился, никто не опроверг диких обвинений. Во вчерашнем номере «Известий» есть заметка об этом собрании. «Неужели не читал?» «Нет». Ада пошла в комнату за газетой.

«Она его любит? — ужаснулся Сергей. — Этого пустозвона, эту жулябию?.. Но ведь столько было сказано о том, как он ей ненавистен, как непереносимы его прикосновения. Я не могу с ней расстаться, не могу, не могу!»

— Уйти от него сейчас — низко... Это все равно, что... — Она бросила на стол газету. — Я думала, что нападки на него связаны, может быть, со мной, с этой Левиной историей, но он говорит — это не имеет значения. Он сказал, что уголовщина — прекрасное, чистое дело, он с радостью украл бы у кого-нибудь бумажник и сел в тюрьму. Переждать, как он говорит, полгодика. А когда уезжал вчера на Николину Гору, вдруг сказал: «Запомни, единственное, что я любил в жизни, это ты...»

Сергей, с трудом вникая, читал газетную заметку на последней полосе. «Выступавшие товарищи на ряде примеров показали, как притупление бдительности и отсутствие самокритики облегчает врагам народа их подлую деятельность. Так, разоблаченный в настоящее время троцкистский вредитель, бывший заместитель главного редактора...»

— А зачем он поехал на Николину Гору? — спросил Сергей.

— Там на даче есть какие-то документы, которые могут понадобиться. Что-то подтверждающее его работу в годы гражданской войны. И потом — надо попасть к Александру Васильевичу, наши дачи рядом. Александр Васильевич к нему всегда относился хорошо.

— Почему-то я за него не волнуюсь, — сказал Сергей, неприятно задетый словами Ады «надо попасть» и «наши дачи». Она говорила, как единомышленница Воловика. Раньше она всегда отделяла себя от него. Сострадание? Для такой, как Ада, это почти любовь. Не дай бог с ним что-то случится, тогда она будет потеряна навсегда, свихнется от сострадания. Он ловил в скачущих газетных столбцах строчку...

Вот: «еще несколько лет назад выпустил книгу, кишашую антимарксистскими положениями. Никакой критике эта стряпня не подвергалась. Мало того, главный редактор журнала Воловик считал возможным держать замаскированного врага на должности своего заместителя. Большевикский метод подбора кадров сплошь и рядом подменялся «принципом» дедачества и семейственности. Только этим можно объяснить, что такие заклятые враги народа, как Смирнов и Урбанович, представляющие собой полное ничтожество в научном отношении... Идиотская болезнь — беспечность привела к тому, что в 1936 году журнал поместил статью о борьбе т. Сталина за диалектический материализм, написанную врагом народа... С настороженным вниманием была заслушана речь Воловика, выступавшего дважды по требованию актива... Беспринципное, лишенное истинной самокритики и путаное выступление главного редактора не удовлетворило... откат на позиции меньшевистского идеализма... в условиях отрыва теории от практики... решительно положить конец, выкурить изо всех нор».

— Какой-то бред, ничего не понятно... — Сергей стискивал ладонями виски. Внезапно заболела голова, как бывало в минуты сильного мозгового напряжения, но как ни напрягался, ничего не мог понять. — Ведь он им нужен... Зачем же это делается?

Ада смотрела в окно. По ее остановившемуся взгляду он понял, что она не слышит. Увидел, что она объята состраданием, мощным и всепожирающим, как тяжелое опьянение, как боль всего тела, бывающая при болезнях сердца, почувствовал зависть к Воловику и с утроенной силой — ненависть к нему. Рань-

ше он завидовал ему и ненавидел его только за то, что он и Ада спали на одном диване, что их подушки лежали рядом, что он видел ее по утрам в халате и без халата, и за то, что Воловик был ее первым мужчиной. Но теперь его мука от всех этих ощущений громадно усилилась, ибо он почувствовал боль ее души, причиненную другим. И, странно, его собственное чувство любви тоже громадно и необъяснимо усилилось, просто толкнуло к ней: обнять, успокоить.

— Родная моя, ну что ты? Все обойдется... У него заслуги... — И, успокаивая ее, стал рассказывать, как Воловик выступал на общеполитическом собрании, как он громил и клеймил, невзирая на авторитеты, в точности как требовалось «критиковать, невзирая на лица и переживания этих лиц». С каким страхом обращался к нему директор, а представитель МК несколько раз в своем выступлении повторил: «Как указывал здесь товарищ Воловик». Так что, по мнению Сергея, бояться не следовало. Он-то как раз должен быть в порядке. Он из тех, кто бьет, но не из тех, кого бьют. Если ему и досталось слегка, то это недоразумение, которое непременно будет исправлено. Сейчас такое время. Даже разумные люди поддаются психозу — вот, например... И он рассказал, какой вздор молот один его приятель, студент, казалось, неглупый малый, но, как выяснилось, большой дурак.

Ада успокоилась и заговорила о том, что происходит на студии. Она рассказывала почти со смехом, потому что на студии тоже творилась какая-то ерунда. Одного оператора, старика, обвинили в подрывной деятельности за то, что он неудачно снял кадр посещения строительства канала Москва — Волга: один из кадров был испорчен, лицо затемняла тень дерева. Этот кадр оператор, он же режиссер ленты, сам забраковал и не вставил в сюжет, но кто-то вытащил пленку из корзины — а вся такая пленка, малейшие обрезки ее должны учитываться, их нельзя уничтожать, — и завертел дело. В многотиражке появилась заметка «Наглая выходка врага». Бедный старик не знает, как спастись, даже бросился за помощью к Аде: хотел, чтоб Воловик позвонил директору или парторгу студии, но Воловик отказался. С Воловиком происходит что-то неясное. Какие-то колесики побежали в обратную сторону. Это началось с марта. Он перестал понимать юмор. Он весь как-то перекопсился, переменял мнение обо всем, обо всех. Давида Шварца раньше очень уважал, заказывал ему статьи для журнала, добивался этих статей, а теперь иначе, как «ханжа» или «старый путаник», не называет. С отцом Ады, которого он тоже уважал и даже любил, недавно вдребезги разругался. А на днях пришел в гости старый его товарищ по ИКП, милейший человек, сейчас он инвалид, тяжелый сердечник, который позволил себе безобидно пошутить о Сталине. И вдруг Воловик стал на него орать: «Не смейте в моем доме! Я не желаю слушать!» Тот человек встал и, не прощаясь, ушел. Ночью Воловик не мог спать, стонал, терзался.

— Он слабый, — говорила Ада. — И это самое опасное. Он может признать все, что угодно, подпишет любое обвинение и — погибнет...

— Не погибнет он. Я тебя уверяю: не погибнет, — говорил Сергей. — И в воде он не потонет, и в огне не сгорит.

На самом-то деле он не был так уж уверен в том, что у Воловика обойдется.

— Он погибнет, — сказала Ада. — Я чувствую...

— Ну и шут с ним! — вдруг взорвался Сергей и схватил ее за руки. — Что ж, если он погибнет — нам тоже погибать? Да или нет?

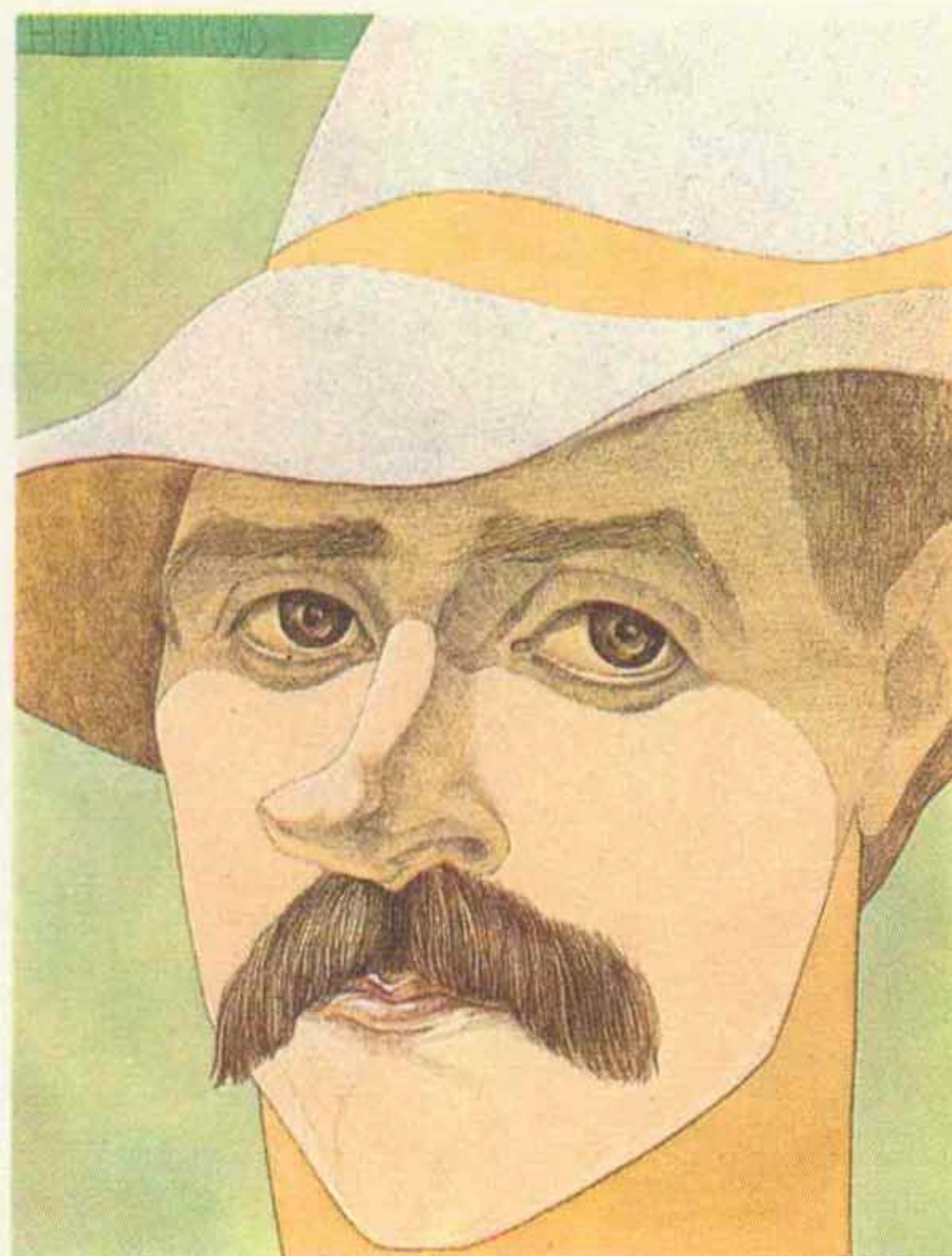
Она молчала. Он повторил: «Да или нет? Отвечай!» Она сказала: «Не надо меня ни о чем спрашивать».

Потом они пошли в комнату Ады и больше не говорили, потому что все было ясно, ничего сделать было нельзя и расстаться тоже было нельзя. Перед тем как лечь, Ада распахнула окно. Тепло ночи с шарканьем чьих-то ног по асфальту вошло в комнату. Они стали забывать о том, что их только что волновало. Забывали с трудом, постепенно, но потом сами не заметили, как забывание стало полным, окончательным, навсегда, затемняющим сознание, душным, как ночь. И они заснули.

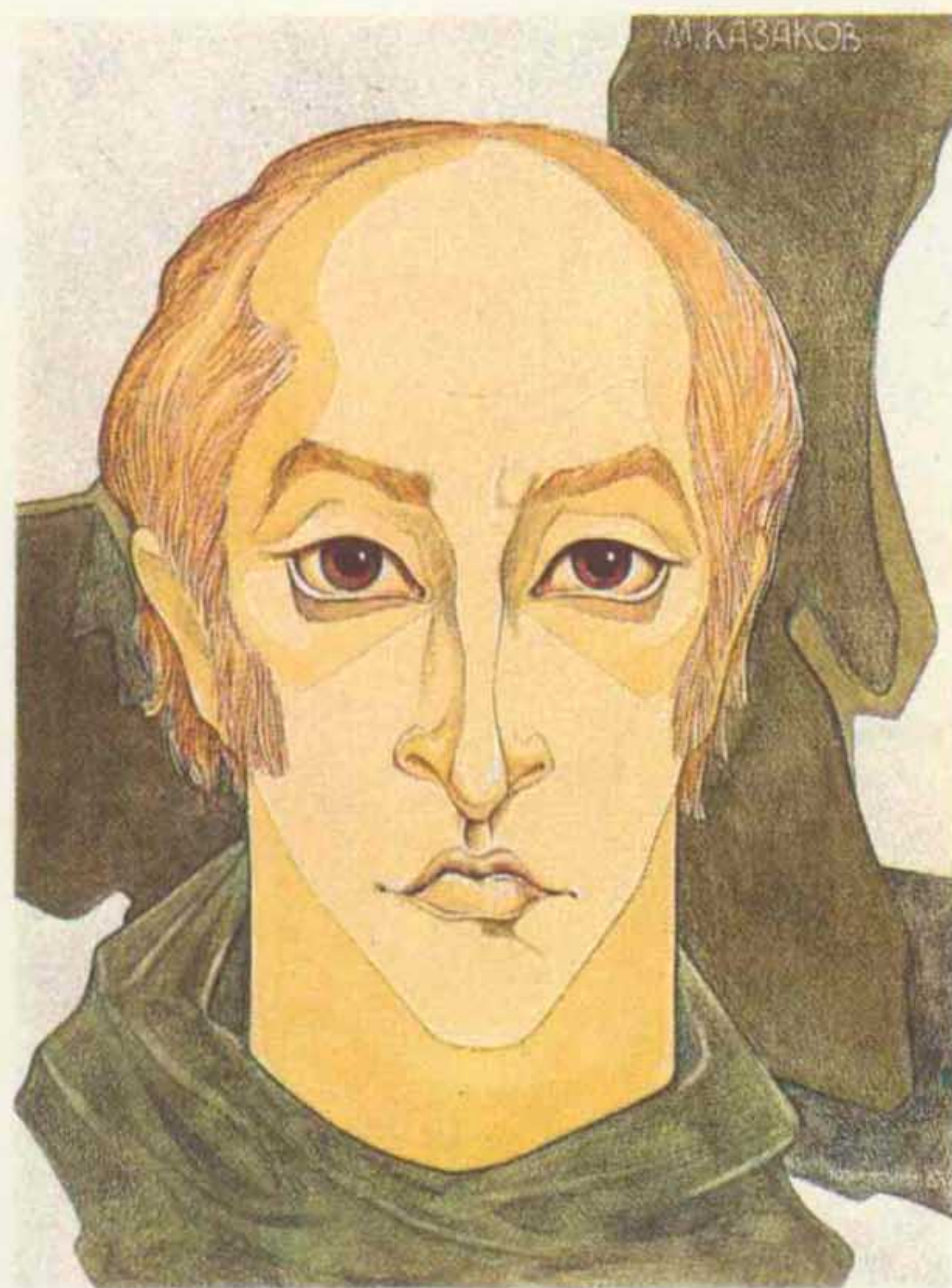

Т. Назаренко. ЦВЕТЫ. 1982.

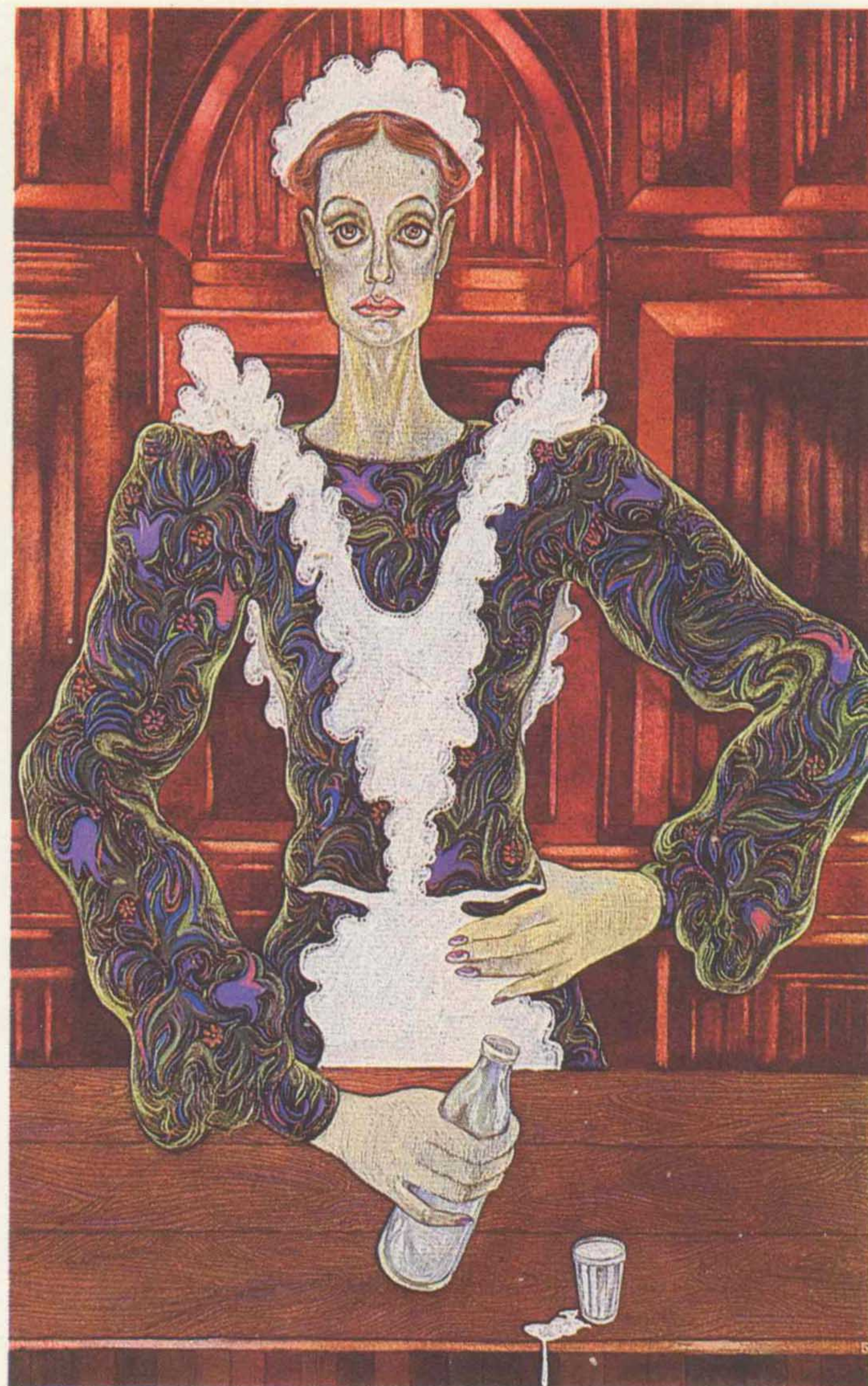
Такие знакомые лица...

НИКИТА
МИХАЛКОВ

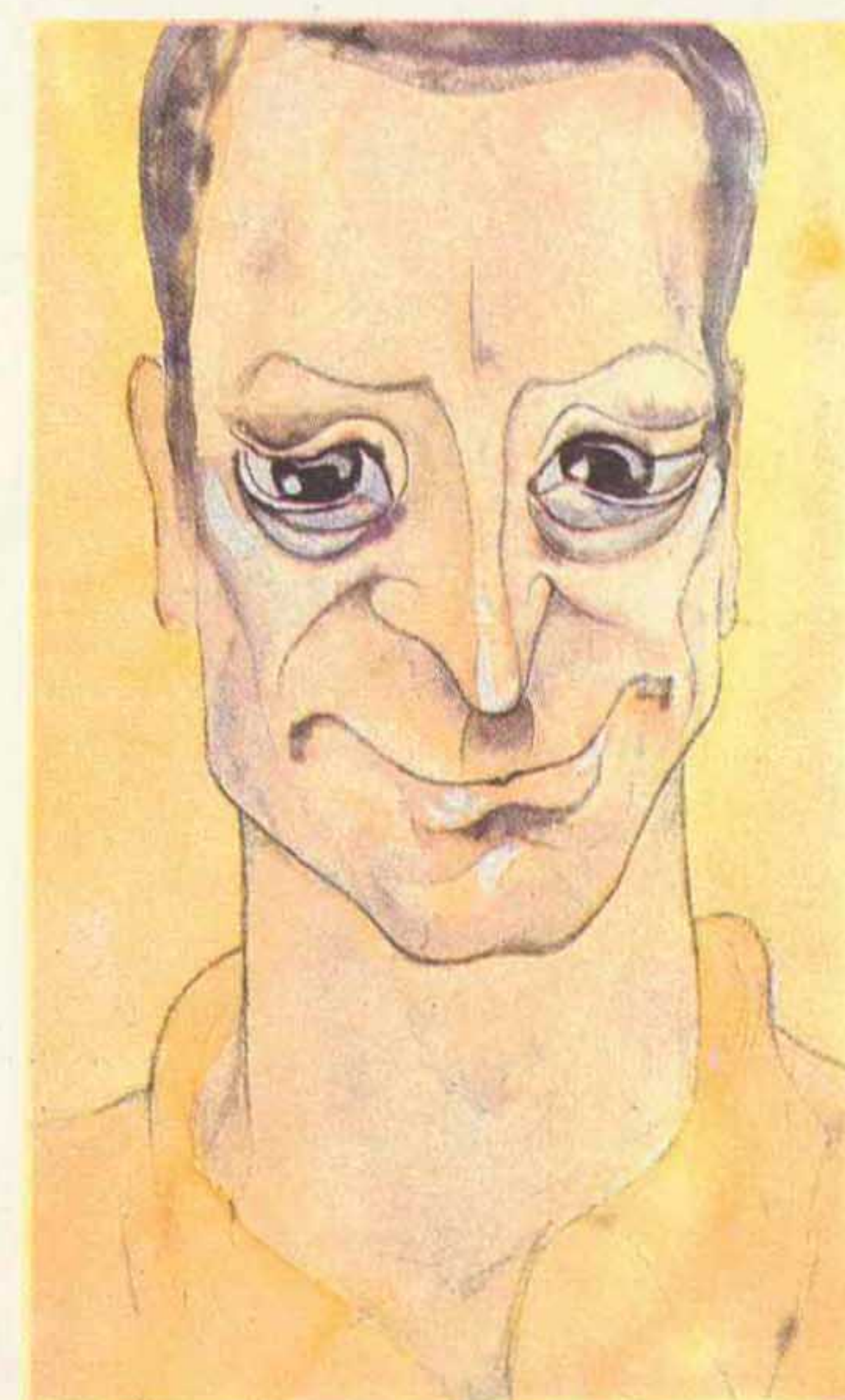

МИХАИЛ
КОЗАКОВ

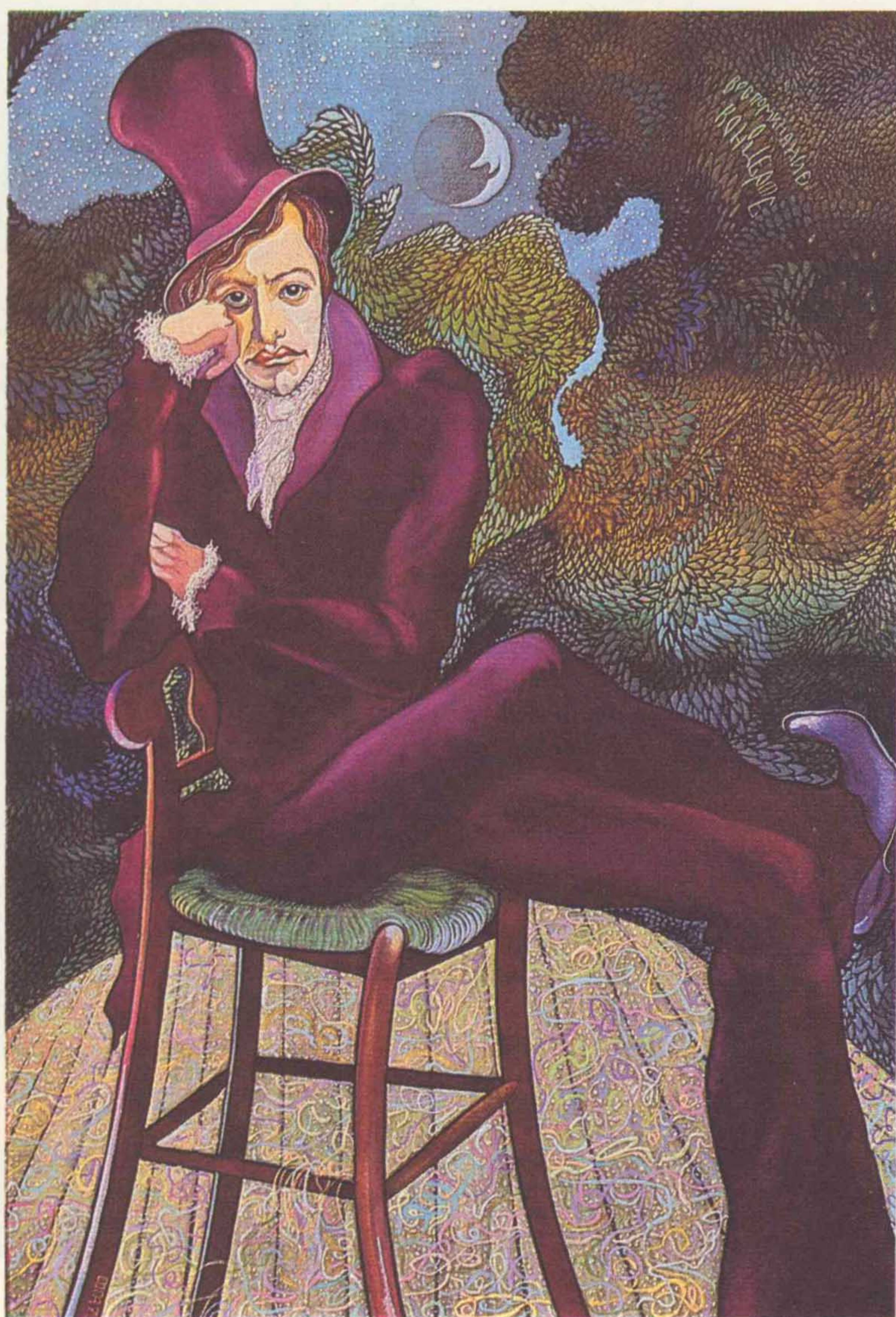

ИННА
ЧУРИКОВА

АНДРЕЙ
МИРОНОВ

ВАЛЕНТИН
ГАФТ

ТАТЬЯНА
ДОГИЛЕВА

Однажды мы пригласили его в редакцию, и он показал такие интересные, на наш взгляд, работы, что мы решили познакомить с ними читателей.

О ЛЮБВИ К РИСОВАНИЮ

Юрий БОГАТЫРЕВ

Антеры, которые рисуют, встречаются не так уж часто, хотя история театра знает примеры... Почему вы рисуете?

— Для меня рисование — средство выразить свое отношение к тому или иному человеку, персонажу, литературному произведению, показать, как я его воспринимаю, чувствую. Я никогда не пишу больших холстов, маслом, мои инструменты — коробка акварели, белила, гуашь и лист небольшого формата, и этого мне вполне хватает. Чтобы по-настоящему заниматься живописью, надо посвятить этому всю жизнь, целиком. Поэтому я никогда не стану профессиональным художником. Для меня рисование — увлечение, которое появилось в моей жизни очень давно и к которому я отношусь достаточно серьезно. «Заразился» я этим еще в школе, в четвертом классе, и причиной тому был мой учитель рисования Владимир Ильич Тарасов — я дружу с ним по сей день. Он так интересно рассказывал о своем предмете, с такой любовью водил нас по музеям, что я страстно увлекся живописью. Она даже стала серьезной соперницей другого увлечения — театром (я уже тогда хотел стать актером), и всерьез появилась дилемма: кем все-таки быть?

Однажды победила живопись. Когда перешел в девятый класс, созрело решение — я должен стать художником. Покинув школу, поступил в художественно-промышленное училище на коврово-ткацкое отделение. Конечно, я организовал там драматическую студию. Мне все больше хотелось стать актером... Закончилось тем, что вместо положенных пяти лет я проучился только три года, и театр победил окончательно.

Со сценой я связан вот уже около двадцати лет, но мое увлечение живописью не угасает. Вероятно, это все же больше, чем увлечение, — я не переставал рисовать ни на неделю.

Я люблю рисовать тех, кто рядом со мной,
с кем работаю в кино, театре.

В пору своего студенчества я жил у Кости Райкина, с которым мы учились на одном курсе. Вообще-то я жил под Москвой, репетиции в училище имени Шукина заканчивались поздно, и родители Кости, находившиеся все время на гастролях, пригласили меня пожить у них и заодно присмотреть за сыном: Костю считали тогда совсем маленьким. Итак, я жил у Кости и, конечно, рисовал. Однажды я нарисовал картину, на которой изобразил мужичка с бородой, очень тщедадного, и рядом — девушку, очень розовую и очень полную. Эту картину мы с Костей повесили на стену.

Помню, Аркадий Исаакович, зайдя посмотреть, как живут студенты, увидел ее. Подошел и долго, с серьезным лицом, разглядывал. А у Аркадия Исааковича есть интерес-

ная особенность: его реакции всегда неожиданны, никогда по тому, как он смотрит, не угадаешь, что скажет. И вдруг Райкин произнес: «Наверное, неправильный обмен веществ...»

В пору занятий в Щукинском я выступал в качестве оформителя спектаклей. Наш ректор Борис Евгеньевич Захава даже заключал со мной как с художником трудовые соглашения.

— Среди ваших рисунков много шаржей. Как относятся к ним сами «модели»?

— Я редко их показываю, но те, кто все же видит, относятся, как правило, доброжелательно. Впрочем, однажды... Одной я сделал шарж на Гафта.

Мы с ним, когда я работал в театре «Современник», выпускали газету, он был литературным редактором, а я художественным. И вот однажды я сделал газету без него.

Гафт пришел, увидел новый номер, обрадовался. Стал его изучать, посмеялся над своими эпиграммами и тут наверху увидел... себя, Валентина Иосифович сразу помрачнел и сказал: «Ну, ладно. По-моему, уже все всё прочитали, пора снимать». Видимо, мой шарж не очень понравился. Правда, злой эпиграммы в мой адрес не последовало...

Да на меня и не обижаются обычно: мои шаржи не злые, я никогда не рисую человека, который мне несимпатичен, я делаю шаржи на людей, к которым хорошо отношусь, интересных мне по человеческим, творческим качествам. Рисуя, пытаюсь проникнуть в их суть...

Я часто утрирую, но всегда рисую реалистично. И вообще я сторонник в живописи реалистического направления, ведь я актер, а это искусство настолько конкретно, реально...

— Есть ли взаимосвязь между вашими рисунками и работой над образами? Влияет ли увлечение на профессию?

— В воспоминаниях Бориса Ливанова есть эпизод, где рассказывается, как он работал над своим знаменитым Соленым из «Трех сестер». В процессе репетиций Станиславский попросил Ливанова нарисовать, как он представляет Соленого,— Ливанов рисовал виртуозно. Борис Николаевич сделал набросок. Станиславский посмотрел и сказал: «Ага, теперь понимаю. Тогда правильно». У Ливанова взаимосвязь между рисунком и образом была неразрывной, через рисунок он постигал характер, проникал в него и наоборот. Я своих персонажей не рисую. Их облик складывается у меня в голове. И уже потом (я всегда в хороших отношениях с гримерами, мы понимаем и дополняем друг друга), в гримуборной, рассказываю, как бы хотел, чтобы мой персонаж выглядел, как его представляю. Так было всегда, во всех моих работах и в театре, и в кино. Обычно мои пожелания реализовывались.

Беседу вела Мария ДЕМЕНТЬЕВА
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

НАЙТИ СВОЮ ЗВЕЗДУ

ΣΕ ΟΛΟΥΣ
ΤΟΥΣ ΑΝΑΓΝΩΣΤΕΣ
ΤΟΥ ΟΓΟΗΚ
ΕΥΧΟΜΑΙ
ΧΡΟΝΙΑ ΠΟΛΛΑ
ΕΥΧΑΡΙΣΤΟ

«Дебютом
после антракта»
назвали газеты
выступления
знаменитого певца из Греции
Демиса РУССОСА
в Москве
и Ленинграде.
Он с удовольствием
ответил на вопросы
«Огонька».

— Какие чувства возникли у вас, Демис, на советской земле, где вас так долго ждали?

— Я дано и с нетерпением ждал этой встречи. Чувства? Они меня переполнили, захлестнули. Как если бы любой из вас приехал в Афины и на улицах повстречал давних приятелей. В прошлом я пережил период упоения славой, главное сейчас, мне кажется, отвечать взаимностью на проявления симпатий к тебе. Конечно же, не только в течение двух часов со сцены.

— Пребывание в нашей стране внесет лепту в дальнейшее творчество?

— Конечно! Россию и Грецию роднит многое... В Советском Союзе я постарался возможно шире познакомиться как с древней, так и современной культурой, и это знакомство получит свое воплощение в моем творчестве, в частности в песнях. Я даже уловил мелодию русского языка, его интонации, а по отдельным словам и фразам пытался определять душевное состояние моих собеседников. О, как же много их было!

— Что побудило вас уйти со сцены на долгих пять лет?

— Знает, у песенного бизнеса свои законы, порой они неумолимо жесткие. Я не привык драться за место под солнцем, если кому-то нравятся разноцветные волосы торчком — спорить не стану, уступлю. Все проходяще, лишь музыка вечна. Музыка, понимаете, только музыка!

— На выпускном вечере в гимназии я показал друзьям, к каким результатам привело увлечение игрой на фортепьяно, а также скрипке, трубе и гитаре. Мне советовали не бросать музыку, и я со второго курса философского факультета Афинского университета параллельно начал заниматься в консерватории по классу бузуки. О страшных для Греции событиях 21 апреля 1967 года услышал по радио в Париже...

— Не заметили ли вы, что ваше возвращение на сцену пришлось в тот момент, когда музыка снова активно поддерживает борцов за мир?

— За мир и за новую культуру свободной от насилия и безумств. В этой связи хочу особо отметить деятельность актрисы Мелины Меркури, нашего министра культуры. Если Европе суждено остаться Европой, противостоять натиску антикультуры из-за океана, роль этой женщины будет по достоинству оценена. Такие слова я говорю не потому, что мой дом в Афинах...

— Помогаю тем, кто делает свое дело профессионально. Но частичка и моей души остается в любой мелодии.

— Главный мотив исполняемых вами песен — это...

— В новом, 1987 году что бы вы хотели пожелать читателям журнала «Огонек», они ведь ваши слушатели?

— Найдти, как говорят у вас, свою счастливую звезду. А чтобы мне поверили, позвольте свое пожелание передать собственноручно.

Беседовал
с гостем
Владимир
КОВАЛЕВ

Фото
Сергея
ЖАБИНА

НЮРНБЕРГСКИЕ ПРИЗРАКИ

«НИБЕЛУНГИ»

Старый учитель, казалось, по голову был погружен в гимназические заботы. Все чаще к нему приходили какие-то люди, в основном мужчины, а иногда и подростки. Браузеветтер обычно приглашал их в кабинет, на ночь становившийся спальней Адальберта, и

вполголоса беседовал с ними несколько минут за закрытой дверью. Адальберту он объяснил, что это родители учеников, которых он, щадя самолюбие, вызывает не в гимназию, а сюда, домой, чтобы сделать те или иные замечания относительно успеваемости и поведения их детей. А когда приходили подростки лет четырнадцати — шестнадцати, Браузеветтер говорил, что принимает у них экзамены. При той неразберихе, которая царил в городе, это было неудивительно, тем более, что Браузеветтер жаловался: в гимназии не топят, от холода сводит руки и у преподавателей, и у учеников. Впрочем, Адальберта все это мало интересовало в отличие от грозившего стать бесконечным процесса во Дворце юстиции.

Судя по информации в «Нюрнбергер нахрихтен», уже были опрошены все подсудимые, давно отгремела речь Главного обвинителя от СССР Руденко — его Адальберт видел еще в Берлине в первых выпусках кинохроники — и обвинителей от других стран-союзников, уже все обвиняемые были подвергнуты допросу — обычному и перекрестному, один за другим выступали свидетели обвинения, и от их показаний трещала по швам система оправданий, выработанная обвиняемыми.

А суд все продолжался. Он представлялся Адальберту гигантским молотом, непрестанно бившим по наковальне, где корчились в конвульсиях обвиняемые, или непрерывно действующим вулканом, каждый день извергающим лаву — все новые и новые обвинения против вчерашних властителей Германии и самой души немецкого народа...

Вечера Адальберт проводил обычно в разговорах с Браузеветтером. Он убеждал своего старого друга, что надежды, будто ненависть к коммунизму перевесит чувство мести у англичан и американцев, по меньшей мере наивны, что если сама Германия, в частности весь Нюрнберг, не найдет способ сказать свое веское слово в защиту томящихся в тюрьме узников, то их жизнь можно считать конченной. Старик обычно отмалчивался.

Однако наступил день, который зажег в сердце Адальберта новую надежду. В этот день Браузеветтер, проводив очередного посетителя, уселся на диван и знаком указал ему место рядом.

— Настало время действовать, бригадефюрер, — произнес он очень серьезно. Неожданное обращение сначала разозлило Адальберта, он увидел в нем плохо скрытую насмешку, но Браузеветтер повторил: — Настало время действовать.

— Что ты имеешь в виду? Какие действия? Разве у нас есть организация, способная если не взорвать весь этот проклятый процесс, то хотя бы показать всем, что немецкий народ питает к нему ненависть?

— Есть! — коротко ответил Браузеветтер.

— И ты... ты, — захлебываясь от обиды, вскинул Адальберт обезображенное лицо, — держал это в тайне? От меня?!

— Не кипятись, Ади, дело слишком серьезное. Ты появился внезапно. Я не мог сказать тебе об организации, пока не разрешит Мастер.

— Кто?! Какой мастер? Как его зовут?

— Мы все зовем его просто Мастер. И принять кого-либо в члены организации без разрешения Мастера я, повторяю, не могу.

Окончание. Начало см. № 51.

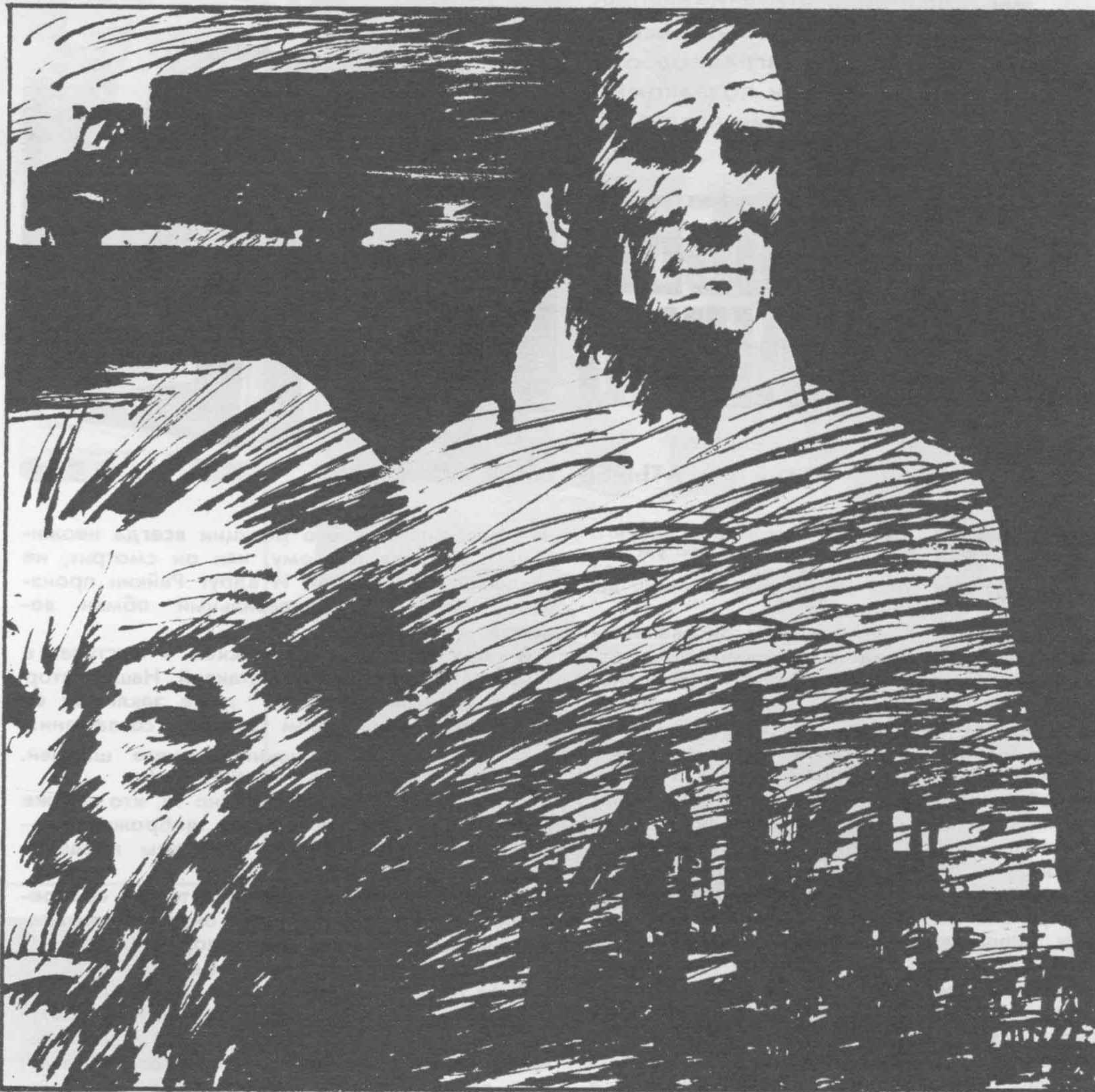

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

— Так что же, он мне не доверяет? Мне, бригадефюреру СС? — Возмущению Адальберта не было предела.

— О недоверии речи нет, — успокаивающе кладя руку на колено Адальберта, объяснил Браузеветтер. — Просто Мастер отсутствовал, связи с ним не было, а теперь он вернулся в Нюрнберг.

— Сколько же вас? — все еще не веря, поспешно спросил Адальберт. — И какие задачи поставлены перед нами?

— Сейчас все узнаешь, не торопись, — спокойно ответил Браузеветтер. — Пока наша организация — она называется «Нибелунги» — невелика, в ней чуть больше ста человек.

— А какова структура? И главное: задачи?

— Слушай. Организация разделена на низовые ячейки, в каждой пять отчаянных голов, готовых к решительным действиям. Они знают друг друга по фамилиям и порядковым номерам: первый, второй, третий, четвертый, пятый. А нижний эшелон — это двадцать четыре обособленные ячейки, обозначаемые, в свою очередь, буквами алфавита.

— Но такая раздробленность...

— погоди. Дослушай до конца. Так вот, из конспиративных соображений рядовые члены ячейки не вступают в контакт с рядовыми членами другой ячейки. Но староста находится в тесном контакте со старостами других ячеек. Ты меня слушаешь?

— Ну, говори, говори! — нетерпеливо воскликнул Адальберт.

— Таким образом образуется группа, состоящая только из старост. Из этой группы выделяется человек для связи с Мастером.

— Так кто же он?

— Я тебе уже сказал: Мастер. Никто, кроме членов высшего эшелона организации, не зна-

ет ни имени его, ни фамилии... Теперь о задачах, — после короткой паузы продолжил Браузеветтер. — Первая: акции, направленные против суда, включая физическое устранение членов так называемого Трибунала. Вторая: освобождение подсудимых. Задача третья: обеспечение безопасности скрывающихся от оккупантов людей, таких, как ты, например, изготовление необходимых документов; и наконец, задача четвертая: организация планомерной переброски таких людей в Южную Америку, скажем, в Аргентину. А уже их задача, рассчитанная на длительный период, — руководство национал-социалистским движением в Германии.

Браузеветтер умолк.

— Какая же из акций намечена первой? — после долгого молчания спросил Адальберт.

— То, о чем ты мечтаешь: нападение на здание суда и захват арестованных. Акция готовится тщательно, сто хорошо вооруженных людей могут в принципе устранить охрану, проникнуть в тюрьму и захватить арестованных.

— А что делать с ними дальше? — нетерпеливо спросил Адальберт.

— Это серьезный вопрос, он тоже продуман досконально. Тебе известен завод «МАН» на южной окраине Нюрнберга?

— Ты имеешь в виду «Машиненфабрик Аугсбург» — Нюрнберг?

— Вот именно. К концу войны он был разрушен почти на три четверти, его прицельно бомбили, потому что там были сконструированы и пущены в производство наши «Пантеры». Но за месяцы, прошедшие после войны, завод сумел настолько восстановить производство, что в начале этого года стал выпускать грузовые машины. Понятно?

— Не вижу связи...

— Сейчас увидишь. До сих пор никто тол-

Главы из романа

ком не знает, кому эти машины продают. Известны случаи, когда грузовики менялись у крестьян на овощи и прочее продовольствие. Мы сумели выменять десять таких машин, и сейчас они стоят в надежных местах. Как только захватим арестованных, грузовики рванутся к зданию тюрьмы и, пока американцы опомнятся, увезут всех далеко за город. Место уже подобрано.

— Это звучит, как сказка! И когда планируется налет?

— В ближайшие дни. Я получил разрешение сказать тебе о том, что ты примешь участие в операции. План Дворца юстиции и расположение тюремных камер мы получим послезавтра.

...Однако на другой день Браузеветтер сообщил Адальберту, что операция откладывается.

СНОВА ГАМИЛЬТОН

Толстый кельнер в белой, не очень чистой куртке, увидев растерянно озирающегося Адальберта, ткнул пальцем в свободное место за одним из столиков. В кафе было шумно, столы неряшливо заставлены пивными кружками.

— Видите ли, — Адальберт ближе подошел к кельнеру, — у меня здесь назначено свидание. Возможно, он запоздал, этот американец...

— О-о! — воскликнул кельнер. — Я понимаю. Прошу, уважаемый господин. — Он быстро прошел за стойку, отворил внутреннюю дверь, в полумраке Адальберт увидел узкую лестницу. — Прошу вверх, уважаемый господин.

В небольшой комнате наверху стояли два стола. За одним сидел Гамильтон, второй был пуст. Адальберт не сразу узнал американца, он впервые его видел в гражданском костюме.

— Добрый день, господин Квангель. — Американец указал Адальберту на стул. — Надеюсь, не откажетесь от глотка виски? — Гамильтон взял бутылку за горлышко, двумя резкими движениями плеснул в стаканы. — Начнем с самого важного. — И, приподняв стакан, он сделал глоток.

— Я, если позволите, с содовой. — Адальберт долил в стакан из второй бутылки. — Прозит! — Он тоже сделал глоток и поставил стакан на стол.

— Итак, — сказал Гамильтон, — за наше третье знакомство. Первое было заочным, вы тогда еще маялись в Берлине. Второе — в вашем доме вчера. Третье — сейчас. Как прикажете называть вас? Квангель? Хессенштайн?

— Квангель, — сухо ответил Адальберт. — Хорошо, — сказал Гамильтон, — я питаю уважение к документам, особенно столь безукоризненным, как ваши. И все же...

Гамильтон собрался подлить ему виски, Адальберт прикрыл ладонью свой стакан.

— Предпочитаю вести серьезные разговоры на свежую голову. — Губы его дернулись. — Особенно с таким серьезным человеком, как вы. Будем говорить прямо: вы ведь разведчик?

— О, не надо столь прямолинейно, герр Квангель, — подняв ладонь, предостерег Гамильтон. — Давайте обойдемся без детективного антуража. Разве это имеет для вас значение, кто я?

— А что же имеет?

— То, что мне известны некоторые факты. Ну, скажем, происхождение ваших шрамов. О зверствах нацистов много говорится на процессе, но, поверьте, история с раскаленным прутом, которым вас стегали по лицу, слишком фантастична. Шрамы ваши — результат специальной операции в клинике доктора Брауна, разве не так? Далее, — продолжал Гамильтон, — ваш документ — чистейшая липа, хотя, должен признать, не худшая из лип, которые мне попадались на глаза. Наконец, вы такой же двоюродный брат фрау Ангелики, как я. Вы ее муж. Ваше возвращение в пенаты

затянулось, но я, как видите, человек терпеливый.

Выхода из ловушки Адальберт не видел. — Что вы от меня хотите? — Он понимал, что игра близка к завершению.

— Я предлагаю подумать, — мягко, с участием сказал Гамильтон, — разумно ли вам и фрау Ангелике в сложившихся обстоятельствах оставаться в Германии?

Хессенштайн ожидал чего угодно, только не этого.

— Вы предлагаете мне покинуть родину? — вскричал он.

— Не кипятитесь. Ваша родина сейчас — огнедышащий вулкан, его кратер — Дворец юстиции. Можно ли всерьез представить, что подсудимые выйдут оттуда живыми?

— Немецкий народ не допустит гибели своих вождей! — убежденно сказал Адальберт.

— А как их можно спасти? — с иронией в голосе спросил Гамильтон. — Вооруженным путем?

— Хотя бы и так! — вырвалось у Адальберта.

Гамильтон на минуту примолк, как бы обдумывая сказанное, потом продолжил:

— Это утопия. И к тому же будем откровенны: зачем Германии эти два десятка имен, скомпрометированных во всем мире?

— Они символизируют ее силу и независимость!

— Чисто митинговая тирада, — усмехнулся Гамильтон. — Четвертый рейх?

— Я буду бороться за него, пока жив! И не только я.

— Господин Хессенштайн, — отодвигая стакан с виски, сказал Гамильтон, — давайте прекратим игру в сыщики и разбойники и поговорим как политики. Да, сильная Германия нам нужна. Только без всяких ваших «дранг нах остен» и охоты за евреями, хотя я и сам их недолголюблю, впрочем, как и негров. Есть высшая цель возрождения Германии — это борьба с коммунизмом. Вот что в первую очередь нужно вам и нам, американцам, так же, как англичанам и французам, впрочем.

— Те, кто сейчас на скамье подсудимых, тоже считали эту цель одной из главных.

— Согласен. Но заодно они хотели раздать Англию и Францию, а там дошла бы очередь и до нас, до Америки. Вот почему эти ваши Геринги, Кальтенбруннеры и прочие в будущие вожди Германии не годятся. Во главе Германии должны отныне стать другие люди. Пусть они исповедуют национал-социализм, но главной их целью должна быть борьба с большевизмом. Никаких соглашений с Россией! Впрочем, вы уже показали истинную цену таким соглашениям — вспомните сорок первый год! Никаких заигрываний с Восточной Европой — ей суждено стать марионеткой в руках России. Борьба с коммунизмом — внутри Германии и вне ее. Но для этого нужны новые люди. Надо создать где-нибудь в Южной Америке, скажем, в Бразилии, Парагвае или Аргентине, крепкий кулак из публично не скомпрометированных нацистов, которые возьмут на себя руководство возрождением антикоммунистической Германии. До тех пор, конечно, пока обстановка не позволит им снова вернуться в страну.

— Нет! — вскричал Адальберт. — Я вырос и жил на земле Германии, я предан идеям, которые вдохновили третий рейх! Мой долг — бороться за его восстановление здесь, и только здесь!

— Послушайте, Хессенштайн, — хмурясь, сказал Гамильтон. — Вы работали в гестапо, имеете генеральский чин, у вас внешность воина — откуда эта страсть к громким фразам? Насколько мне известно, разведчики предпочитают делать дело, а не витийствовать. — Лицо американца снова приняло участливо-доброжелательное выражение. — Хорошо, Адальберт. Я понимаю вас, хотя предупреждаю, что серьезные акции после того, как суд вынесет свое решение, будут весьма затруднены, а в Нюрнберге в особенности. Я понимаю, вам трудно бросить город, где находится ваш дом... Я просто высказал предложение. Альтернативы, по правде говоря, не вижу. Думайте, Квангель. А пока вы у себя дома, и я позабочусь, чтобы вас особенно не беспокоили. — Гамильтон встал, задержал в своей руке руку Адальберта. — Должен предупредить, — тихо сказал он, — если вы примете мое предложение, это потребует от вас некоторых

расходов. За безопасность надо платить, мы оба деловые люди.

— У меня есть сбережения, они спрятаны в надежном месте.

— Боюсь, вы неправильно меня истолковали. Мне вовсе не нужны золотые и бриллиантовые побрякушки — подарите их фрау Ангелике. Но вместе с ними вы захоронили записные книжки — одну, две, сколько? Я не знаю, что в них, но мне безумно хочется их прочесть. Книжки — вот цена моего покровительства вам, если вы решите покинуть страну. — Гамильтон выпустил руку Адальберта из своей крепкой ладони. — Не назначаю свидания, поскольку мы больше чем соседи. Живите спокойно, герр Квангель, и заботьтесь о фрау Ангелике, честное слово, она этого достойна.

АНГЕЛИКА

На ступенях они столкнулись с Гамильтоном — тот как раз вставлял ключ в замочную скважину.

— Добрый вечер, — приветливо сказал Гамильтон, вынимая ключ и вежливо предоставляя Адальберту самому открыть дверь своей виллы. — Откуда так поздно?

— Мы были в кино. — Адальберт пропустил вперед Ангелику и Гамильтона.

— А я, с вашего разрешения, решил переночевать здесь: достаточно провести несколько дней в этом пчелином улье, «Гранд-отеле», чтобы ощутить всю прелесть покоя в частном доме... Ну, не буду вам мешать. — Гамильтон направился было к лестнице. Ангелика укоризненно взглянула на мужа.

— Чашку кофе, герр Гамильтон! — предложила она.

— Откровенно говоря, с удовольствием выпью кофе в семейном кругу, — любезно ответил Гамильтон, — один вид ресторана в «Гранд-отеле», переполненного судьями, адвокатами, прокурорами, наводит на меня уныние...

Через несколько минут все трое сидели за круглым столом в гостиной. И перед каждым дымилась чашка ароматного мокко.

Сделав глоток, Гамильтон спросил: — Какую картину вы смотрели? Драму? Комедию?

— Комедию, — резко ответил Адальберт.

— Новую? Как называется?

— «Нюрнбергские призраки». — Хессенштайн раздраженно передернул плечами. — Фарс! Тенденциозный монтаж с вырванными из контекста фразами обвиняемых. Никогда не поверю, что такие люди, как Геринг или Кальтенбруннер, могут вести себя столь постыдно.

— Что же вас могло бы убедить в этом, герр Квангель? — с иронической улыбкой спросил Гамильтон.

— Не знаю... Хочется проникнуть в их души... — после паузы ответил Адальберт. — Докажите мне, герр Гамильтон, пропуск хотя бы на одно заседание, ведь вы человек со связями.

— Поверьте, это ничего не даст. Почему вы уверены, что именно на этом заседании вам откроются души подсудимых? Для этого надо было следить за процессом с самого начала, что, как вы понимаете, уже невозможно. Даже, — Гамильтон усмехнулся, — при моих связях.

За столом установилось молчание. Гамильтон встал.

— Я, очевидно, задерживаю вас, пора спать. Да и я хотел бы лечь пораньше. Спокойной ночи, господа.

— Какой позор! — глухо сказал Адальберт, когда шаги Гамильтона затихли. — Если верить хронике, все они трусы. Трусы и предатели. Бывали моменты, когда мне хотелось вскочить и крикнуть на весь зал: «Трусы!»

— Эти люди хотят спасти свою жизнь. Им ничего больше не остается, как сваливать все на фюрера, — сказала Ангелика.

— Не смей так говорить! — сжимая кулаки, воскликнул Адальберт. — Тот большевик-богарин тоже боролся за свою жизнь, ему тоже грозила смерть, но он не побоялся во всеуслышание объявить суд над ним лживым и чуть ли не плюнуть в лицо Герингу! Почему он мог, а эти, там, в кино, нет? О, если бы я оказался среди них в зале суда, клянуся памятью фюрера, я бы встал и сказал во всеуслышание все, что думаю об этих судьях, сказал бы, что Гитлер был великим человеком, все, что он приказывал делать, было на пользу Германии.

— Но мы проиграли войну, Ади,— тихо произнесла Ангелика.— И потом... ведь все, что показывали в хронике... было! От этого никуда не уйти! Я уже не раз задавала себе вопрос: как мы могли с такой армией, с таким вооружением проиграть войну?

— Гели,— Адальберт едва сдерживал гнев,— но разве ты не знаешь, как фюрер объяснял причину? Предательство со стороны определенной части генералитета! Я был близок к окружению фюрера, и мне не раз доводилось слышать его мнение о наших трусливых генералах. Нам с тобой не приходилось всерьез говорить об этом, но теперь я скажу: фюрер еще до заговора сорок четвертого года с настороженностью, будем говорить прямо, с недоверием относился к высшему офицерству. И хотя рейхсвер в тридцать пятом был преобразован в вермахт, он продолжал оставаться наследием проклятой Веймарской республики и в отличие от СС был все же в какой-то степени чужеродным организмом.

Ангелика сидела, опустив голову. Она не все понимала из того, что говорил муж, и никогда не осмеливалась вступить с ним в спор. Ни с ним, ни с Браузеветтером, ни с женами погибших на фронте эсэсовцев, ни уж, конечно, с Гамильтоном.

— Я вспоминаю одну беседу с доктором Геббельсом,— снова заговорил Адальберт.— Это было в Берлине, когда русские уже вторглись в Восточную Пруссию. Доктор тогда сказал, что в тридцать четвертом расстреляли Рема и всю верхушку СА вместо того, чтобы перестрелять генералов. Ты знаешь, конечно, что Рем хотел поставить СА над армией? И правильно бы сделал!

Ангелика с сочувствующей улыбкой глядела на мужа. Уже много лет — с тех пор как национал-социализм в ее душе взял верх над католичеством — она жила его интересами. Она привыкла к его мыслям, привыкла к кругу его знакомых — почти все они были эсэсовцы, работники гестапо, так же, как теперь привыкала к его обезображенному лицу.

И еще она понимала, что Адальберт жаждет деятельности, хочет предпринять нечто такое, что стало бы кирпичиком в фундаменте новой Германии — нет, Германии старой. И это было правдой. Но что именно надо делать, Адальберт не знал. Ему хотелось стать пусть не первым человеком, каким был Гитлер, но одним из тех, чье слово будет законом для других. Он мысленно не раз перебирал свои возможности, мечтал, что со временем ему и его единомышленникам удастся выковать такую организацию, которой под силу не только взорвать здание суда, но и воссоздать СА — колонны штурмовиков, марширующих по улицам, исповедующих ненависть к коммунизму, готовых стереть с земли не только коммунистов, где бы они ни находились, но и саму веру в этот коммунизм!..

Но как, как? Гамильтон хочет, чтобы Адальберт покинул родину — ради того, чтобы когда-нибудь снова ее обрести. Принять его предложение — значит признать, что только под руководством Америки можно воссоздать Германию. А ему, Адальберту, хотелось не подчинения, а неограниченной власти.

— Хочешь, я прочту тебе стихи? — неожиданно спросила Ангелика.

— Какие стихи? — удивился оторванный от размышлений Адальберт.

— Вот, послушай:

Ты разочарован, ты опустошен.
Зачем же цепляться за прошлое?
Ты научился умирать ради Гитлера,
А теперь научись жить ради Германии!

— Откуда это?

— Стихи обращены к немецкому офицеру и напечатаны в «Нюрнбергер нахрихтен», — ответила Ангелика, — я вырезала их и выучила наизусть.

— Мне не нравятся эти строки, — угрюмо сказал Адальберт. — Здесь противопоставлены фюрер и Германия. А это одно и то же.

— Было одно и то же, — с печалью сказала она.

— Было и есть! Фюрер мертв, но дух его бессмертен. Во имя бессмертия этого духа я и живу.

— А я живу ради тебя, — сказала Ангели-

ка, — следовательно, ради того, чем живешь ты. Я сделаю все, что ты скажешь: если надо — убью, отравлю... Хочешь, чтобы я убила Гамильтона?

— Но ты же не сделала этого до сих пор?

— Не сделала во имя тебя. Если бы он умер здесь, в нашем доме, меня бы арестовали по одному только подозрению, и то, чем я жила, — надежда, что мы встретимся когда-нибудь, рухнула бы окончательно.

Адальберт почувствовал ком в горле, он боялся, что Ангелика увидит слезы, и прижался лицом к ее плечу.

Поздно ночью ему послышались чьи-то шаги. Гамильтон? Впрочем, может быть, это Адальберту только приснилось.

ИХ ДУШИ

Так шли дни, однообразные, мрачные для Хессенштайна.

Во время последней встречи Браузеветтер обнадежил его известием, что «Паук» набирает силу, действует на территории Германии и Австрии и что возглавил его, кажется, неизвестно где сейчас скрывающийся Отто Скорцени.

«Паук» становился надеждой беглых эсэсовцев: организация помогала им создать о себе «легенду» и затем переправляла в Испанию, Южную Америку или страны Ближнего Востока.

Город жил слухами. Говорили, что найдена и арестована личная секретарша Гитлера Мари-Текла Вайхельт, что Геринг умер от инфаркта в американском госпитале...

В газетах было опубликовано распоряжение баварских властей. В нем говорилось, что до сих пор в Баварии выселение национал-социалистов из их квартир осуществлялось недостаточно быстро и повсеместно; для покрытия острой нужды в жилплощади и в соответствии с распоряжением властей каждый бывший национал-социалист независимо от даты его вступления в партию должен немедленно освободить свою квартиру, если в ней нуждаются лица, подвергавшиеся преследованиям по причинам политического или расового характера, а также те, кто не состоял в НСДАП.

Что делать? Что делать?! Круг опять сужался. Как быть, если Гамильтон уедет — ведь не вечно он будет сидеть тут, в Нюрнберге, — неужели Адальберта и Ангелику тотчас вышвырнут из дома?

В последний раз они виделись с Гамильтоном два дня назад, американец поинтересовался, не принял ли Адальберт какое-либо решение.

— Не забудьте, время работает против вас, и я не всесилен. — Гамильтон усмехнулся.

Адальберт сухо ответил, что документы, интересующие Гамильтона, принадлежат не ему и без указания своего бывшего начальства он не вправе ими распорядиться.

— Где оно, ваше начальство? На скамье подсудимых? Не пора ли задуматься, сосед: кому вы служите? Неужели вы до сих пор не убедились, что люди, сидящие на скамье подсудимых, недостойны плевка?

— Им смотрит в глаза смерть, — мрачно ответил Адальберт. — Даже львы, если их загнать в клетку, осветить юпитерами и бесконечно колоть железными прутьями на глазах глумливого сборища, не смогут вести себя как цари зверей.

— А наедине с доброжелательным человеком они бы вновь превратились во львов? Послушайте, Хессенштайн, не так давно вы высказали желание проникнуть в души обвиняемых... Ведь так? — неожиданно спросил Гамильтон.

— Я понимаю, это неосуществимо, — безнадежно ответил Адальберт.

— Хорошо. Отложим это. А пока мне хотелось бы проникнуть в вашу душу. Представьте, что обвиняемые каким-то чудом оказались на свободе, скажем, там же, куда я рекомендую отправиться вам. С чего бы они начали действовать? Конечно, с захвата власти. Но претенденты на власть в четвертом рейхе едва ли допустят это. Они, возможно, предпочтут иметь своим фюрером такого человека, как, например, вы, Хессенштайн. При Геринге, Кальтенбруннере и других вы пешка, а без них ваш вклад в дело будущей Германии может быть огромен. Что вы на это

скажете? — И Гамильтон, сощурившись, посмотрел в глаза Адальберту.

— Я не могу ответить на ваш вопрос, не зная, что в действительности представляют собой сегодня наши вожди, — не сразу ответил Адальберт.

— Да, — вздохнул Гамильтон, — опять желание проникнуть в их души... Пожалуй, я организую для вас небольшое свидание с одним человеком. Его фамилия Гилберт. Едва не забыл: у меня для вас не вполне приятная новость. Мне стало известно, что некий Хессенштайн числится в списках разыскиваемых военных преступников. — Увидев, как побледнел Адальберт, американец добавил: — Впрочем, вам пока беспокоиться нечего, ведь вы Квангель.

...По городу ползли слухи, что в стране объявился некий ефрейтор, который считает, что он призван стать новым фюрером, и проявляет те же симптомы — мания величия плюс одержимость идеей террора, — что и его предшественник из Браунау. Зовут его Карл Хампель, ему 24 года. В Нордене, маленьком восточнофрисландском городке, была его «резиденция», отсюда он пытался совершить переворот. Он называл себя «фюрером немецкого освободительного движения», основанного «по великому примеру Адольфа Гитлера». Месяц за месяцем он писал угрожающие письма военной администрации, полиции и различным людям, занимающим сегодня видное положение: он, фюрер немецкого освободительного движения, расстреляет и перевешает их. Одновременно он призывал население поднять восстание, поджигать общественные здания и осуществлять террористические акты против сотрудников немецких ведомств и учреждений.

Теперь полиция положила конец его «деятельности». Как сообщила газета «Везер-курир», на заседании военного суда в Аурихе выяснилось, что новое нацистское движение Хампеля было представлено, по существу, только им самим. Он был, так сказать, фюрером и массой ведомых в одном лице. Помимо всего прочего, обнаружили доказательства того, что он вел переписку с иностранными дипломатами, с Франко и Маннергеймом.

...Сумасшедший? Несомненно! Но опасный сумасшедший. Объявляя приговор, председатель суда совершенно справедливо заметил: один маньяк, встав над всеми, может свергнуть мир в новую катастрофу. Если бы много лет назад Адольф Гитлер предстал перед таким же военным судом, сказал председатель, то безмерные трагедии были бы предотвращены и мир сейчас выглядел бы иначе.

«Кто он, этот человек? — задавал себе вопрос Адальберт, когда в газетах появилось сообщение, что «новый фюрер» приговорен к смертной казни. — Действительно маньяк или самоотверженно преданный делу Гитлера человек, опирающийся на единомышленников, готовый на все ради восстановления рейха? Если верно последнее, значит, речь идет о реальной попытке вернуть прошлое, пусть неудачной. Но ведь другая, третья, пятая попытки могут оказаться успешными?»

Все это были очередные фантазии, сто раз пережеванные, потерявшие свежесть: никаких реальных путей Адальберт не видел. Браузеветтер был готов связать его с «Пауком», но «Паук» и Гамильтон занимались, по сути, одним: помогали бывшим нацистам бежать за границу, а это по-прежнему казалось Адальберту постыдным, неприемлемым для подлинного борца за восстановление той Германии, которую он любил, которой был предан.

Шли дни, процесс во Дворце юстиции продолжался. Если судить по газетам и кинохроникам, подсудимые выглядели все как один трусами и преступниками, и это внушало Адальберту презрение и ненависть к соратникам по партии, перед которыми он так недавно преклонялся. Но тут же он опять начинал убеждать, уговаривать себя, что кинохроника — грубый монтаж речей, вырванных из контекста, а газеты все врут, искажают факты.

Он устал от сомнений, от борьбы с самим собой.

И вот сегодня, вернувшись от Браузеветтера, Хессенштайн нашел в столовой короткую

записку: «Прошу вечером заглянуть ко мне». Подписана она была инициалами Арчибальда Гамильтона.

Адальберт поднялся на второй этаж. Гамильтон был не один.

В верхней гостиной Адальберт увидел еще одного американца, тоже в военной форме, лет тридцати пяти—сорока. Он сидел на узком, обитом плюшем диване, положив рядом с собой толстую папку. Адальберт обратил внимание на его лицо: оно было мягким, приветливым. Где-то он уже видел этого человека, давно, чуть ли не в день приезда в Нюрнберг... Цепкая память разведчика-гестаповца уже через минуту выдала ответ: сойдя с поезда, Адальберт долго бродил по городу, не решаясь показаться Ангелике, а потом, движимый каким-то мазохистским чувством, пришел к Дворцу юстиции, где отпевали великую Германию. Подъехала машина, в ней рядом с шофером сидел этот человек, Адальберту запомнилось, с какой непринужденностью, почти небрежно он помахал перед носом охранников карточкой-пропуском и направился к чугунным воротам... И вот этот человек здесь, в его, Адальберта, верхней гостиной. Как назвал его Гамильтон? Гилберт, кажется, Гилберт...

Указывая на Адальберта, Гамильтон сказал гостю:

— Хочу представить вам кузена нашей очаровательной хозяйки. Его имя... Квангель, Адальберт Квангель. Ему безумно хочется взглянуть на ваших подопечных, так сказать, изнутри. Газетам и кинохронике он не верит, поскольку имел основание боготворить Германию его высокопревосходительства фюрера, ну и всех тех, кто сегодня восседает во Дворце юстиции — не среди судей или публики, конечно. Я рад возможности познакомиться Квангеля с человеком, который знает верных соратников фюрера лучше, чем любой из нас. Итак, слово предоставляется свидетелю обвинения, или, лучше сказать, защиты, но объективной...

...Американский офицер, с которым Адальберт выпал случай побеседовать, пользовался в силу своей должности исключительным доверием. Некоторые считали его врачом-психиатром, но он им не был. В отличие от профессиональных тюремных психиатров, врачей Келли и Голденсона, Гилберт был психологом. Прибыл он в Нюрнберг 20 октября 1945 года. Кто прислал его? Говорили, что он прибыл по просьбе тюремной администрации, но скорее всего инициатива учреждения должности психолога исходила от американской разведки, которая не случайно остановила свой выбор на Гилберте.

«Моя главная задача,—напишет впоследствии Гилберт,—состояла в том, чтобы повседневно поддерживать тесный контакт с заключенными и информировать начальника тюрьмы полковника Эндруса об их моральном состоянии, а также всячески способствовать тому, чтобы они соблюдали во время суда дисциплину и порядок... Я имел свободный доступ к заключенным в любое время дня и ночи... Я никогда не делал пометок в их присутствии, но тщательно записывал все мои беседы с ними и наблюдения, как только выходил из их камер, зала заседаний или столовой».

...И все же Гилберт не был вполне удовлетворен. Потому что, помимо задачи содействовать саморазоблачению заключенных, он имел и сверхзадачу: выяснить местонахождение сокровищ, припрятанных нацистами. Предполагалось, что огромные ценности были захоронены где-то в Альпах в труднодоступном районе.

Узнать, где они спрятаны,—в этом заключалась главная задача, возложенная на Гилберта американской разведкой. Он не касался напрямую этой темы во время бесед с заключенными, не имел полномочий предложить им в качестве выкупа жизнь, если они выдадут тайну альпийских сокровищ. Он пытался расположить их к себе, утешал, как мог, старался вывернуть наизнанку их души, завоевать полное доверие, чтобы в подходящий момент коснуться ненароком того, что интересовало пославших его в Нюрнберг, а теперь уже и его самого...

ВНИМАНИЕ: ДОРОГА

**С 1 ЯНВАРЯ 1987 ГОДА
В НАШЕЙ СТРАНЕ
ВВОДЯТСЯ НОВЫЕ ПРАВИЛА
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.
НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ**

**ВСТРЕТИЛСЯ С НАЧАЛЬНИКОМ ОТДЕЛА
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГАИ МВД СССР
ПОДПОЛКОВНИКОМ МИЛИЦИИ
ВИТАЛИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ КОМАРОВЫМ
И ЗАДАЛ ЕМУ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ,
КАСАЮЩИХСЯ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ПРАВИЛ.**

-К акие основные причины вызывают необходимость время от времени изменять и дополнять существующие Правила дорожного движения? И почему именно сейчас возникла потребность в этом?

— Необходимость более или менее значительного обновления Правил дорожного движения возникает лет через шесть—восемь. Сейчас действуют Правила 1980 года, которые сменили Правила 1973-го, а те, в свою очередь,—1965 года.

Но, конечно, разработка новой редакции диктуется не просто периодичностью. Рост автопарка страны значительно опережает развитие дорожно-транспортной сети. Возникающий таким образом диссонанс потребовал лучше использовать то, что есть.

Кроме того, появляются новые государственные стандарты на конструкторские решения транспортных средств, а это неизбежно сказывается на особенностях использования новых машин на старых дорогах. Целый ряд положений включен в правила по результатам проведенных за это время в стране исследований. Например, срок внедрения новой редакции правил согласован с введением в действие стандарта на технические средства организации дорожного движения, разработанного специалистами лаборатории безопасности дорожного движения ВНИИ МВД СССР.

— То есть можно сказать, что новая редакция отражает последние отечественные достижения в этой области?

— Не только отечественные. Мы здесь учли рекомендации, подготовленные за последние годы соответствующими комиссиями СЭВ и ООН. Использованы также международные требования к безопасности движения. Новые правила, включая систему дорожных знаков, разметку, базируются на положениях международных конвенций о дорожном движении и дорожных знаках и сигналах, а также европейских соглашений.

В то же время Главное управление ГАИ и специалисты научно-исследовательских институтов проанализировали тысячи предложений граждан и организаций по совершенствованию правил. Предложения обсуждались на семинарах-совещаниях с участием преподавателей автошкол. Наиболее важные положения новой редакции мы распространили в виде анкеты на автобазах, в прессе, например, через журнал «За рулем», а затем обобщили ответы читателей. Ну и, наконец, учли лучшие результаты зарубежного опыта — об этом я уже говорил.

Хочу сразу оговориться: внедряя новую редакцию правил, мы не делаем революции в организации дорожного движения. Поэтому многие положения старых правил, определяющие взаимоотношения, скажем, водителя и пе-

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

по просьбе читателей

НАКОНЕЦ-ТО В ПАРУСАХ ВЕТЕР СВЕЖИЙ...

«Уверен, что многие слушатели (и критики!) считают ленинградского автора-исполнителя Александра Розенбаума сочинителем блатных пошлых песенок, «засоряющих» умы молодежи. А между прочим, он — артист Ленконцерта, известный как автор прекрасных и серьезных песен... Так кто же он на самом деле? — спросите вы. Вот я и прошу редакцию подробно рассказать об этом всем поклонникам авторской песни».

Олег КАРЛОВ
(Ленинградская область.)

«Все билеты проданы» — такое объявление неизменно появляется у кассы в день концертов Александра Розенбаума. Чем же привлекает этот артист? Многие знают его старые песни по магнитофонным записям из «неопределенных источников». Но его сегодняшнее творческое лицо гораздо более интересно и своеобразно.

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный
корреспондент «Огонька»,
Фото автора

В Ленинграде на Невском у театральной кассы я оказался свидетелем не совсем обычного разговора двух молодых людей.

— Смотри, во Дворце Капринова Розенбаум поет! — восхищенно прошептала девушка.

— А он что, вернулся? — шаря по афише глазами, с недоумением спросил ее спутник.

— Эх ты, темнота! Да он никуда и не уезжал. — В голосе девушки послышалась насмешка.

— Разве? — смутился парень. — А я был уверен, что он давным-давно распевает блатные песенки в Нью-Йорке.

После этого диалога молодые люди ринулись было к кассе, но угрюмый голос из окошечка изрек, как отрезал: «Все билеты проданы!»

Признаться, в доме, где мне доводилось слушать магнитофонные записи с разудалыми его жаргонными песенками, точно так же все считали, что Розенбаум переехал в Брайтон-бич. Иначе какой смысл по знакомству, да еще за деньги, переписывать все эти одесские шлягеры. Но вот однажды в популярной передаче по Центральному телевидению, рассеивая слухи, состоялось выступление А. Розенбаума. Оказавшись в Ленинграде, в первый же свободный вечер я поехал на его концерт в надежде заполучить лишнего билетик. Но там меня встретила плотная толпа. Поразило не столько желание страждущих попасть на концерт, сколько удивительная их разношерстность. Были среди них стриженные под панков юнцы и их ровесники в пиджаках с чужого плеча. Были и пожилые люди, и солдаты, и моряки с рыболовецких судов, и студенты.

Корреспондентское удостоверение сослужило мне добрую службу. Через несколько минут я получил возможность с первого ряда слушать и наблюдать за исполнительской манерой ленинградского барда, техникой игры на гитаре — единственной его спутнице в многочисленных, как оказалось, поездках по стране.

шехода, остаются без изменений. В то же время необходимо, конечно, новую редакцию внимательнейшим образом проработать всем без исключения водителям, хотя мы и не будем требовать досдачи или пересдачи знаний новых правил.

— В чем состоят основные изменения, сделанные в новой редакции?

— Во-первых, изменена структура правил. Дополнительно внесен раздел «Обеспечение безопасности дорожного движения», который определяет обязанности должностных лиц автотранспортных и дорожных организаций в обеспечении безопасности движения.

В новой редакции впервые провозглашен принцип доверия: «Каждый участник дорожного движения, соблюдающий настоящие правила, вправе рассчитывать на то, что и другие лица выполняют требования правил». Это положение «работает» в пользу водителя.

Сейчас четко определено понятие перекрестка, введены более строгие требования к пешеходам. В частности, им теперь запрещается выходить из-за стоящего транспортного средства, не убедившись в безопасности.

Так как мотоцикл является источником повышенной опасности, даже в светлое время су-

ток теперь требуется включать ближний свет фары.

Для улучшения использования проезжей части улиц разрешается занимать для движения любую полосу, кроме крайней левой, ехать по трамвайным путям даже через перекрестки, а главное — изменено понятие «обгон».

И еще очень важно: запрещена эксплуатация транспортного средства, не прошедшего в установленном порядке периодический технический осмотр. Для исключения конфликтов между участниками дорожного движения конкретизированы понятия «недействующая тормозная система» и «недействующее рулевое управление».

— Большие неудобства водителю доставляет плохая видимость дополнительной секции светофора в тот момент, когда стрелка не включена. В Ленинграде я видел на дополнительной секции светящийся красный круг, в Москве на некоторых светофорах она окружена светящимися красными точками. Как все-таки окончательно решен этот вопрос в новых правилах?

— Если в светофоре имеется дополнительная секция, скажем, налево, то на основном зеленом сигнале нанесена контурная черная стрела, разрешающая иное направление, например, прямо и направо. Это косвенно гово-

рит о том, что светофор имеет дополнительную секцию.

— И еще один большой вопрос: пункт новых правил разрешает движение через перекресток на желтый сигнал светофора, если водитель для остановки должен прибегнуть к экстренному торможению. Как, по-вашему, не вызовет ли такая расплывчатая формулировка конфликты между водителями и инспекторами?

— Думаю, что нет. Этот пункт дает некоторое дополнительное преимущество водителю, которым тот не должен злоупотреблять.

— Коли уж зашел разговор о взаимоотношениях водителя и инспектора, как, собственно, и всех других участников движения по большой транспортной сети, которую условно называем дорогами, что бы вы хотели нам всем пожелать в новом году?

— Не забывать, что мы инспекция, а на дальнейшее укрепление правопорядка, обеспечение общественной безопасности, в том числе и безопасности дорожного движения, должен влиять каждый, иначе успеха не будет.

Почему стал возможен «минский феномен» — люди не идут на красный свет, даже когда нет транспорта? Да потому, что за это взялись всем миром.

Беседовал Владимир ПОТРЕСОВ.

Во время выступления А. Розенбаум поет много и выкладывается основательно. От тридцати до сорока песен успевает он исполнить за вечер.

Что за песни звучат со сцены?

Самые разные и по музыкальной интонации, и по гражданской насыщенности, и по уровню достоверности автора. Но равнодушными слушателя они не оставляют. А когда автор исполняет «На дороге жизни» или небольшую балладу «Бабий Яр» — в зале порой слышатся сдержанные рыдания. Причем плачут не только те, кто пережил ленинградскую блокаду, кто прошел войну и потерял в ней своих близких и родных. Плачут и ровесники Александра, не знавшие войны, плачут и совсем молодые слушатели, ибо артист умеет задеть за живое, умеет всколыхнуть в душе те потаенные чувства, которые дают выход наружу вечной и непреходящей народной скорби.

...Слился с небом косогор,
И задумчивы каштаны.
Изумрудная растет трава.
Да зеленый тот ковер
Нынче кажется багряным...

К теме прошедшей войны А. Розенбаум относится со священным сыновним чувством. (К слову сказать, в год 40-летия Победы над гитлеровской Германией он выступил с полураскассовой программой песен о минувшей войне. Тогда же ездил к воинам, морякам-пограничникам, был нередким гостем в госпиталях у бывших фронтовиков.)

Каждый свой концерт А. Розенбаум выстраивает предельно просто. Исполнив несколько песен и получив за это время множество записок, он ненадолго прерывается и отвечает слушателям.

«Это правда, что вы по профессии врач?»

— Истинная правда. Шесть лет работал на «скорой» и теперь, когда вижу машину с красным крестом, долго смотрю ей вслед.

«Уточните, пожалуйста, наконец, вы одессит или ленинградец?»

— Коренной ленинградец. Родился и вырос на Лиговке.

«А когда вы впервые появились на профессиональной сцене?»

— Шесть лет назад. Сначала играл и пел в рок-группе «Пульс», затем в ансамбле «Шестерка молодых».

«Давно ли выступаете с сольными концертами?»

— С октября 1983 года.

«Ваше отношение к Высоцкому?»

...В концерте на сцене Дворца культуры имени Капринова А. Розенбаум поет несколько песен-воспоминаний. Три из них — в память о Владимире Высоцком.

— Высоцкий многим из нас открыл дорогу на профессиональную сцену, — признается А. Розенбаум, — и научил нас не только исполнять свои песни, а и бороться за них.

Позже, в гостинице, когда мы разговаривали по душам, он рассказал историю, которая до недавнего времени не казалась столь уж забавной.

— Однажды, — вспоминал Александр, — во время гастрольной поездки по стране, за кулисы пришел скуластый человек и, отрекомендовавшись руководителем местного отдела культуры, в категорической форме потребовал, чтобы я исключил из репертуара одну из своих песен. «Почему, — удивился я, — она нравится слушателям, и вы сами были свидетелем, сколько аплодисментов выпало на ее долю...»

— И все же я вам петь ее не разрешаю, — угрожающе сказал визитер.

Я был ошарашен. Песня была безупречна в гражданском отношении, да и музыкальных огрехов особых в ней не наблюдалось. И вдруг на тебе, «категорически запрещаю!».

— В таком случае, — вспыхнул я, — напишите это на бумаге, и я, даю слово, никогда больше ее не исполню.

Он поспешно ретировался, и мы не виделись с тех пор. А я продолжал исполнять ту песню с еще большим чувством, чем прежде...

Многими своими песнями А. Розенбаум обнажает укоренившиеся пороки в отношениях между людьми: лицемерие, угодничество, страх перед истиной и «величием зла».

— Он умеет говорить со слушателями о том, что волнует их, на простом, доходчивом языке, — делился после концерта своими впечатлениями летчик из Нарьян-Мара Виктор Удачин. — Нам, летающим в Заполярье, часто приходится зависеть от погоды. Иной раз неделю сидишь в гостиничке, а уж какие на Севере «отели» — сами знаете, за окном непроглядная тьма, да и на душе не светлее. И тогда берешь гитару, вспоминаешь розенбаумовский «Вальс на Лебяжьей канавке» или его же «Налетела грусть», неприхотливо «Извозчика», и вроде бы прояснилась на сердце погода...

Ему подражают многие начинающие молодые авторы-исполнители, но он не претендует на роль лидера. Он мечтает с еще большей откровенностью говорить со зрителями о том, что заботит их

сегодня, что мешает чувствовать себя в этой жизни более счастливыми.

— Я довольно часто езжу по стране, — говорил Александр. — Сотни пустующих по вечерам клубов встречались мне на пути, десятки прекрасных дворцов культуры. И это при том, что у нас есть великое множество талантливых, самобытных исполнителей, которые жаждут встречи со своими слушателями и готовы хоть на край света лететь ради творческого общения с ними. Но, увы, никто этим всерьез не занимается, никому до этого нет дела.

Трудно с этим не согласиться. Хотя примерно в то же время, когда происходил этот разговор, в Саратове завершился организованный ЦК ВЛКСМ первый Всесоюзный фестиваль самодеятельной песни, выявивший около трехсот (!) авторов-исполнителей. И пусть не каждый из них сегодня готов выступать с сольными концертами перед зрителями, но многих исполнителей «песен сердца», как называют произведения композиторов-любителей, стоило бы уже сейчас взять на заметку нашим ведущим концертным организациям. В финальном трехчасовом гала-представлении, которое мы увидели в день закрытия фестиваля, звучали не только песни о любви, но и песни, наполненные гражданским пафосом. Они-то, к слову сказать, и пользовались особой симпатией слушателей. Но, как видно, кого-то пугает, когда на эстраду выходят авторы с нетрадиционной, наступательной манерой исполнения. Когда они поют о том, что наболело, приелось, осточертело, наконец...

Однако вернемся на концерт А. Розенбаума. Проникновенно, с большим теплом поет он о своем родном городе — Ленинграде. Гитара в его руках звучит, как оркестр. Порою струны не выдерживают напряжения и рвутся. Тогда Александр передает гитару за кулисы и, пока натягивается и настраивается новая струна, вновь отвечает на записки. Случается, что сидящий в зале посетитель лезет артисту в душу, «сапог не снимаю». Но и тогда Александр отвечает откровенно, с достоинством.

— Слушайте, Шура, почему вы до сих пор не уехали в Израиль?

— А почему вы не уехали? — При этих словах артист иронично смотрит в зал, выдерживает паузу и, не спеша, словно отмеривая слова, продолжает:

— Почему я должен уезжать из страны, где родился? Где родились мои прадед и дед, где живут мои отец и мать... Я гражданин своего Отечества и буду по мере сил своих делать все для его благополучия...

— Сколько времени вы провели в местах не столь отдаленных?

— Это надо подсчитать, сразу и не припомнишь, — с деланной серьезностью отвечает Александр. Лицо его кажется бесстрастным, но мне хорошо видно, как смеются его глаза. — Значит, так: на Колыме был, в Сибири, под Ленинградом...

— По какой статье? — выкрикивают из зала.

— По статье... творческая командировка.

Идут записки с вопросами и похлестче...

— С чьей-то неосторожной руки меня сделали эмигрантом, — грустно улыбаясь, говорил он после концерта. — Выступаю на стадионе, где сидят десятки тысяч зрителей, пою песню о Ленинграде, а с трибуны приходит записка: «Лучше спой нам те песенки, которые распевал в Америке». Ну, как вам это нравится?

— Должно быть, люди вспоминают другие ваши песни, — говорю я. — «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла», «Нинка, как картинка», «На улице Гороховой» — все ведь это написано «под эмигрантов». Да и исполняется в том же духе.

— Исполнялось, — поправляет он меня, — и давно. Написано же все это было для капутников под впечатлением рассказов Бабеля и неожиданно возникшего «одесского притяжения» души. Кто-то в свое время записал все это на магнитофон, позволил переписать, и... пошло-поехало. А я, между прочим, около полутора тысяч сольных концертов дал по всей стране с совсем иным репертуаром, но...

— Выходит, грехи молодости?

— Если бы грехи, — усмехается он. — Обычное студенческое чудачество, не более. Ну, да ладно, время рассудит... Есть у меня песня, которая так и называется: «Наконец-то в парусах ветер свежий...»

Ему и впрямь сегодня неловко за некоторые свои жаргонные песенки, выпорхнувшие из-под пальцев. К ним он больше не возвращается и не исполняет. Но человеческая память живуча.

...Перед самым отъездом в Москву, на Невском, встретил я своего давнего приятеля из Севастополя, журналиста, мотающегося по всему свету. Он только что прилетел в Ленинград и жаждал новостей культурной жизни.

— Сходи на концерт Розенбаума, не пожалеешь, — посоветовал я.

— А он что, вернулся? — понизив голос, спросил приятель.

КОГДА ВСЕ ВОЗМОЖНО...

— Кукол я полюбил еще в самом детстве, — рассказывает Георгий Алексеевич Куприянов. — Воображая, что они тоже могут плакать и смеяться, обижаться и радоваться, я относился к ним, как к живым существам. Они были моими друзьями, а потом мы просто начали работать вместе.

Уже во ВГИКе я снял экспериментальную мультработу, делал мультфильмы для курсовых. К тому времени почти не осталось объемной куклольной мультипликации, как-то повывелась, и я чувствовал себя белой вороной. Когда пришел на «Мосфильм», решил работать в цехе комбинированных съемок, думал, может быть, там можно что-то сделать.

Но мои мечты оказались ненужными, и после того, как целый год работал только над титрами для фильмов, ушел на производство, стал оператором.

Честно говоря, нисколько не жалею об этом. Тогда была молодость — съемки, актерская суматоха. Выматывались ужасно, но было очень интересно. Я и представить себе не мог, что вот уйду, замкнувшись в мультипликационном кино. Меня даже приглашали туда, но я всякий раз отказывался и продолжал работать на «Мосфильме».

И только в перерывах между картинами мастерил своих кукол,

фотографировал. Это был прекрасный отдых.

Своим учителем считаю скульптора Сарру Мокель. Когда мы познакомились, она работала на «Мосфильме» у Птушко, делала объемные маски к его фильму «Новый Гулливер». Потом она перешла в мастерскую пластического грима. Например, маски для Аркадия Райкина делала именно она. Я любил заходить к ней в свободное время, приносил свои фотографии.

Помню, как, посмотрев первые два снимка, сделанные мной для печати, она сказала: «Юра, это очень плохо». Я ценил ее мнение, потому что она была прекрасным скульптором и очень тонко все чувствовала. Мы многое тогда обсуждали, и потом она все реже ругала меня.

Сейчас я на пенсии, и эта работа стала для меня главным делом. Я очень дорожу теперь тем ощущением свободы, которого, по моему, так не хватает современной объемной мультипликации. Часто замечаю в мультфильмах грубость фантазии, неумелое владение светом... Впрочем, в условиях производства, при строгой норме выработки, наверное, не просто все рассмотреть, хорошенько прочувствовать. И в спешке куклы выходят тоже будто нервные, по-современному немного дерганые.

Мне самому очень хотелось сделать сказку от начала и до конца,

и сейчас я уже работаю над «Курочкой Рябой». Приходится быть и оператором, и режиссером, и художником, и самой курочкой одновременно... По-моему, это очень увлекательно.

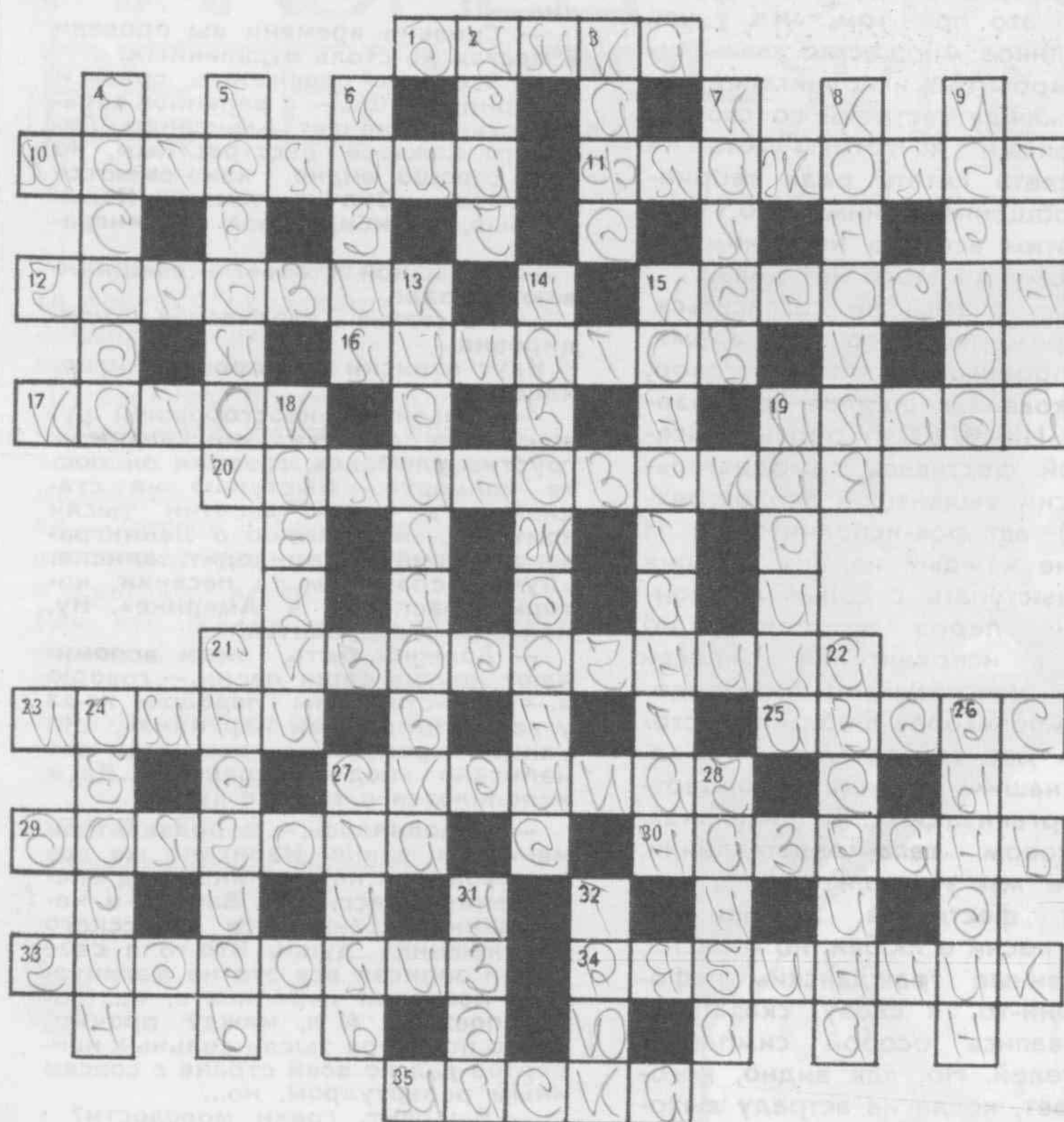
Хотелось бы попробовать что-то и на современную тему, снять какие-то смешные сценки для молодежи.

Делаю я свои игрушки сам, из всего, что попадает под руку. Из пинг-понговых шариков и пробок — тела и головы, из кусочков ткани — одежду, собираю сухие веточки, растения для лесов и избушек, леплю из пластилина. Как-то раз мои гости ели яблоки. Я заметил на полу семечко, подобрал его, выкрасил, и получился самый настоящий глаз для олененка. И осветительные приборы тоже моего изготовления — по-моему, вышли очень удобные — из консервных банок.

И, наверное, как результат вот такой самодеятельности иногда вдруг приходит ощущение, что ты ничем не скван, и как захочешь, примерно так и получится. Должно быть, это более всего и привлекает меня к работе. Я вдруг чувствую, что все возможно, что границей лежит лишь мера твоего таланта, умения. Чувствую себя художником.

Интервью взял
Вадим КИРЮХИН.

кресворд

По горизонтали: 1. Первый украинский профессиональный хор. 10. Русский, украинский, белорусский танец. 11. Вид продольной флейты. 12. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 15. Реактивное топливо. 16. Автор повести «Деревенский детектив». 17. Ледяная площадка для зимнего спорта. 19. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 20. Украинская балерина, народная артистка СССР. 21. Будочка-гнездо на шесте для певчей птицы. 23. Картина Н. К. Рериха. 25. Лицевая сторона медали. 27. Музыкант. 29. Одна из географических координат. 30. Город в Чечено-Ингушетии. 33. Реакция обмена соединений с водой. 34. Птица семейства дроздов. 35. Часть защитного снаряжения вратаря в хоккее.

По вертикали: 2. Промысловая рыба семейства карповых. 3. Небольшой ресторан. 4. Разговор, обмен мнениями. 5. Русская народная сказка. 6. Южное плодое растение, медонос. 7. Эстонское спортивное общество. 8. Волокнистое масличное растение. 9. Этап общественного развития. 13. Курорт на берегу Азовского моря. 14. Святочный рассказ М. Горького. 15. Сплав меди, никеля и марганца. 18. Вид классического театра Японии. 19. Оперетта И. Кальмана. 21. Певчая птичка, обитающая в хвойных лесах. 22. Советская спортсменка, олимпийская чемпионка по скоростному бегу на коньках в 1976 году. 24. Пианист, народный артист СССР. 26. Театральный художник, народный художник СССР. 27. Способ летоисчисления. 28. Писатель, редактор первой абхазской советской газеты. 31. Часть упряжи. 32. Ловкий искусный прием акробата.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Моцарт. 7. «Челкаш». 8. Сурок. 9. Урюк. 10. «Арион». 12. Народ. 14. Фарфор. 16. Индий. 17. Рокоссовский. 18. Сойка. 20. Арагви. 23. Тарту. 27. Чубут. 28. Марш. 29. Тыква. 30. Планер. 31. Король.

По вертикали: 1. Сопрано. 2. Жаркий. 3. «Алмаст». 4. Капитан. 6. Труппа. 7. Чикаго. 8. Серафимович. 11. Нумизматика. 13. Диона. 14. «Флора». 15. Росси. 16. «Идиот». 19. Камбала. 21. Реомюр. 22. Вершок. 24. Алаколь. 25. Латунь. 26. Янтарь.

На первой странице обложки: Лауреаты всесоюзных и международных конкурсов бального танца Лариса Давыдова и Алексей Почаев. (См. в номере материал «Кто научит танцевать?»)

Фото Анатолия БОЧИННА

Андрей
Чесноков.

ТЕННИСНЫЕ ПРИЗЫ «ОГОНЬКА»-86

Фото В. ЯНЧУКА

Наталья
Зверева.

Год назад журнал учредил два ежегодных приза — теннисисту и теннисистке — за лучшие достижения в международных турнирах и матчах. Первыми обладателями теннисных призов «Огонька» стали молодой московский динамовец А. Чесноков и его львовская одноклубница Л. Савченко.

Нынешний сезон порадовал нас новыми успехами советских мастеров ракетки во встречах с сильнейшими игроками мира, хотя были и серьезные поражения, о которых нашим спортсменам и их тренерам не следует забывать, готовясь к предстоящим поединкам.

Сегодня мы называем имена тех, кому будут вручены теннисные призы «Огонька»-86.

Бесспорный лидер отечественного тенниса двадцатилетний чемпион СССР Андрей ЧЕСНОКОВ (тренер — Т. Наумов) начал сезон 117-м в мировой классификации, а завершил в ведущей «тридцатке». Он вышел в 1/4 финала турниров Большого шлема — открытых первенств Италии и Франции, где одержал победу над знаменитым шведом М. Виландером, уступив затем 10-й ракетке мира А. Ленкенту, да еще на его родных кортах. Высокие результаты показал Андрей и на открытом чемпионате

США, обыграв на турнире молодых звезд в Штутгарте (ФРГ) феноменального Б. Беккера, стал также победителем теннисного турнира Игр доброй воли в Юрмале. Итак, А. Чеснокову вторично присуждается приз «Огонька».

Подлинной сенсацией сезона оказалась пятнадцатилетняя Наталья ЗВЕРЕВА, самая юная за всю историю чемпионка страны, которую тренирует ее отец — заслуженный тренер БССР М. Зверев. Одержав победы на предварительном юношеском и одном из представительных взрослых международных турниров в Англии, Наташа уверенно выиграла Уимблдонский турнир среди девушек до 18 лет в одиночном и парном (с И. Месхи) разрядах. Она была первой на крупном турнире в США и заняла второе место в престижном турнире серии «Вирджиния слимс», уступив лишь 13-й ракетке мира К. Ринальди. Наконец, в составе женской сборной СССР Н. Зверева успешно выступила на командном чемпионате Европы (у наших теннисисток сейчас первое место в своей группе).

Поздравляем обладателей призов «Огонька» этого года и желаем им новых успехов.

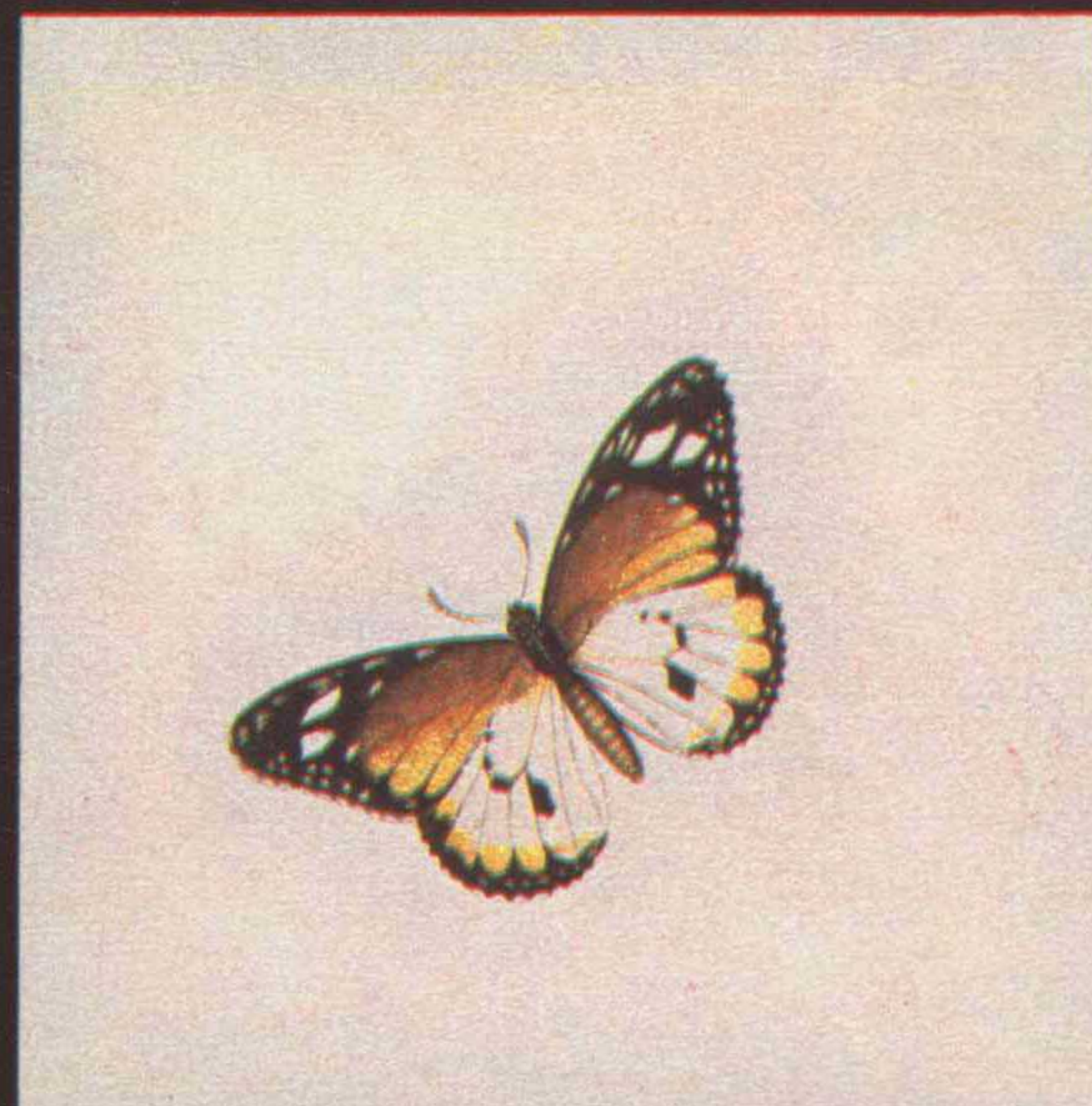
И ЦВЕТЫ,
И ШМЕЛИ,
И ТРАВА,
И КОЛОСЬЯ...

Варакушка,
или
крапивник.

Букет
полевых
цветов
с бабочкой.

Бабочка
Данаида
Хризипп.

Экзотические
птички.

Завидую двум авторам этой книги — К. С. Куйбышевой и Н. И. Сафоновой. Завидую тому, что им пришла такая счастливая мысль: издать эту книгу. Завидую тому, что они осилили непомерно огромный труд: разыскали по разным коллекциям, собраниям, архивам, библиотекам, хранилищам около полутысячи акварелей декабриста Петра Ивановича Борисова.

Завидую издательству «Искусство»: как радостно выполнять благородную осмысленную работу, используя все свое мастерство [большое!], все умение, весь талант. Книга «Акварели Петра Ивановича Борисова» (1986 г.) — само любованье, само изящество, сама красота.

Завидую сама себе, своему сыну и своим близким: мне посчастливилось купить эту книгу. Теперь каждая травка, каждая малая былинка, каждый цветок, бабочка, птица на родной земле и в родных небесах обретут для многих, наконец, имена. Ни один учебник природоведения, никакая «ботаника», никакая «биология» никогда не рассказывали нам о природе Отечества так ясно, точно, просто, ярко, как рассказал своими акварелями более полутора веков назад осужденный по первому разряду декабрист Петр Иванович Борисов. Основатель Общества соединенных славян, он был замечательным ученым-естествоиспытателем и прекрасным художником. Его акварели теперь изданы впервые, и стало ясно: не может быть лучше учебника о природе Родины.

Татьяна ИВАНОВА

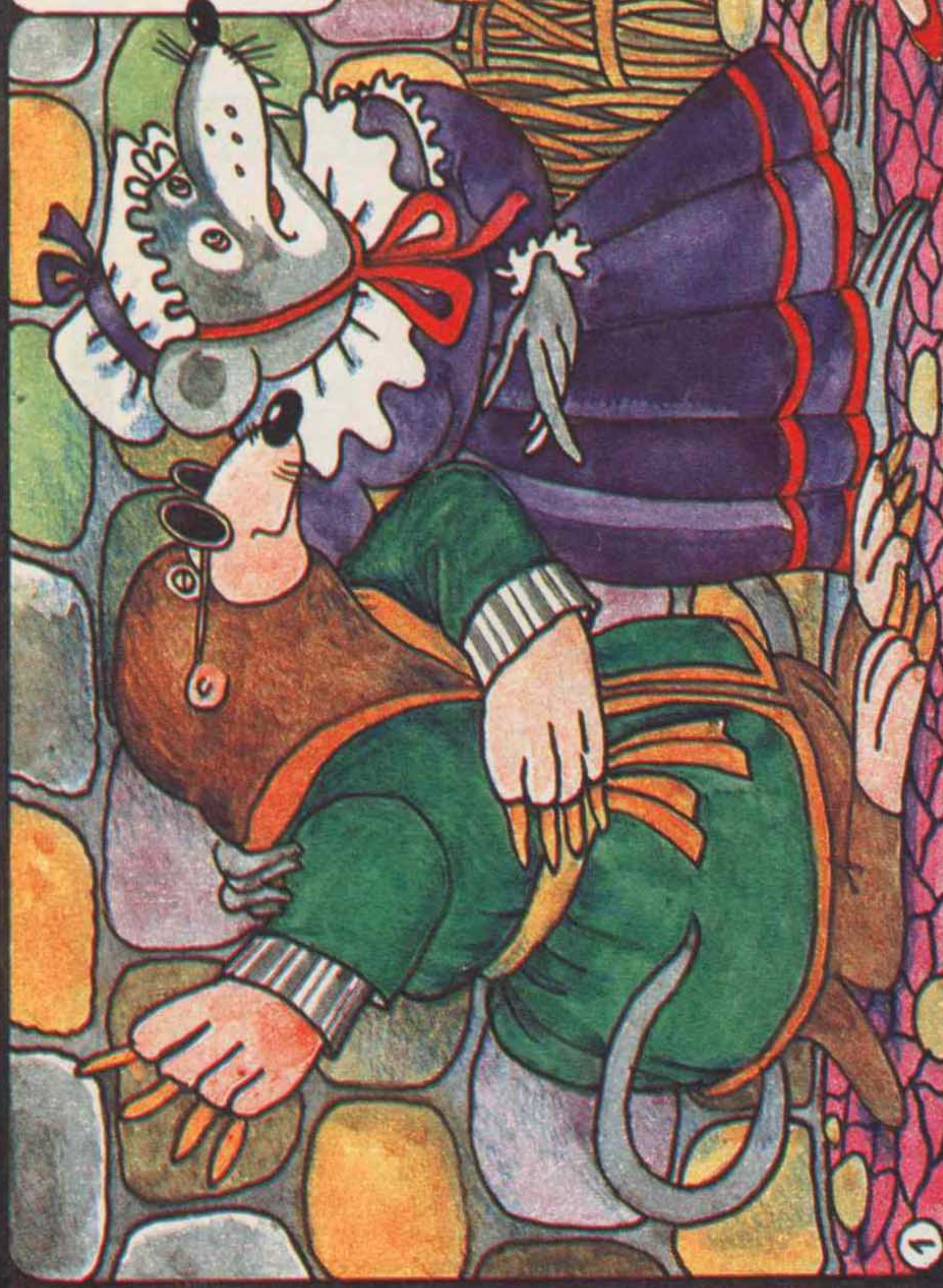
ПОМОТИВАМ СТАРЫХ СКАЗОК

НОВОБЫЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ХОЛМОВИЧКА

ПЕРВАЯ
ИЗДЕЛИТЕЛЬСКАЯ
ВЫПУСТИЛА РОЗНУЦУ

ШЛО ВРЕМЯ. ДЮЙМОВЧКА ЖИЛА, КАК ВЫ ПОМНИТЕ, В МЫШИНОЙ НОРЕ. И СКОЛЬКО БЫ ЭТО ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ, НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЕСЛИ БЫ ОДНАЖДЫ К ДЮЙМОВЧКЕ НЕ ПОСВАТАЛСЯ СТАРЫЙ ТОЛСТЫЙ КРОТ...

ДЮЙМОВЧКУ ЗАСТАВИЛИ СПЕТЬ ДЛЯ ВАЖНОГО ГОСТЯ. И ОНА СПЕЛА ДВЕ ПЕСЕНКИ: ОДНУ — ПРО ЛАСТОЧКУ, ДРУГУЮ — ПРО КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

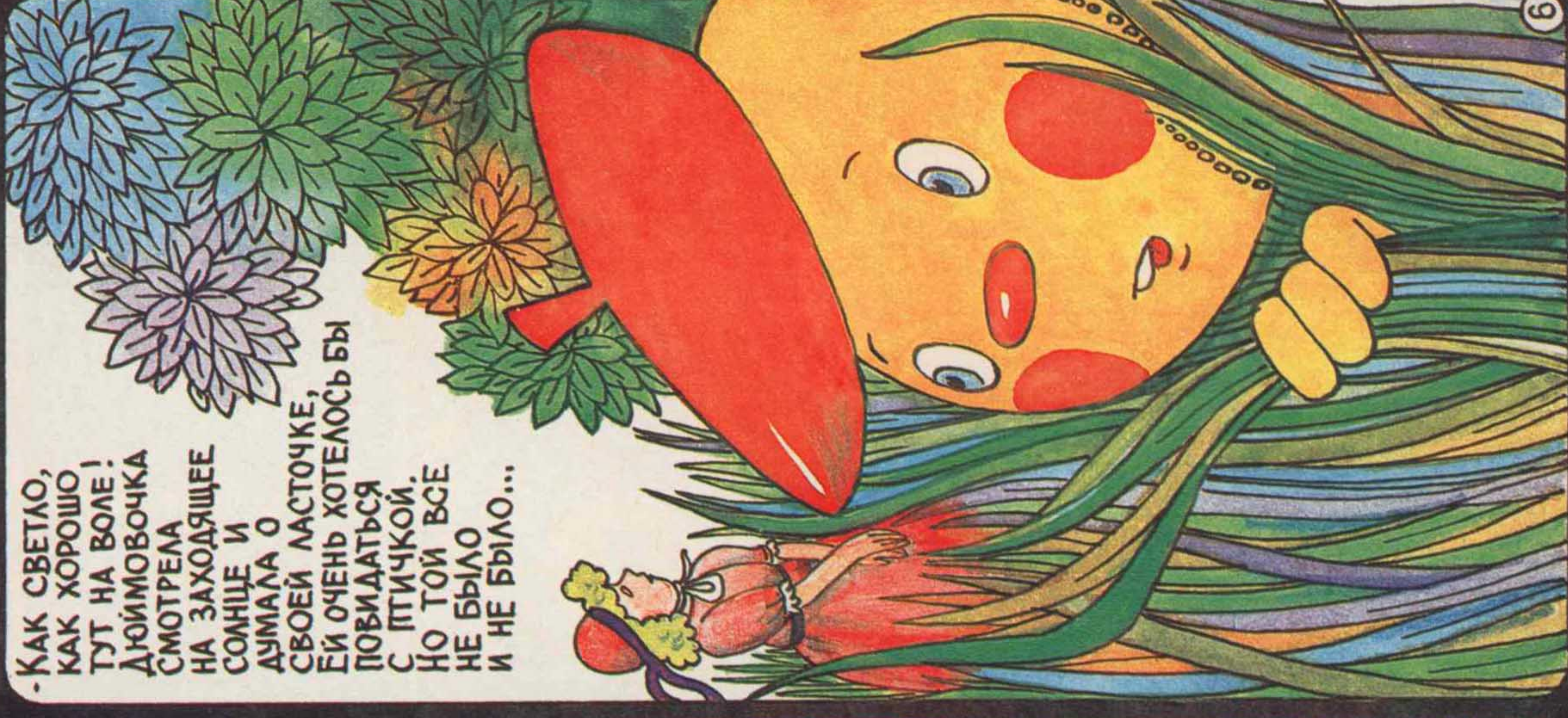
СВАДЬБУ НАЗНАЧИЛИ НА ВЕЧЕР, И ЖЕНИХ ПОШЕЛ ПЕРЕОДЕВАТЬСЯ...

А ДЮЙМОВЧКУ МЫШЬ ВЫПУСТИЛА ПОГУЛЯТЬ ДО ЗАХОДА СОЛНЦА.

-АХ, МОЯ МИЛАЯ ЛАСТОЧКА... НЕУЖЕЛИ ТЫ НЕ ПРИЛЕТИШЬ ЗА МНОЙ, КАК ОБЕЩАЛА...

КАК СВЕТАЛО, КАК ХОРОШО ТУТ НА ВОЛЕ! ДЮЙМОВЧКА СМОТРЕЛА НА ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ И ДУМАЛА О СВОЕЙ ЛАСТОЧКЕ, ЕЙ ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОВИДАТЬСЯ С ПТИЧКОЙ, НО ТОЙ ВСЕ НЕ БЫЛО И НЕ БЫЛО...

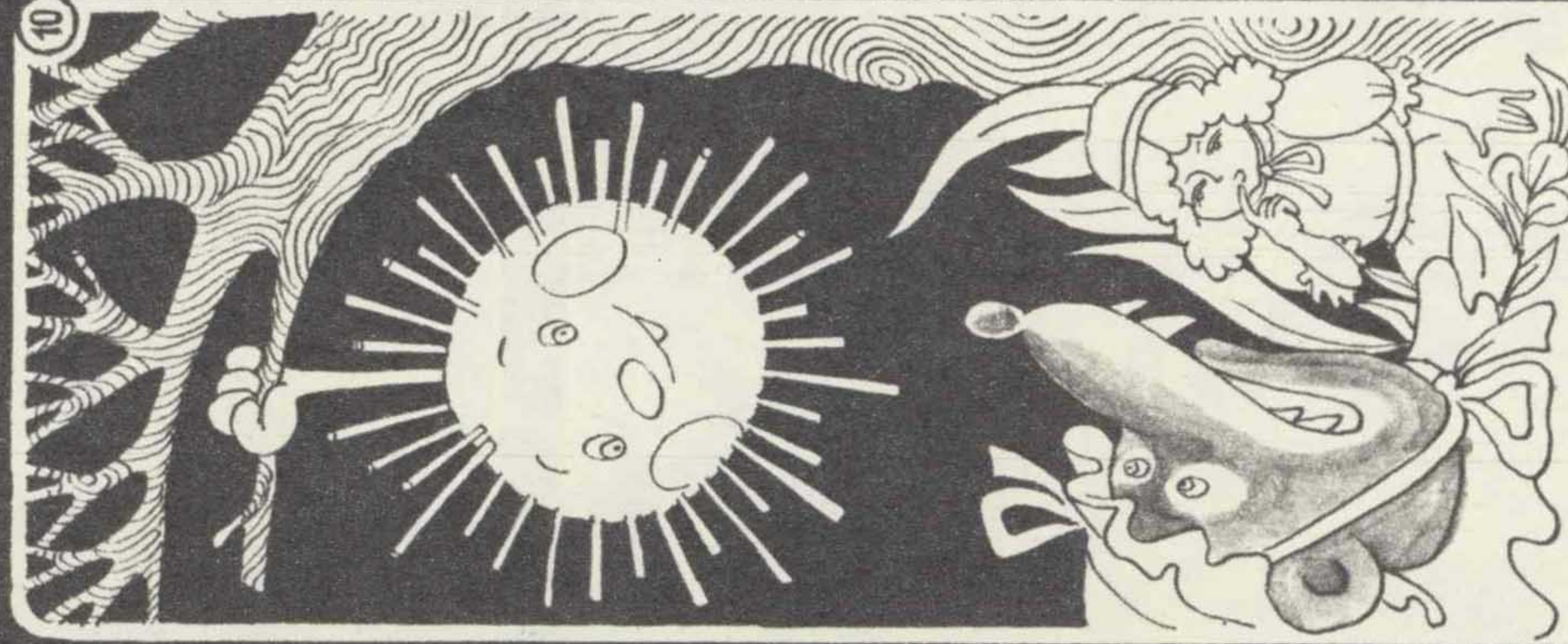
-УЖЕ СЕГОДНЯ МНЕ ПРИДЕТСЯ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В КРотовую нору, ЖИТЬ ГЛУБОКО ПОД ЗЕМЛЕЙ И НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ВИДЕТЬ СОЛНЦА. А ОНО УЖЕ ТАК НИЗКО...

-НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ТАКУЮ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ ДЕВОЧКУ ЗАПЯТАЛИ В КРотовую нору! НУЖНО СРОЧНО ЧТО-ТО ПРИДУМАТЬ...

-ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СУХИХ ЗОЛОТИСТЫХ СОМОУШЕК И МЕНЯ ТРУДНО БУДЕТ ОТЛИЧИТЬ ОТ НАСТОЯЩЕГО СОЛНЫШКА.

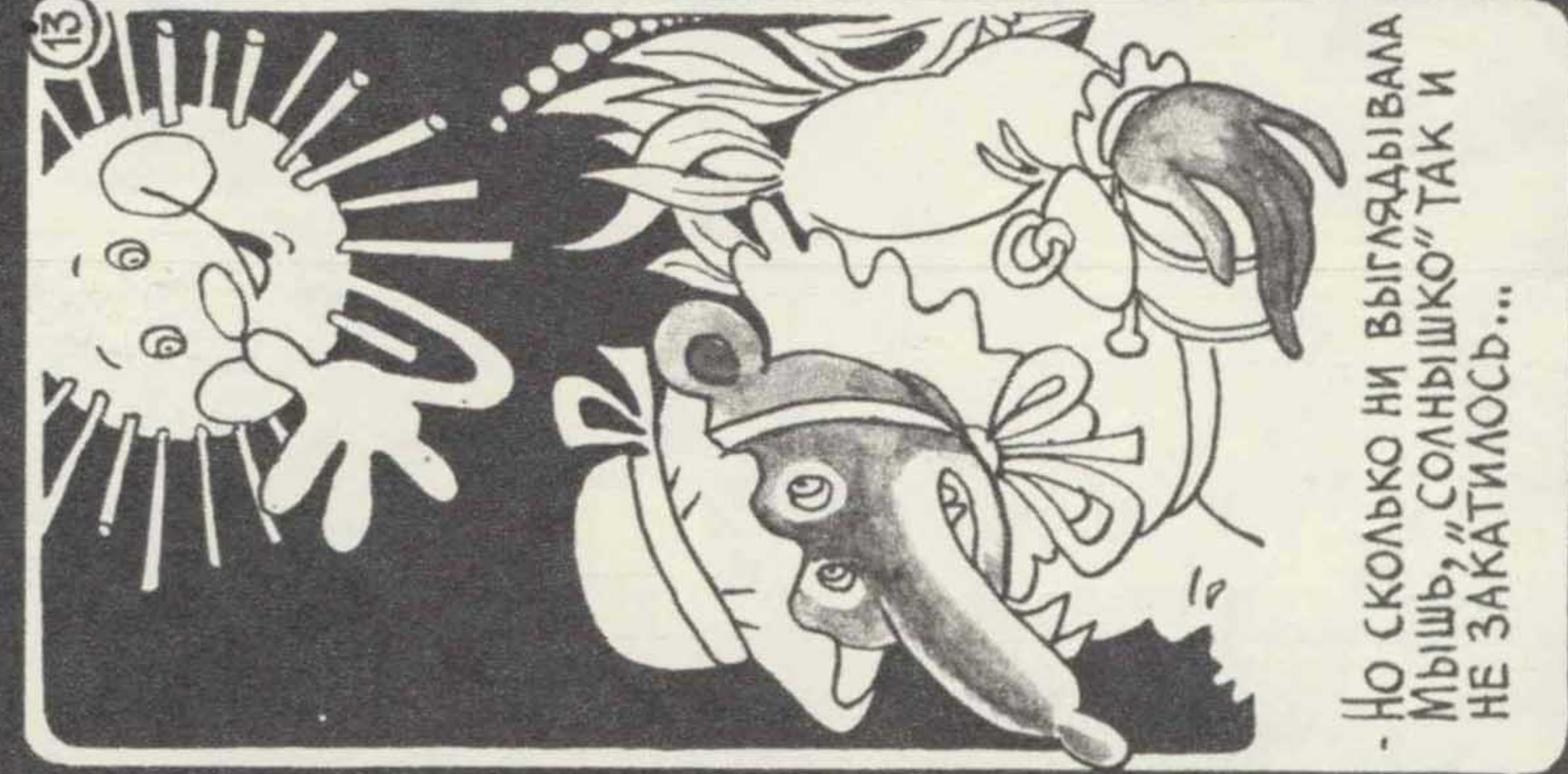
-Что это? По моим расчетам уже должен наступить вечер, а солнце все еще достаточно высоко...

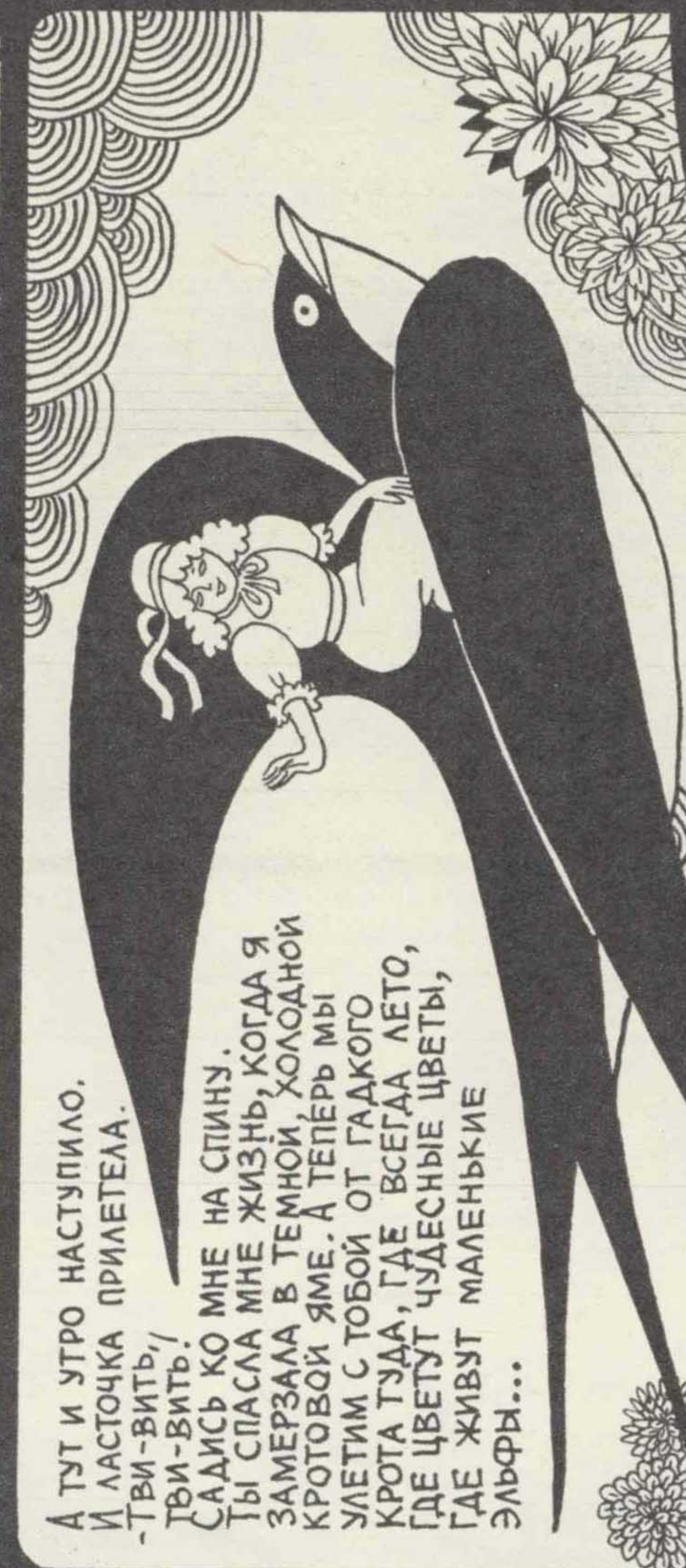
-Ну, ничего! Уж через пару часов оно сядет обязательно!

-Странно! Одно из двух - или часы остановились, или остановилось солнце...

-Но сколько ни выглядывала Мышь, "солнышко" так и не закатилось...

А ТУТ И УТРО НАСТУПИЛО. И ЛАСТОЧКА ПРИЛЕТЕЛА. -ТВИ-ВИТЬ, ТВИ-ВИТЬ! САДИСЬ КО МНЕ НА СПИНУ. ТЫ СПАСЛА МНЕ ЖИЗНЬ, КОГДА Я ЗАМЕРЗАЛА В ТЕМНОЙ, ХОЛОДНОЙ КРотовой яме. А ТЕПЕРЬ МЫ УЛЕТИМ С ТОБОЙ ОТ ГАДКОГО КРОТА ТУДА, ГДЕ ВСЕГДА ЛЕТО, ГДЕ ЦВЕТУТ ЧУДЕСНЫЕ ЦВЕТЫ, ГДЕ ЖИВУТ МАЛЕНЬКИЕ ЭЛЬФЫ...

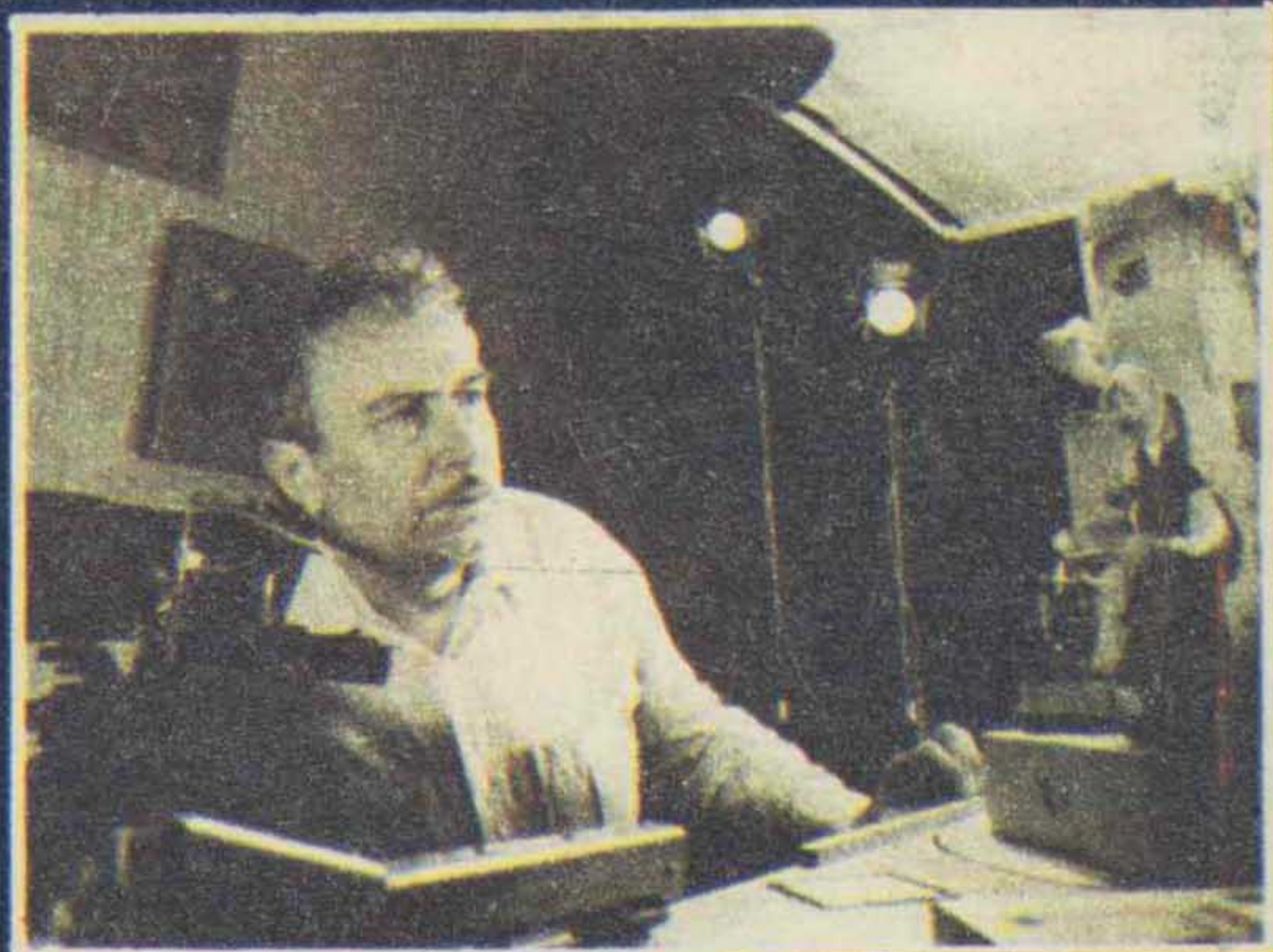
-Прощай, Колобок! СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ!

-Прощай, Дюймовочка! МЕНЯ ЖДУТ НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И НОВЫЕ СТАРЫЕ СКАЗКИ...

НУ, А ЧТО ЖЕ ДЮЙМОВОЧКА ГОВОРЯТ, ЧТО ОНА БЫЛА ЗАМЯЖ ЗА КОРОЛЯ ЗАВФОВ, И МЫ АККУРАТНО НАШЛИ КОНЕЦ НЕПЛОХОЙ СКАЗКИ.

Нижнюю часть мультфильма ты можешь раскрасить сам.

Эти чудесные открытки создает в своей домашней мастерской один очень обаятельный человек. Он, в прошлом прекрасный кинооператор, один из авторов фильмов «Женитьба Бальзамина», «Дядюшкин сон», «Джентльмены удачи», как оказалось, занимается куклами всю жизнь. Сегодня он расскажет немного о себе. Его зовут **Георгий Алексеевич Куприянов**. Читайте в номере беседу с ним «Когда все возможно...»

ОГОНЁК

